

84P6
4-44

ЕФИМ
ЧЕПОВЕЦКИЙ

ТВЕРДЫЕ ОРЕШКИ

ЕФИМ
ЧЕПОВЕЦКИЙ

Т В Е Р Д Ы

О О Е Ш К И

Издательство ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1963

Не ломай себе голову, читатель, над тем, какие твердые орешки полюбились автору, почему он назвал так свою книгу.

Твердые орешки — это ребята, населяющие повесть и рассказы книги. Обыкновенные советские ребята, сверстники, друзья и товарищи читателей, которых автор наблюдал в школе, пионерском лагере, дома, на улице.

И ребята эти все неплохие, даже, скажем, замечательные ребята. Просто каждый из них имеет свой характер и требует к себе особого подхода.

Автор уже знаком юным читателям по книгам «Непоседа, Мякиш и Нетак», «Приключения бравого солдата Пешкина», по поэме «Ушел из цирка» и др.

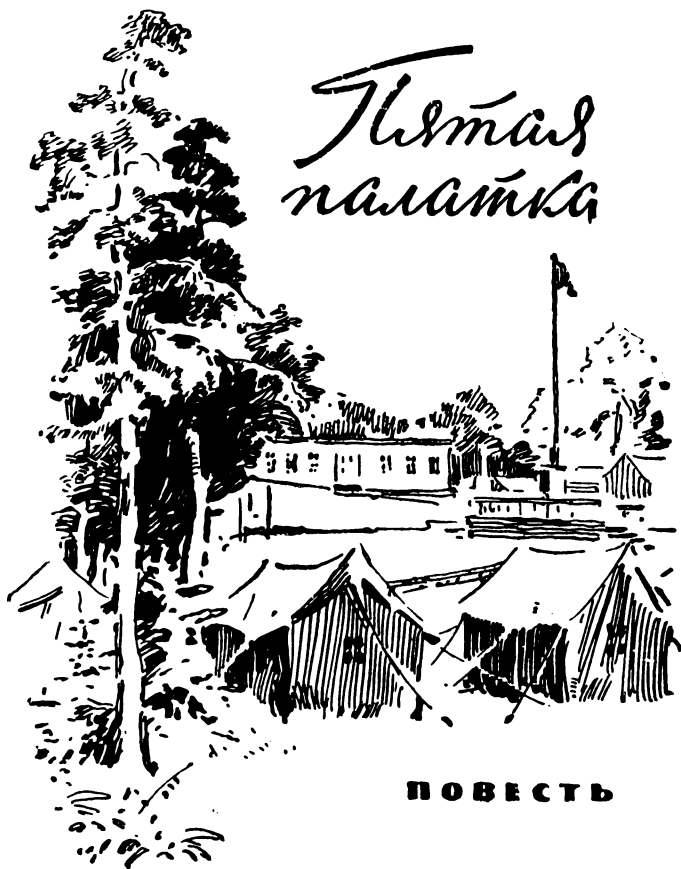
Повести и рассказы, включенные в книгу, хорошо иллюстрированы.

Книга рассчитана на средний школьный возраст.
Дорогие читатели!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги, а также свои пожелания издательству.

Пишите по адресу: Москва, А-30, Сущевская, 21.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», массовый отдел.

Тема палатка

ПОВЕСТЬ

ПАЛАТКА, В КОТОРОЙ...

Внашей палатке четыре койки. Моя стоит слева у входа, за мной — койка Саши Кикнадзе, против меня место Женьки Быкова, а за ним — Веньки Чижа. Венькина настоящая фамилия Чижевский, но все зовут его просто Чижом, даже вожатые.

Мы уже восьмиклассники, вернее — всего месяц, как закончили седьмой класс и в восьмом еще не учились. Поэтому когда я говорю «ученик восьмого класса», мне кажется, что обманываю...

Сегодня четвертый день смены. Я все еще не могу привыкнуть к новому месту. Сколько раз ни отдыхал в пионерском лагере, всегда одна и та же история: верчусь, кручусь, никак не могу заснуть, а утром хоть за ноги стаскивай.

Теперь новая история: засыпаю-то я поздно, а просыпаюсь чуть свет. Ночью обязательно снится, что я лечу в какую-то пропасть. Иногда даже просыпаюсь — дух захватывает!

Утром в лесу птицы поют так громко, что в ушах колоть начинает. Дятлы над головой долбят часто-часто, а внизу в стволах гулко отдаются удары. Если затаить дыхание, слышно, как из-под птичьих коготков кора осыпается... Когда я открываю глаза, то начинаю жмуриться: солнечные лучи, как иглы, прошивают палатку то там, то здесь, как будто ткут ее.

Воздух на рассвете тугой, прохладный; вдохнешь, и кажется, до самых пальцев достает. В палатке еще сумрачно, точно туманом заволокло. И вдруг невиди-

мая рука отклоняет густые ветви, и на палатку падает яркий желток. Он чуть колыхнется, как будто дышит, и разливается все шире и шире. Это солнце свой обход начинает. Я снова закрываю глаза, и меня всего обволакивает ленивым теплом. Солнце переходит на койку Женьки Быкова, потом захватывает Сашино место, а в полдень три четверти палатки залито горячим светом. Только в углу, где койка Веньки Чижа, солнца не бывает. Здесь над палаткой густая листва, лучам не пробиться. Чиж всегда тень ищет. Он и сейчас укрыт с головой, а ноги торчат из-под одеяла. Я смотрю на его подушку, из-под нее коробок выглядывает. Я знаю, там папиросы. Венька иногда бегает в уборную или за территорию лагеря, чтобы покурить. Когда вожатых поблизости нет, он вытягивает из кармана уголок пачки и, подмигивая, спрашивает: «Покурим, что ли?» Но ребята хихикают и не берут. У него только длинный Захар из третьей палатки папиросы «стреляет» или просит: «Оставь долю!»

Я Веньку не понимаю. Так он вроде парень толковый. И читал много и модели всякие делает, а вот от ребят в стороне держится. Бродит где-то на хозяйственном дворе и всегда на линейку опаздывает. Его за это «отшельником» прозвали...

До горна еще минут десять. Я достаю из тумбочки журнал «Юность» и смотрю картинки. Я уже весь его прочитал, даже стихи, а других книг у меня нет: библиотека только завтра откроется.

И вдруг: «Трат-та-та-та!» — звонко раскатывается по лесу, словно кто-то в огромный медный таз колотит. Звук несется по центральной аллее между палатками, потом бросается в стороны, бьет по стволам и сучьям и, рассыпаясь на мелкие осколки, тонет в глубине леса.

«Ура-а-а! Подъем! Подъем!» — несется со всех сторон, и десятки ног шлепают мимо нашей палатки.

А мы лежим. То есть мысленно я тоже бегу к стадиону и даже чувствую, как щекочет ноги мокрая трава, но тело не двигается. Какой-то голос внутри меня говорит: «Торопиться некуда. Торопиться некуда!»

Еще на рассвете, как только я открыл глаза, мне показалось, что что-то произошло. Нет, не со мной, конечно, а с нашим отрядом. Тогда я начинаю вспоминать вчерашний день...

Помню, что Нин-Вас (это мы старшую вожатую, Нину Васильевну, так называем) бегала с каким-то письмом и читала его нашим девчонкам. До самого вечера не расставалась она с синим конвертом. Я спрашивал у Веньки, что все это значит. Но он, как всегда, небрежно махал рукой: мол, какое мне дело?.. Я снова перебираю в памяти события дня и,

наконец, вспоминаю. Вчера после обеда мы почти все время были без вожатого. Наш Михаил Павлович три раза бегал на почту говорить с городом, а его рюкзак с вещами стоял на центральной аллее. Вечером он ходил с начальником лагеря и что-то ему доказывал, протягивая какую-то бумажку. Старшая вожатая тоже волновалась и все время твердила начальнику одну и ту же фразу: «Мы другого такого работника не найдем!..»

Голоса за палаткой стихли, скоро со стадиона донеслась музыка. Жора-баянист, как всегда, играл песенку о зарядке. Вы ее, наверное, знаете. Вот эту:

Потому что утром рано
Заниматься мне гимнастикой не лень,
Потому что водою из-под крана
Обливаюсь я каждый день...

Вдруг раздается шумный голос Нин-Вас. Он быстро приближается к нашей палатке и, словно ветер, врывается в нее. Не успеваю я открыть глаза — палатка распаивается и показывается лицо Нин-Вас.

— Конечно, снова пятая! — говорит она и, пригнувшись, вбегает прямо в палатку.

«Почему «конечно, пятая»? — думаю я. — До сих пор старшая нам ни одного замечания не делала. Если бы она сейчас заглянула в третью или восьмую и застала такую же картину, то, наверное, сказала бы то же самое».

— Поднимайтесь немедленно! — приказывает она и тормошит Быкова и Кикнадзе. — Думаете, если вожатого нет, если его призвали в армию, то можно нарушать режим?!

«Так вот, значит, откуда у меня это предчувствие!» — думаю я и молча подымаюсь с постели.

— Соколов, что ты молчишь? — спрашивает старшая и смотрит на меня испуганными глазами.

Сашка прыскает со смеху. Я ведь стою как истукан, потому что обо всем этом думаю. Поневоле испугаешься.

— Одевайся и беги на зарядку! — повышает голос Нин-Вас. — Я сейчас проверю всех на стадионе. Сказала и исчезла.

Сашка, как козел, вскочил с постели, засверкал своими черными глазищами и с диким криком: «Вперед! В атаку!» — выбежал из палатки.

Женька Быков сел на койке и невнятно бормочет:

— Что?.. Откуда?..

Он всегда трудно просыпается. С него одеяло стянешь, а он еще минут пять сны досматривает. Вот и сейчас бежит позади меня и пошатывается. А я лечу как стрела. Мне действительно кажется, что я лечу: тело мое легкое, и земли я под ногами не чувствую.

Через минуту стою в строю. Весь стадион машет руками, и только слышно дружное посапывание да голос физрука:

— Делай раз! Делай два!.. Повторяем!

Я через десять рядов вижу Жору-баяниста. Голова его свалилась на плечо, глаза закрыты. Ох, и здорово он играет, вслепую! Ни на пуговички, ни на клавиши не смотрит! И что ни попросишь исполнить — все знает. Мне кажется, если ему в постель дать баян, он не проснется и начнет играть...

Веньки Чижа, конечно, нет, а Женька Быков уже совсем проснулся. Он прыгает передо мной на одной ноге, кривляется и кукует: «Ку-ку, ку-ку!»

— Принять исходное положение! — доносится голос физрука, и мы кладем руки на бедра.

Слева делает зарядку Мая Романова. Она смотрит на меня и улыбается. Я не помню, чтобы она не улыбалась, и даже не представляю себе ее другой. Саша Кикнадзе говорит, что она глупая, поэтому всегда улыбается. Вот еще выдумал! Это же неправда. Мая умная и добрая. Ее в школе все Ромашкой зовут. Это, наверно, потому, что волосы у нее белые-белые, а фамилия — Романова... Ромашка!.. Ей очень идет это имя. Мне кажется, если бы я не знал, что ее так прозвали, придумал бы точно так же...

— Наклон вперед, руками касаемся носков!..

Мая делает упражнения четко, ноги в коленях никогда не сгибает. Я украдкой посматриваю на нее и стараюсь делать не хуже. Она уже успела загореть, и волосы стали казаться еще белее. Вот она наклонилась, опустила голову, и локоны тяжело падают вниз, пересыпаются, как золотой песок...

— Повторяем движение!.. Быков, заставлю зарядку делать сначала!..

А Мая все смотрит на меня. Глаза ее прищурены, смеются. «Что это она выдумала?»

Вдруг Мая говорит:

— Митя, Митя!

— Чего тебе? — спрашиваю шепотом.

— «Юность» дочитать мне дашь?

Я хочу сказать, что дам, а Сашка Кикнадзе сзади шипит:

— Слышь, Митяй, не давай! Это журнал нашей палатки. Пусть девчонки сами себе достают!

Ему журнал вовсе не нужен, просто он ненавидит девчонок.

Я Ромашке ничего не отвечаю, но она меня понимает. Я, конечно, назло Сашке журнал ей дам...

Зарядка кончилась. Мы бежим застилать кровати. Я лечу, перескакивая через пни и качалки малышей. Аппетит зверский. Я заранее знаю, что попрошу две добавки, три добавки...

— Эй, эй, берегись!..

СО МНОЙ ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ

Уже второй день мы без вожатого. Наш отряд «пристегнули» к третьему и велели всюду ходить за ним. Мы страшно бузим и не хотим шагать в одном строю с шестиклассниками. Кричим: «Будем сами!» — а собраться в строй нам никак не удастся. На отрядную линейку приходит не больше половины, остальные бродят где попало. Вчера по этой причине мы ужинали последними и на общелагерьную линейку, на спуск флага нас не пустили. Нин-Вас долго отчитывала, а потом сказала, что принимают все меры для «укомплектования нас вожатым». Она так и сказала: «укомплектования». Ну и словечки же у нее! Утром она заявила, что в третьем отряде «пересортица», и две маленькие девочки побежали сообщить об этом врачу: «Мы с ними играем, а у них пересортица, они нас заразят...» Оказывается, старшая вожатая имела в виду, что там ребята из разных классов.

Еще она обожает словечко «зафиксируем».

Мы бродим без вожатого, а сама Нин-Вас заняться нами не может, потому что готовит лагерь к встрече с секретарем обкома комсомола по школам. Она говорит, что секретарь может явиться со дня на день, «свалиться как снег на голову». Кто-то, а она это хорошо знает!

Короче, отряд беспризорный. Ведь это настоящее ЧП, а наших ребят не очень тревожит, им как будто все равно. Странно, но мне тоже безразлично. В прошлые годы я бы уже давно пристроился к другому отряду, где есть вожатый. И вообще помню, что всегда в своем отряде был заводилой, всегда в самой гуще ребят вертелся. А теперь мне никто не нужен, все хочется быть одному, уйти подальше, где тихо, и молчать долго-долго. Что со мной происходит, не знаю. Мне все чего-то хочется, а чего — не соображу. Интересно, у других так бывает?..

Как это я забрел в лес? Не понимаю. Что-то потянуло, и не заметил, как очутился в лиственной роще. Вокруг ни души. Я сижу на пеньке и слушаю, как шумят деревья. Они разговаривают между собой, точно люди: то перешептываются, то заспорят, заспорят. Потом снова тихо. И вдруг в ушах возникает музыка, какая-то далекая, знакомая музыка. Сначала играют скрипки — одна, две, много скрипок, — потом трубы, громкие, дребезжащие... Где я слышал эту мелодию?.. А-а, вспомнил. Когда-то давно в парке, на симфоническом концерте. Я туда с отцом и матерью ходил. Странно, я почти не слушал, так — одним ухом, все вертелся, вертелся, а теперь вдруг вспомнил... Вееь лес играет, в каждом дереве скрипка!..

Я больше не могу сидеть, поднимаюсь, а по телу словно ток проходит. Я закрываю глаза. Стучит сердце. Поет иволга. Горячий ком подступает к горлу, и на глаза наворачиваются слезы... Что ж это?.. Хочу крикнуть, но голоса нет. Тогда я бегу на поляну, где густая трава, а в ней цветы: колокольчики, барвинки, ромашки. Я хватаю обломанную ветку и начинаю беспощадно стегать траву и цветы. Кошу, как косой, и приговариваю: «Ромашки! Ромашки!..» Много их здесь, белых с желтыми глазами... Мая совсем не похожа на них. Лицо у нее смуглое, на носу ромашки... Я хотел сказать, «веснушки», а говорю «ромашки». И глаза у нее вовсе не желтые, а какие-то другие... Не помню какие. Знаю только, что когда она на меня смотрит, я странно себя чувствую. Как? Ну, вот теплая волна по спине пробегает, озноб начинается, как при гриппе. Отвернется — все проходит. Сейчас Ман нет, а мне снова жарко... «Иэ-э-эх!» — вырывается у меня из груди, и я лечу, лечу в лес, напролом. Ветви бьют по лицу, царапают кожу. Я лечу вперед, вперед — и натыкаюсь на Веньку Чижа.

— Стой, сумасшедший!

— Ты? — спрашиваю я, словно не верю своим глазам.

— Не видишь?

— Вижу...

— Садись! — приказывает Венька и достает папиросы. — Кури!

Я беру папиросу. Закуриваю. Чувствую во рту горечь. Мне все равно... Наконец все проходит.

— Папироса потухла! — ехидно улыбается Венька.

— Дрянь! — говорю и бросаю окурочек.

— Па-а-а-а-а! — смеется Венька.

Он смеется, а глаза у него грустные.

Я молчу, смотрю на него, потом спрашиваю:

— Почему тебя отшельником зовут?

— Потому что отошел от общества. Понял?

— Понял.

— И вообще не твое дело. Как хочу, так и живу...

Я думаю о Веньке и вспоминаю, что живет он с бабушкой, без отца и матери. Они у него есть, но находятся где-то на Урале. Венька однажды невзна-

чай бросил: «Отправили к старухе, чтоб не мешал им жить. Кому нужна такая обуза?..»

Я лежу на траве, смотрю на Венькины стоптанные башмаки и думаю о том, как неуютно живется ему без родителей. Мне жалко Веньку. И себя немножко жалко. А почему себя?..

Хочу о себе не думать, а в голову лезут мысли о доме. Я уже давно собирался выяснить, что там происходит между отцом и матерью. Отец редко обедает дома. Я и не вижу, когда он уходит и приходит. Мать сидит вечерами одна, даже телевизор не смотрит. Сидит, что-то шьет, а руки дрожат. Подойдет поправить мою подушку, а на нее слеза капнет. И я ни разу не спросил: отчего? Вспоминаю отца. Как ходил с ним в зоопарк, как он меня на лодке катал... Бывало, посадит на плечи — и айда!

— Вы куда? — спросит мать.

— У нас свои, мужские дела! — отвечает он и ведет меня в зоопарк или на лодке кататься.

С матерью он о своих делах не говорил, а вот при мне всегда о них вслух рассуждал. Бывало, сидим где-нибудь в саду на скамейке, и он вдруг начинает:

— ...Жизни от него на заводе нет! Всем прогрессивку режет, чертов пень!..

В нашем доме часто о прогрессивке говорили, и я знал, что это прибавка к зарплате, и она очень нужна. А вот кто этот «чертов пень», который «всем прогрессивку режет», я не знал, и отец мне растолковал:

— Есть у нас такой дяденька Цехановский. Ему полезное предложение принесешь, от которого заводу экономия, а нам прогрессивка. А он его под сукно положит и заморозит... Чертов пень!

— А вы этот пень порубайте! — советовал я отцу.

— Как можно живого человека рубать?!

И у меня все в голове перепутывалось: «Что ж это за существо такое: и человек — не человек; и пень — не пень?»

Если он говорил мне об этом дома, мать удивлялась:

— Зачем ты ребенку о своих делах рассказываешь?

— Пусть знает, что у нас на заводе не в кошки-мышки играют...

Давно это было. Ой, как давно! Я очень отца люблю... Я, конечно, и маму люблю. Случалось, расшибу колено или шишку на лбу набью, первым делом к ней бегу. Обнимет она, поцелует — и все как рукой снимет. Уютно возле нее, тепло... Только вот болеет она часто...

И что ж это дома происходит? Может, поехать узнать?.. Да нет, пустяки. И взбредет же такое в голову! Это все из-за Веньки...

Я лежу ничком на траве, положив голову на руки, и думаю.

— Ты что, спишь? — слышу Венькин голос.

— Да нет, не сплю.

— Айда в сад — вишни рвать!

— В какой сад?

— Не в мой, конечно.

— Красть, что ли?

— Балда! Зачем красть? Просто возьмем немного. Они прямо через забор переваливаются, лишние. Не мы, так другие сорвут.

Вишен захотелось — прямо слюнка в нёбо ударила. «А чего, — думаю, — не попробовать?»

— Пошли! — говорю.

Через минуту мы стоим у забора, над которым гроздьями висят вишни. Крупные, красивые.

— Видал какие? — восхищался Венька.

— А как достать?

— А забор для чего?

Мне вдруг почему-то расхотелось вишен.

— Ну, чего стал? Давай, пока никого нет!

Забор высокий, доски нетесанные, и, как назло, ни одного сучка — не во что ногу упереть. Я руку занозил, штаны в коленке продрал, но все-таки за-

лез. Венька — тот половчее: мигом забрался и утонул головой в листе. В общем сидим, рвем и в рот отправляем, соревнуемся, кто побольше да потемнее вишню найдет.

Долго на дороге никого не было, а потом появилась рыжая корова, а за ней толстая тетка. Корова упирается, не хочет идти вперед и все норовит повернуть обратно. Тетка ругается, и обе кружат на дороге.

Она бы с ней так и не справилась: корова упрямая была. Но тут на дороге показался какой-то паренек. Идет с чемоданчиком и что-то насвистывает.

— Эй, хлопец, — просит тетка, — помоги корову погнать!

Парень поставил чемоданчик, схватил с земли сухую ветку да как стеганет рыжую, та мукнула от неожиданности, но с места не тронулась. Тогда парень вставил два пальца в рот да как свистнет ей прямо в ухо. Корова повернула и в галоп. Парень за ней. Бежит и стегает. Тетка подобрала юбки и тоже вперед.

— Давай гони! — кричит. — Чтоб назад не повернула!

Мы, конечно, им тоже подсвистели на дорожку.

— Да ну их к бесу! — сказал Венька. — У нас своя работа есть. — И мы снова нырнули в листву. Сорвал я не больше десятка вишен, и вдруг меня сзади кто-то — хлоп, да так, что на мягком месте, наверное, пальцы отпечатались. Смотрю, а это тот самый парень, что корову гонял. Он за чемоданчиком вернулся.

— Эй! Вы что тут делаете?

— Не видишь — картошку полем! — отвечает Венька.

— Я те дам картошку! Вишни крадете!

— А они твои?

— А что, твои?

— Не твои, не мои. Иди, куда шел!

В это время в саду крик раздался:

— Вот я вам! Катя, сюда! Мальчишки вишни обрывают!

Венька спрыгнул на землю, а я сорвался и — на-

до же такое — сел прямо парню на голову. Тот не устоял и упал, я тоже прямо носом в пыль.

— Митька, тикай! — заорал Чиж и схватил меня за руку.

Я хотел бежать, а парень хватъ за ногу, как клещами сдавил.

— Стой, не уйдешь!

Я чувствую, что не вырваться мне. Хотел уже сдаваться, но тут подбежал Венька и ударил парня ногой по руке, он и выпустил меня.

— Скорей! — кричит Венька.

И мы с ним припустились.

Парень сначала было за нами побежал, но потом остановился и кричит вдогонку:

— Ладно! Мы еще с вами встретимся!..

Отряхнул пыль с колен, взял свой чемоданчик и пошел по дороге. Идет и шею потирает. Венька хочет, а у меня на душе противно, руки от вишен липкие, как в грязи.

Вдруг я вспомнил, что всем отрядам велели в час дня обязательно быть на территории лагеря, и говорю Веньке:

— Уже, наверное, час, а мы тут околачиваемся. Айда!

Венька махнул рукой, и мы повернули обратно.

НОВЫЕ СОБЫТИЯ, НОВЫЕ ДЕЛА

К лагерю подходили спокойным шагом. Венька шел впереди, опустив голову, засунув руки в карманы. У меня от этих вишен все еще было кисло на душе. Венька шел и молчал, думал о чем-то. Все-таки странный он парень. Только сейчас хохотал на весь поселок, а теперь молчит и ничего вокруг не замечает, как будто в голове у него есть какой-то переключатель настроения.

— Куда мы идем? — спрашиваю. — Нам направо надо, к воротам.

Венька махнул рукой и подошел к забору. Потрогал одну доску, вторую, наконец отыскал нужную, снял с нижнего гвоздя и отвернул в сторону.

— Лезь!

Я полез. Венька за мной. И тут мы вплотную познакомились с начальником нашего лагеря. Он стоял прямо перед нами и смотрел на сорванную доску.

— Куда лезете? Что вам здесь нужно? — строго спросил он. — Это пионерский лагерь. Посторонним вход воспрещен.

— Мы не посторонние, — сказал я. — Мы свои.

— А почему лезете через забор? Что, ворота малы? Или не знаете, где они?

— Знаем.

— Ну так полезайте обратно и идите где положено! — И скомандовал: — Кру-гом!

Мы, конечно, немедленно исполнили приказ и направились к главному входу. Идем и оглядываемся. А начальник сам начал вылезать в нашу дырку. Только ему это не просто удалось. Дяденька он грузный, широкий и, чтобы пролезть, выдернул из забора еще одну доску. Затем каблуком прибил доски на место и пошел в сторону станции.

— Не узнал нас, — сказал Венька.

— Что ж удивительного? — заметил я. — Разве он может всех запомнить? И потом, знаешь, старшая говорила, что он впервые начальником лагеря работает. Он демобилизованный, подполковник.

— Швейк он, вот кто, — сказал Венька и вдруг надулся, выкатил грудь колесом, глаза орешками да как заорет: — Подразделения, на полиго-он шагом ма-арш!

Тут мы оба расхохотались, потому что вспомнили одно и то же.

Это было в день нашего приезда в лагерь. Собрали нас всех на общелагерной линейке, и все начальство по очереди начало разъяснять, как нужно вести себя в лагере и зачем мы сюда приехали.

Начальник был в кителе, при орденах. Орден Ленина, орден Красного Знамени и полный кавалер орденов Отечественной войны — двух степеней. А медалей так и не счесть. И каждому из нас захотелось быть таким же. Когда ему старшая тогда рапорт сдавала, то вытянулась по-военному и от старания начала заикаться. А потом выступил начальник и

стал доказывать, что дисциплина в лагере должна быть, как в лагере (он имел в виду — военном, но этого не сказал, а мы сами догадались), и что самое главное — это набрать побольше веса, «не меньше чем по полтора килограмма на штык, чтобы было о чем рапортовать командованию».

Слово «штык» он очень уважал и не обходился без него до конца смены. Если хотел справиться, сколько в отряде или звене ребят, спрашивал: «Сколько штыков в подразделении?» Когда же требовал от кого-нибудь дисциплины, то всегда говорил: «Чтобы у меня, как штык, был!»

В конце он заявил, что для нашей поправки все обеспечено: продукты доставляются своевременно, а поваров будут поощрять за высокую калорийность пищи. И еще, что шеф-повар не подведет, потому что он его лично знает по военной службе.

Эти сообщения нас несколько не интересовали, и по всему было видно, что он сам остался недоволен своей речью. Потом он вышел строевым шагом к мачте и на весь лагерь загремел:

— Подразделения! Слушай мою команду! На полиго-он ша-а-гом ма-арш!

Это он стадион по привычке назвал полигоном. А пошли мы туда для разбивки на отряды.

Конечно, все мальчишки из младших отрядов от него в дикий восторг пришли и до конца смены в военные игры играли...

Мы прошли почти всю центральную аллею и только тогда обнаружили, что в лагере пусто, ребят нет. Тишина, как в тайге.

— Смотри, — говорю Веньке, — какая красота! Аллея — стрела, а палатки в строю лучше любого отряда стоят, ни у одной живот не выпирает. Вот только домики весь вид портят.

— Это ты верно сказал, — поддержал Венька. — В прошлом году всего четыре домика было, а в этом — двенадцать. Через год они все палатки вытеснят, и будет здесь дом отдыха для престарелых пионеров.

Я тогда вспомнил, что в соседнем лагере тоже вместо палаток корпуса стоят, электричество, радио,

телевизор установлен, даже дорожки в лесу асфальтируют. Что же это с лагерями через несколько лет будет?

Хотел я об этом Веньке сказать, да не успел. Позади голос раздался:

— Вы чего тут ходите?

Это спрашивал дежурный по территории. Один галстук у него на шее, другой толстым жгутом повязан на левой руке.

— А где нам ходить? — спросил Венька.

— Так все же на общелагерной линейке! — удивился дежурный. — Там сейчас будут делать важное сообщение! — И грустным голосом добавил: — А я вот должен здесь торчать.

Мы, конечно, сразу побежали на общелагерную. Там уже все отряды были в сборе, и даже наш стоял на месте. Только нас двоих не хватало.

Мы хотели появиться незаметно, но взяли слишком большой разгон и врезались прямо в строй, так что двое наших ребят вылетели вперед метров на пять.

— Первый отряд, что у вас происходит? — сердито спросила старшая.

Она стояла возле мачты с газетой в руках.

— Прибыло пополнение! — доложил Захар из третьей палатки.

— Кто там еще? — Старшая направилась в нашу сторону.

— Это мы, — ответил я.

— Почему опоздали?

— Ходили в санчасть, — бухнул Венька и покраснел.

— Становитесь в строй... Ну что, можно начинать или нет? — повысив голос, спросила старшая.

— Можно! — хором ответили все и зашикали друг на друга.

— Пионеры «Лесного», — начала Нина Васильевна, — вчера советские ученые добились новой замечательной победы: в космос запущен корабль с человеком — летчиком-космонавтом.

— Ура-а-а! — дружно прокатилось над лагерем. Мы начали аплодировать и обнимать друг друга.

Венька даже в лице переменился и так сдал мне шею, что я вынужден был его ущипнуть.

— Да ты понимаешь, что это значит?! — шипел он мне на ухо.

— Понимаю, понимаю...

Я тоже был очень взволнован и не мог всего сразу осмыслить. Я всегда сначала должен сам себе все представить.

Ребята продолжали шуметь. Вожатые за линейкой сбились в кучку и смотрели в газету. Старшая продолжала:

— Подробное сообщение сейчас сделает пионер второго отряда Павлик Малишевский.

Из строя вышел худой длинный парнишка и медленно зашагал к середине. Я почему-то раньше не замечал его в лагере. Наверное, из тихонь. В общем вышел он и начал топтаться на месте. Ох, и волновался же он! Уши покраснели, руки ходуном заходили. Ну, ребята, конечно, начали хихикать: «Дайте ему валерьянки!», «Подоприте колышком, чтобы не свалился!» А старшая торопила:

— Начинай же! Начинай!

— Лучше сами прочитайте! — крикнул кто-то из наших.

И вдруг Павлик заговорил. Сначала тихо, а потом громче, уверенней. Как он сразу переменился! Глаза его заблестели, спина распрямилась, и весь он как-то подтянулся, даже в голосе появились басовые нотки.

Но я уже слов не слышал. Все начало отчетливо рисоваться в моем воображении. И сам корабль, и его механизмы, и огромной силы взрыв, который толкнул его в космос, и герой-космонавт у штурвала. Голос Павлика превратился в гул множества голосов. Они неслись со всех сторон, шумные, радостные. И я увидел море человеческих глаз, следящих за полетом этого чудо-корабля, и все люди восхищались, аплодировали и кричали «ура!», потому что в мире свершилось огромное, небывалое событие... А я... я вместе со всеми людьми на Земле был свидетелем чуда...

— ...Это началась новая эпоха! — сказал Павлик.

И я почувствовал, что у меня захватило дух.

И я должен был сильно тряхнуть головой, чтобы вернуться назад, сюда, где стоял вместе со всеми.

Павлик уже давно успокоился. Если б не костюм, из которого он давно вырос, можно было бы принять его за настоящего лектора. В общем здорово, интересно рассказывал!

А посмотрели бы вы в эти минуты на Веньку! Он так и вцепился в него глазами, даже немного вперед выступил.

Я оглядел весь наш отряд и заметил Маю. Она смотрела на Павлика, и никакой улыбки на ее лице не было. Очень серьезно смотрела. Я ее такой прежде не видел. Мне захотелось, чтобы она и на меня так посмотрела. Тогда я стал ей мысленно приказывать, ну, знаете, гипнотизировать. Смотрю, не мигая, и про себя повторяю: «Посмотри! Слышишь, посмотри! Я приказываю! Понимаешь, приказываю!..» Она, конечно, ноль внимания. Тогда я начал напрягать правую ногу и смотреть прямо в глаза (настоящие гипнотизеры обязательно во время сеанса напрягают ногу или руку, чтобы гипнотический ток лучше передавался), но на Маю это нисколько не подействовало; наоборот, она даже отвернулась.

«Ну и ладно, — решил я. — Подумаешь, нужно очень, чтобы она на меня смотрела...»

Короче, я из-за этого гипноза не заметил, как Павлик закончил свой рассказ. Опомнился только тогда, когда ребята начали аплодировать. Долго хлопали ему. А Венька новую штуку отколол: выступил важно из строя, подошел не спеша к Павлику и пожал ему руку.

— Здорово! — говорит. — Молодец!

Второй отряд тут же собрался его качать, но Нин-Вас снова потребовала тишины и, подняв руку, сказала:

— Продолжаем линейку! Вас, ребята, ожидает еще одно приятное сообщение.

— Ура-а-а! — заорали малыши и начали прыгать.

— Тише! Слушайте! Сегодня в лагерь придут столярные верстаки! С завтрашнего дня все отряды поочередно будут иметь два часа трудового воспитания в день.

Нин-Вас с удивлением смотрела на нас, потому что все отряды встретили это сообщение дружным молчанием.

А Захар из третьей палатки, который всегда поддакивал вожатым, вдруг сделал шаг вперед и сказал:

— Это что же выходит? Мы здесь плановые болванки и табуреты будем делать?

— Да, табуреты! — с гордостью ответила старшая.

— Так мы же их в школе делаем! — решительно заявил Захар.

— Ты что же, против трудового воспитания?

— Нет, не против. У меня «отлично» по труду. Только в лагере я хочу что-нибудь другое делать.

— Будешь делать то, что все... И другое тоже... — неуверенно добавила старшая.

Лагерь зашумел. Одни кричали: «Даешь табуреты!», другие: «Даешь космические корабли!» И все смеялись.

Смеялась и Мая. Теперь она смотрела на меня и что-то говорила соседке справа, Зинке Дороховой. Зина покосилась в мою сторону и, сложив ладони, снова раскрыла их. Мая сделала то же самое. Тогда я понял, что речь идет о журнале «Юность». Я показал, что дам его Мае, и Мая помахала мне рукой.

После этого старшая вожатая читала план мероприятий на всю смену. Я слушал не очень внимательно, но когда все бурно откликнулись на «дальний поход и костры», тоже зааплодировал.

С линейки уходили с песнями. Когда подошла наша очередь, старшая подбежала к нам, посмотрела как-то загадочно и сказала:

— Первому отряду идти на свою линейку в палаточный дворик, — и добавила: — Всё. Кончилась ваша вольная жизнь!

Если она намекала, что сегодня нам дадут вожатого, то могла бы сказать без ехидства, потому что нам самим надоела «беспризорная жизнь». Все-таки в лагере без вожатого очень скучно.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Когда мы подходили строем к нашему дворику, Венька вдруг побежал во второй отряд. Вернулся он оттуда скоро, и вид у него был сияющий. Я подошел к нему, а он спрашивает:

— Митя, ты кем хочешь быть?

Это был мой самый больной вопрос, и меньше всего я сейчас думал об этом. Я просто еще не решил, какую профессию выбрать. И честно сказал:

— Не знаю. Я еще просто не знаю.

То есть, вообще-то говоря, я знаю, но никому не хочу в этом признаться. В глубине души я иногда мечтаю стать журналистом или писателем. Но ведь это не так просто. Ведь надо еще проверить, есть ли у меня талант. Стихи, которые я пишу для стенгазеты, ребята хвалят, но что они смыслят в поэзии! Дома у меня есть целая тетрадь стихов о природе и еще басни, но я их никому не показываю, пишу для себя.

— Эх, ты! — сказал Венька. — А я знаю!.. Ты парень свой. Тебе я скажу.

Он отвел меня в сторону и показал на пенек.

— Садись! Слушай... Надо быть космонавтом! Время такое, понимаешь! — И он ребром ладони начал рубать воздух, словно отсекал слово от слова.

Теперь я понимаю, зачем Венька бегал во второй отряд. Он бегал к этому самому Павлику. О чем они говорили, не знаю, но сейчас Венька стал раскрывать передо мной свои планы:

— Главное — попасть на авиазавод. Это раз. Ясно? С восьмого класса возьмут. Второе: у меня там Василий Ефимович. Сосед. Работает в авиамоторном. Ясно? Обещал устроить. Третье: литературу перечитал. Четвертое: в авиакружке работаю. Кончил модель-реактивку! Ясно?.. — Венька вдруг посмотрел на меня и спохватился: — Может, не веришь, что у меня есть Василий Ефимович? Что он на авиазаводе работает?.. Так вот! — И он быстро вытащил из кармана сложенный вчетверо листок. — Это от него. Читай!

Венька поднес листок прямо к моему носу. Ну, я и прочитал немного.

«...Ты, Вениамин, смотри, отдохни как следует, спортом подзанимайся, а главное — не дури! Если что понадобится, не стесняйся, пиши мне или тете Клаве. Мы мигом тебе всё доставим. Бабушка твоя чувствует себя хорошо, мы к ней каждый вечер заходим... Будет время, обязательно тебя навещу...»

В письме ничего не было сказано о том, что этот Василий Ефимович на авиазаводе работает. Я только подумал, что хорошие у Веньки соседи, прямо как родные: заботятся о нем, даже бабушку навещают. И еще, что хорошо Веньке строить планы: родители далеко, и он вольная птица. Попробовал бы я дома заикнуться, что хочу пойти на завод. Мне бы еще и влетело. Родители ни за что не пустили бы. Где там! Просто привязали бы к школьной парте: «Кончай десятилетку, и точка!»

Когда мы пришли на линейку, отряд уже был построен и кто-то даже подмел дорожку. Захар ходил вдоль строя и кулаком равнял линию. Мы стали в строй и рассчитались по порядку.

— Тридцать второй, последний! — пропищал Женька Быков.

Он, как всегда, стоял в конце. Между предпоследним и Женькой можно было по росту поставить еще человек пять, до того этот Быков был куцым, а все ребята и девчонки, как назло, у нас долговязые и почти одного роста. Когда отряд построен, получается смешная картина: что-то вроде строчки с точкой.

Да, я еще ничего об этом Женьке не рассказывал. Ох, и типчик же он! Ростом-то с вершок, а хочет прежде других стать взрослым, прямо из кожи лезет. И главное, все время возле девчонок вертится и пижонится. Трижды в день смачивает свою шевелюру водой и на

затылок зачесывает. Чтобы казаться выше, ходит на носочках и шею вытягивает. А когда стоит возле дерева или стены, тоже приподнимается на носки и упирается пятками, чтобы ноги не уставали. Чудак, он думает, что никто этого не видит. И еще часы носит. Часы большие, толстые, а рука у него тощая, как щепка. Смешно получается.

Так вот, стоим мы в строю, и вдруг Захар как зашипит:

— Тихо! Нин-Вас идет и какого-то парня ведет!

Когда я посмотрел на главную аллею, то у меня появилось желание провалиться сквозь землю. Старшая вожатая вела к нам того самого парня, которому я свалился с забора на голову.

Мы еще никогда так хорошо не стояли на линейке, равнение было образцовым. Парень спокойно оглядывал нас и правой рукой слегка потирал затылок. Он отлично видел и меня и Веньку, но даже виду не подавал, что мы знакомы.

Захар на правах временного председателя сдал рапорт:

— Отряд, смирно!.. Товарищ старшая вожатая, в первом отряде насчитывается тридцать два человека: восемь комсомольцев, двадцать четыре пионера. На линейку явились все!

Последние слова он произнес с особой торжественностью, потому что такое с нашим отрядом случилось редко.

— Вольно, — ответила старшая вожатая. — А это ваш новый вожатый, Валерий Николаевич. Слесарь авторемонтного завода, студент политехнического института... Отряд у вас первый, ребята все взрослые, поэтому и должны во всем быть первыми.

— В столовой по добавкам! — выпалил Сашка Кикнадзе, за что немедленно получил от Захара по спине.

Нин-Вас уничтожающе посмотрела на Сашку, а Валерий Николаевич улыбнулся.

За время рапорта я успел его хорошо рассмотреть. Наш новый вожатый был невысокого роста, но широкоплечий и, должно быть, очень сильный. Впрочем, силу его руки я испытал, когда он схватил меня за

ногу. Лицо у него было доброе, и, откровенно говоря, он мне понравился.

— Первым делом, — сказала старшая вожатая, — необходимо привести в порядок палатки и дворик, а то просто стыдно смотреть.

— Не волнуйтесь, не подведем Валерия Николаевича! — поспешил заявить Захар.

— И я так думаю, — добродушно улыбнулся вожатый и шагнул вперед, кивнул Нин-Вас головой, и она ушла.

Валерий Николаевич постоял, поковырял носком ботинка землю, потом неожиданно сказал:

— Пойдем в лес, что ли?

Мы уже было настроились на уборку, а тут вдруг такое!

— Пойдем! Пойдем! — послышалось с разных сторон, и все мигом окружили вожатого.

Кто-то сзади дернул меня за рукав. Я обернулся — Венька.

— А нам там делать нечего, — заявил он и направился к палатке.

Длинная рука Захара схватила его за плечо.

— Я те дам нарушать! В лес так в лес!

— А что? — сказал вожатый. — Кто не хочет, пусть остается. Упрашивать не будем.

Венька решительно вошел в палатку, а я отправился со всеми.

Мы шли на полянку, что за лагерным хоздвором. Вел туда Захар. Ну и типом же он себя показал, прямо противно! Вертелся перед Валерием и всеми командовал, а потом начал такое плести, хоть уши затыкай: «Мы с вами, Валерий Николаевич, всем форы дадим. Тут вожатые слабаки, а председатели отрядов птенчики. Ребята у нас не ахти какие организаторы, вот мне и пришлось на себя командование взять...»

Валерий ничего ему не отвечал и только отмахивался, как от надоедливого слепня, потому что Захар ему все время дорогу загораживал.

С ребятами тоже творилось что-то невообразимое. Когда мы расположились на небольшой полянке, все начали делать стойки, кульбиты и ходить на руках.

И при этом очень громко кричали: «Але-оп!.. Раз!» — и всякое такое. А девчонок тоже не узнать: пищат, шушукаются. Зинка Дорохова, так та вообще перед его носом вертелась. Короче, каждый хотел обратить на себя внимание, кроме меня, конечно. Я просто старался ему на глаза не попадаться.

Валерий как будто не замечал этого; ходил, разглядывал деревья, а потом остановился и сказал:

— Ну и хорошо у вас тут, ребята! — сказал и, потянувшись, зевнул. — Ох, извините! Я уже позабыл, как сосна пахнет. Здорово здесь, ничего не скажешь. — А потом вдруг спросил: — Ничего не будете иметь против, если я рубашку сниму?

— Снимайте! Конечно, снимайте! — закричали все.

Валерий снял рубашку, аккуратно сложил ее и бросил на траву. Тело у Валерия было совершенно белым, а мускулы прямо как нарисованные. Стоило ему сделать малейшее движение, как мышцы начинали ходить ходуном.

— Вот это да! — воскликнул Сашка Кикнадзе и даже присвистнул. — Признайтесь, вы, наверное, чемпион по тяжелой?

— Нет! Какой там чемпион! Я даже разряда не имею.

— Так мы вам и поверили! Скромничаете. А откуда же мускулы такие?

— Мускулы? — переспросил Валерий. — Так ведь почешешь полуторакилограммовым напильником болванку часа два подряд, вот они, мускулы, и появятся.

Женька Быков подошел и давай пальцем тыкать в бицепсы.

— Ничего, — говорит, — но бывают и тверже.

— Ты лучше свои пощупай! — предложил ему Сашка Кикнадзе.

Ребята и девчонки тем временем разбежались кто куда. Одни на деревья залезли, другие в футбол играли.

— Кончайте, братцы, цирк. Пора делом заниматься, — сказал Валерий и вытащил из кармана список отряда.

— Это что же, снова собрание? — спросил кто-то.

— Выходит, так. Надо же совет отряда избрать.

— Всё! Прощай, вольная жизнь! — запищал Женька Быков.

— Да помолчи ты! — прикрикнул на него Захар.

Валерий пропустил это мимо ушей. Он просмотрел список и сказал:

— Значит, начнем с председателя. Предлагайте кандидатуры.

Ребята сразу притихли, а Захар напустил на себя скромность, сел в сторонку и даже голову опустил.

Женька Быков вскочил и затараторил:

— Да кому интересно председателем быть?! У нас председатель, знаете, кто? Старший подметало!

— Не понимаю!

— Что же тут непонятного? — продолжал Женька. — Председатель — за всех дворик подметай, в строй собирай, в столовой тишину соблюдай, — перечисляет и загибает пальцы. — У нас отряд, знаете, какой?

— Какой же?

— А такой, что и в строй не соберешь. Мы в день по двадцать раз должны строиться!

— Ну и зря! — сказал Валерий. — Что вы, малыши, чтобы всюду строем ходить? Может, еще парами да за ручки?.. Тут что-то не так. И зря ты на друзей наговариваешь. Я же вижу — ребята как ребята.

— Чепуху он мелет! Не слушайте его! — закричали все.

— Ну вот, я ведь знал, что это не так. И потом, я думаю, председатель должен быть затейником, с выдумкой, авторитетом, ну, с характером, конечно. Тогда никто «старшим подметалой» не назовет... В общем предлагайте.

Захар тихонько подсел к Сашке Кикнадзе и толкает его локтем в бок.

И вдруг происходит такое: сразу двое ребят мою кандидатуру называют.

— Митю Соколова! Митю! Он всегда затейником был! Он стихи сочиняет!

Меня прямо в жар бросило. Это ведь просто как насмешка получается. Из-за истории с вишнями Валерий от меня откажется, а что ребята подумают? Я встал и сказал:

— Не могу я быть председателем. Я уже не за-
тейник... Я скучный...

Ребята начали махать руками и шуметь, а Захар на меня тигром посмотрел.

— Верно — Соколов. И старшая вожатая такого же мнения. Да и я не против, — сказал Валерий. Он весело подмигнул мне, потер шею и добавил: — Кстати, мы с ним уже знакомы.

Ребята с удивлением посмотрели на меня, а Захар ехидно бросил:

— Конечно! Знакомство — большая сила!

Валерий не обратил внимания на его слова и продолжал:

— И произошло оно при чрезвычайных обстоятельствах, которые огласке не подлежат.

Ребят это страшно заинтересовало. Мальчишки стали перешептываться, толкать друг друга локтями. А Захар встал и нахально потребовал:

— Нет, уж если вы хотите его председателем сделать, то никаких секретов быть не должно.

— Правильно, — сказал я. — Вы, Валерий Николаевич, начали говорить и кончайте. Пусть ребята поймут, что я не достоин.

— Ну, если вы настаиваете, я скажу. В общем познакомились мы с Дмитрием на почве спелых вишен...

Тут ребята расхохотались, а Сашка Кикнадзе подскочил и как заорет:

— Знаю, знаю! Это в том саду, что у дороги. Ветки прямо через забор свисают.

— Угадал, — сказал Валерий.

— Значит, вы вместе с Митькой вишни тащили?

Ребята снова захохотали, и Валерий тоже.

— Если принимать такой случай во внимание, то мне с вами тоже придется расстаться. В свое время и меня не раз на чужих вишнях засекали.

Это почему-то всем понравилось. Сашка, так тот прямо вслух выпалил:

— Во парень нам достался!

А потом снова закричали:

— Митю! Митю Соколова председателем!

Больше всех почему-то Зинка Дорохова старалась.

Короче, меня выбрали. Воздержался один Захар, но никто не стал выяснять почему. Всем и так было ясно.

— Точка! Решено! — сказал Валерий. — А там дело покажет, какой он председатель. Дальше будем действовать так: я посижу в сторонке, а вы обдумайте кандидатуры звеньевых, чтобы зря не спорить. Идет?

— Идет! — сказали мы и собрались в кружок.

Валерий отошел в сторону и сел под сосной. Начали мы кандидатуры звеньевых продумывать. Все принимали участие, кроме Захара. Он стоял надутый в стороне и молчал. Мне, откровенно говоря, даже жалко его стало. Поэтому я предложил его кандидатуру на звеньевого, но все были против.

«Нужно очень, чтобы он силу свою показывал!», «Пусть кулакам воли не дает!», «Пусть меньше подхалимничает!» — шумели ребята.

Звеньевыми решили избрать Володю Безрука, Олю Мацейко, Гришу Гурского и Маю.

— Пойди, Саша, позови Валерия, скажи, что все продумали! — сказал я.

Сашка побежал к сосне, за которой сидел Валерий, и оттуда возвратился почему-то на цыпочках.

— В чем дело? — спрашиваем.

А Сашка шепотом:

— Он спит. Понимаете? Лежит и спит.

Мы все переглянулись, а Захар — руки в бока, захохотал и говорит:

— Вот тебе и вожатый! Да что вы, сразу не поняли, что он сюда отдыхать приехал? Чихать ему на нас!..

Ребята зашикали на него, а кое-кто побежал проверить, правда ли это. Пошел и я. Только подошли к сосне, а навстречу начальник лагеря и старшая вожатая. Они бы, может, и не заметили Валерия, так Захар ехидно зашипел:

— Тише, нашего вожатого разбудите!

— Что тут у вас происходит? — спросила Нина Васильевна.

— Начальство спит, а мы охраняем!

— Замолчи, Захар, — сказал я и объяснил: —

Мы совещались насчет звеньевых, а он заснул... Устал, наверно.

— Может быть, он нездоров? — засуетилась старшая. — Валерий! Валерий! — затормошила она его.

Ну и крепко же он спал! Не сразу проснулся. Но как только открыл глаза, вскочил и очень смутился.

— Ох, что же это я? Извините!.. Понимаете, прямо после ночной...

А начальник лагеря вдруг рассмеялся и давай всем рассказывать:

— У нас, ребята, бывало, после похода свалишься, так холодной водой окатывай — не разбудишь, — и похлопал Валерия по плечу. — Ничего, бывает...

А Валерий стоял смущенный и держал рубаху в руках. Чужой мог бы подумать, что это провинившийся пионер.

— Идите, ребята, в огряд. Мы тут сами разберемся, — приказала старшая.

Ребята ушли, а я остался. Отошел в сторонку и сел на пенек. Ну и начала тут Нин-Вас его отчитывать. До меня только отдельные фразы и слова долетали. Больше всего она говорила о потере авторитета, о режиме. Меня это возмутило. Ведь он ясно сказал, что после ночной. Работа у него тяжелая... И я представил себе, как Валерий идет утром с работы и, часок отдохнув, садится за учебники, потому что вечером надо идти в институт. Даже в лагерь прямо с завода приехал!

Я не заметил, когда ушли старшая и начальник. Сидел и думал о Валерии. Опомнился только, когда за спиной услышал:

— Вставай, председатель, пошли!

Валерий надевал рубаху и говорил:

— Ну и попал же я впросак! Понимаешь, зверски устал... А тут еще этот воздух. Просто захмелел от него.

— Ничего, — говорю. — Это не страшно. Со всяким бывает...

— Бывать-то бывает, но вот права старшая: что ребята скажут?

— Ничего не скажут. Я знаю ребят. Они ведь все слышали.

— Все это, может, и чепуха, — сказал Валерий. — Сложней, понимаешь, другое. Как бы тебе это объяснить... — Он внимательно посмотрел на меня и замолчал.

Я понял, что он хотел рассказать мне какую-то тайну, но не решался. Мы прошли шагов десять и вдруг, как по команде, остановились.

— В общем, — не глядя на меня, начал опять Валерий, — это меня райком комсомола направил... У меня сегодня отпуск начался. Ну, и на природе побывать захотелось... Нет, нет! — спохватился он. — Я в лагерях бывал, и председателем отряда был, и массовки сам проводил... Как будто все помню... Тут мне, понимаешь, испытательный срок дали, неделю... Главное — начать. А вот с чего? Честное слово, не соображу...

Мне все стало ясно. Валерий впервые вожатым назначен, и, конечно, ему трудно. Да еще с нашей Нин-Вас. Она ж, ух какая придира! Ей нужно, чтобы все было по буквам, по полочкам разложено... Я не знал, что ему ответить. Разве вожатые когда-нибудь признавались пионерам в этом? Конечно, нет. А вот он признался... Я никому никогда этого не расскажу!.. Прямо с ночной! Не пожалел отпуска... И у меня внутри какая-то гордость за него поднялась. Какой же он хороший парень! Вот бы иметь такого старшего товарища, друга! Делиться с ним всем, советовать, совершать путешествия... И во всем помогать друг другу... Ничего этого я ему не сказал, только посмотрел на него, а он, должно быть, все понял! Подмигнул и говорит:

— Ладно, вдвоем как-нибудь справимся!

Да, я за него готов был теперь всю работу делать, только б не расставаться!

Так мы и подошли к нашему дворику. Ребята все, как один, стояли в строю. Ну и молодцы! Я прямо так и хотел им это крикнуть, но только сказал Валерию:

— Видите, как они вас уважают?

Никто и словом не обмолвился о случившемся, только Захар вдруг стихами заговорил:

После кражи спелых вишен
Соколов в начальство вышел!

Я смолчал, лишь подумал, что рифма хорошая: «вишен — вышел». Ребята тоже молчали. А Сашка Кикнадзе вслух сказал:

— Ну и балда ты, Захар!

Майка посмотрела на меня и кивнула головой: мол, понимаю, все в порядке. Майка вообще все сразу понимает, ей никогда объяснять не нужно, а мои мысли на расстоянии читает. Я только рот открою, а она уже говорит: «Ага, знаю...»

ЗВЕЗДЫ НА СОСНАХ

Мне так и не удалось передать Мае журнал. Я проносил его весь день за пазухой, хотя работы было много и он мне мешал.

Сразу после обеда привезли верстаки. Наш отряд освободили от «мертвого часа» для разгрузки и установки их. Мы, конечно, с удовольствием согласились. Какая разница, что делать? Лишь бы не спать.

Верстаки установили на хоздворе и до самого ужина заготавливали материал для будущих*табуретов и «программных болванок». Начальник лагеря велел отметить наш отряд на линейке. Он сказал, что если мы так же будем стараться на занятиях по труду, то даст нам для школы отличные производственные характеристики.

Не работал только Венька. Он даже не явился на хоздвор. А Захар все время пытался командовать и делал замечания. Я-то его хорошо понимал. Ему обидно было, что не его выбрали председателем, и он хотел показать: вот, дескать, какого руководителя вы потеряли...

Наших девочек Нин-Вас забрала на какие-то оформительские работы. Майкино звено сперва делало соновые гирлянды для столовой, а потом сажало цветочную рассаду в клумбы. Старшая вожатая весь день бегала с папкой по лагерю и выдумывала всякие украшения для палаточных дворики и летней эстрады.

Откровенно говоря, я мог бы Мае передать журнал, но только я отходил от ребят, как Женька Быков и Сашка Кикнадзе начинали за мной следить и под-

мигивать. Вот черти! Не понимаю, какое им дело до меня и Майки?

В столовой во время полдника я показал Мае на оттопыренную рубашу и знаками объяснил, что журнал дам потом. Она тоже показала какую-то бумажку и при этом пальцем в воздухе что-то написала.

Однако нам и потом встретиться не пришлось. Валерий советовался со мной насчет плана, и мы ходили с ним во второй отряд смотреть, как они его составляют и вообще как у них идет работа.

До самого отбоя возле меня вертелись Женька и Сашка, и я никак не мог от них отвязаться, чтобы подойти к Майке.

В палатке Женька начал рассказывать какие-то глупые истории и не давал уснуть. Но я и без этого не заснул бы. На моей груди лежал журнал, и мне было приятно ощущать его. Я думал о Майке и о том, что ей скажу, когда увижу. Но ничего придумать не мог...

Мне не лежалось, сон не приходил. Я встал, надел тапки и вышел из палатки. Где-то за лагерем пели, смеялись, из поселка доносились собачий лай и голоса, играло радио. Я постоял минутку, послушал, а потом пошел, куда ноги понесли. Ночь была теплая, и луна часто проглядывала из-за облаков. Выкатится, исколется о верхушки сосен и снова летит в мягкое облако... Я и не заметил, как очутился за палатками девочек. Я совсем этого не хотел, честное слово. Я даже не знаю, как это вышло. Если бы сейчас встретил Маю, я бы сбежал. Темно ведь. И что бы Мая подумала?.. Нет-нет, я просто заблудился в темноте. Конечно... И все-таки я стоял, как пень, за сосной и чего-то ожидал.

Во второй палатке горел свет, девочки ходили, и тени отражались на брезенте. Длинные, косматые, смешные. До меня доносились какие-то слова и смех. Девочки вообще имеют привычку громко хихикать. Потом, завернувшись в простыни, они начали перебегать из палатки в палатку. И вдруг — переполох, визг на весь лагерь! Девочки выбежали во дворик и стали кого-то прогонять, а кого — не видно. Я подкрался ближе, но тоже ничего не увидел. А они кричат:

— Уходи! Не подслушивай под палатками!

— Вот сейчас поймает...

И вдруг в темноту полетела подушка. Оттуда раздалось:

— Ах, так? — И подушка, описав в воздухе дугу, вернулась назад.

Девчонки снова бросили подушку, но на этот раз она не вернулась.

— Не отдам, не отдам! — прокричал знакомый писклявый голос. Девчонки бросились в темноту и выволокли на свет Женьку Быкова. Он отбивался и пищал:

— Ой, не буду! Ой, больше не буду!

Прежде чем отпустить, девчонки как следует намяли ему бока и разбежались по палаткам. Женька, хихикая, тоже побрел в свою палатку.

«Вот свинство! — возмутился я. — Да как же он посмел подслушивать под палатками?! Ему за это так надо дать, чтоб навек запомнил... Вот, значит, куда он бежит после отбоя! Исчезнет, а потом тихонько вернется, прыгнет под одеяло и хихикает. Завтра же предупрежу его!.. Э-э, нет! Не выйдет! Как же это я сделаю? Ведь если я его возле девчоночьих палаток видел, значит сам ходил туда! Чепуха получится... Интересно, а где же вожатые? Ни одного не видно...»

Я собрался уже возвращаться, как вдруг услышал песню. Она доносилась из-за ограды, из молодняка, где обычно устраивают отрядные костры. Побежал туда. Неужели какой-нибудь отряд организовал костер? Из-за забора были видны только небольшие языки пламени и тени. Я осторожно перелез через ограду и приблизился к молодняку. Теперь я отчетливо слышал голоса и сразу понял, что там происходит. Это были вожатые. Я вспомнил, что они и в прошлом году устраивали такие маленькие костры. Здесь они собирались на совещания, чтобы утвердить на завтра отрядные путевки, и после этого пели, читали стихи и танцевали.

Мне очень хотелось посмотреть, как они развлекаются. Я подошел еще ближе и вскоре начал различать лица. Они были красные от огня, и вожатые напоминали индейцев, только перьев на голове не доставало. Жора-баянист лихо растягивал баян, кто-то играл на

гитаре, а остальные танцевали. Один наш Валерий сидел у костра и ковырял палкой в углях. Вожатые здесь были совсем не такие, как с нами. Днем они серьезные, строгие — не подступись! А тут как будто пионеры. Шумят, веселятся, толкают друг друга. Особенно поразила меня Нин-Вас. Она же все-таки старшая, а вытворяет такое, прямо диву даешься! Сперва танцевала гопак вприсядку, а потом потребовала, чтобы ребята сложили из рук стульчик и носили ее вокруг костра. После этого она подоткнула юбку и начала прыгать через костер. Мне это очень понравилось. Вот если бы Нина Васильевна с нами была такой же, было бы здорово! И вообще у вожатых веселей, чем у нас...

В эту минуту справа от меня раздался какой-то шорох. Я забежал за дерево и присел. Но как ни старался разглядеть, кто это там шебуршит, ничего не видел. Оттого, что я долго смотрел на костер, на глаза набегали какие-то желтые и зеленые круги, и я с трудом различал даже деревья. А через пару секунд кто-то на меня наткнулся и перевалился прямо через спину. Раздался громкий визг, и длинноногая фигура шарахнулась в сторону. Я вскочил. Это была Зинка Дорохова. Она ойкнула, отскочила и сказала:

— Ой, Маенька, это же Митя!

Мне показалось, что на меня направили прожектор и поймали на месте преступления. «Этого еще не хватало! Что им тут нужно?» Я собрался бежать, но поздно. Майка шла прямо ко мне и бессовестно трещала сучками и шишками.

— Митя, ты? — спросила Мая и улыбнулась. Конечно, отчего ей не улыбаться? Ведь она-то, наверное, подумала, что это я специально сюда пришел. Что мне оставалось делать? Я сказал:

— Не видишь, что ли? — и полез в темноту.

— Куда же ты? Стой!

Майкина рука потянулась за мной, а я — дальше.

— Иди сюда! Где ты?

— Здесь, — сказал я и не узнал своего голоса.

— Ты тоже любишь на них смотреть? — спросила Мая.

Я не знал, что ответить, и спросил:

— А где Зина?

Майка пожала плечами и улыбнулась.

— Идем, — сказала она и пошла вперед, к лагерю. — Сейчас они будут расходиться.

Песня действительно оборвалась. Послышались смех и глухие удары. Это вожатые затапывали костер.

Мая шла впереди, а я плелся сзади. Все пни, как назло, лезли под мои ноги, а луна выкатилась из-за деревьев и сияла, словно сгорала от любопытства. Наконец мы перелезли через ограду. На территории было еще светлее, и я боялся, что из палаток сейчас выбегут ребята. И вдруг все пропало: все страхи и этот дурацкий стыд. И вокруг стало тихо-тихо. Я слышал каждый Майин шаг, слышал, как шуршит ее сарафан. Больше я ничего не слышал, больше я ни о чем не думал.

Не знаю, сколько мы так ходили, но помню, что дважды возвращались на то же самое место. Я не знал, что делать, о чем говорить... И тут вдруг почувствовал за пазухой какую-то тяжесть и вспомнил про журнал.

— Вот, возьми, — сказал я.

— Спасибо, — прошептала Мая.

— Это я назло Сашке тебе дал.

Мая удивленно посмотрела на меня.

— А так разве не дал бы?

Мне пришлось промолчать, и Майка сама за меня ответила:

— Дал бы, конечно. Что ж тут такого! — И вдруг спохватилась: — Ой, я совсем забыла!

— Тише! — прошипел я.

Майка рылась в кармане юбки и громко продолжала:

— Твое письмо ведь у меня! Я его у дежурной взяла, чтобы тебе передать.

Я хотел поблагодарить, но почему-то вдруг сказал:

— Ну, знаешь, свои письма я сам могу получать! — и выхватил конверт.

И я вспомнил, как Майка в столовой что-то писала мне в воздухе.

— Почему сразу не отдала?

— Я хотела... — пролепетала Майка.

— Хотела, хотела! — передразнил я и спрятал конверт в карман.

Мая опустила голову и отошла. Я совсем не думал ее обидеть. Мне стало стыдно, и я буркнул:

— Извини!

— Я на тебя вовсе не сержусь. Ни капельки!

Мне хотелось сказать ей что-нибудь очень хорошее, веселое или хотя бы повторить сто раз спасибо, но язык мой улегся во рту, прилип к зубам и ни с места. Так мы стояли и молчали. Вдруг Мая подняла голову и, глубоко вздохнув, сказала:

— Посмотри, как красиво!

Я тоже задрал голову вверх. Мне показалось, что звезды упали и повисли на соснах. На каждой ветке по звезде. И еще я видел, как быстро и бесшумно проносятся облака по небу, точно огромные белые птицы. Потом там появились мы с Майкой и начали прыгать с тучки на тучку и кричать, а из-за луны откликалось далекое эхо. Звезды на соснах еще ярче начали лучиться и подмигивать мне, и я сказал:

— Красиво!

Послышались шаги.

— Митя, это Валерий! — шепнула Майка и ментально исчезла.

Валерий остановился неподалеку, потом заметил меня и подошел. Он не сказал ни слова и даже не удивился, что увидел меня здесь. Вид у него был огорченный. Я подумал, что, наверное, его снова распекли при всех у костра. Недаром же он не принимал участия в веселье. Я не знал, как его утешить. Я подошел к Валерию, тронул его за руку и сказал:

— Смотрите, Валерий, звезды на соснах!

ЗАХАР И ЗИНКА МУТЯТ ВОДУ

Когда наша палатка открыта и смотришь прямо, то из-за деревьев видна опушка леса, а за ней поле до самого горизонта. Если очень рано просыпаешься — наблюдаешь восход солнца. Небо еще темно-синее, а вдали тонкая светлая полоска. Она дрожит

и ярко-ярко золотится. Кажется, что небо щурится от сильного света. Потом полоска становится шире, а снизу, из-за земли, прорываются солнечные стрелы и ложатся на синюю кромку неба. Они, как ресницы огромного века, чуть-чуть шевелятся. Потом выкатывается медно-красный зрачок — солнце. Земля открывает свой глаз и начинает новый день.

Наверное, это я ночью забыл закрыть палатку. Я не помню, как заснул. Все, что произошло вечером, мне кажется сном. Говорят, что сны продолжаются секунды, а события, которые в них происходят, могут длиться часами и даже днями. Мне, наверное, всю ночь подряд снились сны: уж очень много было в них всяких событий. Вот еще что странно: в каждом сне я видел Маю, но как ни силился разглядеть ее лицо, не мог. А вот голос слышал отчетливо. То мне снилось, что Мая тонет, а я ее спасаю; то по водосточной трубе лезу в горящий дом, чтобы вытащить ее оттуда... Потом не то мы ходили в поход, не то ехали в город, и Мая пыталась мне передать что-то очень важное. Но между нами все время вертелся Женька Быков. Что именно она должна была мне передать? Я лежу, пытаюсь догадаться и тут вспоминаю о письме.

Письмо лежит под подушкой. Я достаю конверт и сразу узнаю мамин почерк. Странно. Мама всегда в лагерь присылала открытки, а тут вдруг письмо. Впрочем, что здесь такого? Просто я стал старше, и, наверное, поэтому полагается писать письма. Я вскрываю конверт и читаю. В письме ничего особенного нет, но я чувствую, как по спине начинают ползать мурашки, как будто кто-то проводит по ней холодной рукой. Мама спрашивает обычные вещи: как идут дела, хорошо ли веду себя и все ли ем. Но буквально через каждую строчку сообщает, что дома все в порядке и ничто не должно меня беспокоить. И как раз это тревожит меня больше всего...

Ладно, сегодня же напишу письмо и попрошу сказать, что все это значит. Я уже взрослый, от меня нечего скрывать! Напишу отцу. Он ведь давно считает меня взрослым.

Я хочу еще раз перечитать письмо, но замечаю,

как из-под одеяла подглядывает Женька Быков. Он ехидно улыбается и подмигивает. Я припоминаю вчерашний вечер: встречу с Маей и то, как она передала мне письмо. Неужели он подглядывал?! Ну и свинья!.. Мне так и хочется встать и дать ему кулаком по роже. Но я этого не делаю. Наоборот, демонстративно начинаю читать письмо и даже слегка отворачиваюсь...

Рассвет был такой чистый, прозрачный, а сейчас небо затянули серые тучи. Они тонкие, непрочные, и солнце то там, то здесь прожигает их лучами, но прорваться не может. И у меня настроение точно такое же: внутри горит что-то яркое, а поверх какая-то серая пелена.

Мая в столовой смотрит на меня долго и вопросительно. Я замечаю, что рядом с Маей сидит Зинка Дорохова. Раньше она сидела за другим столом, а теперь поменялась местами с Олей Мацейко. А зря! Лучше бы оставалась на своем месте. Я думаю, что и Мае это было бы приятнее. Оля, правда, тихоня, всегда в стороне держится, но уж если что-нибудь говорит или предлагает, то обязательно дельное. Недаром Мая с ней часто советуется и книжками меняется... Я нахожу глазами Олю и смотрю на нее. За ее столом уже все позавтракали, и она не спеша собирает посуду. А Зинка все еще ест. Она что-то болтает. И чего она прилипла к Майке? Когда они идут вдвоем и встречаются меня, Зинка опускает глаза и загадочно улыбается. У Зинки на голове полно всяких бантиков, на платьях ленточки, а книг она, похожему, вовсе не читает. Зато в лагерь притащила альбом с фотографиями киноартистов. Показывает их всем и восхищается:

«Ой, девочки, это Давыдов! Ой, девочки, это Мартинсон! А это Рыбников! А это Медведев!...» Носится со своим альбомом, как наседка с яйцом, и кудахчет...

За нашим столом стоит Валерий и читает газету, ждет, пока мы позавтракаем. В нашу сторону направляется Нин-Вас, она останавливается возле нашего стола и громко, чтобы все слышали, говорит:

— Соколов, ваш отряд еще не сдал плана рабо-

ты. Сегодня обязательно нужно сдать. И не забудьте там осветить вопрос подготовки к выставке: какие экспонаты собираетесь готовить.

Почему она говорит это мне, когда рядом Валерий?

Я посмотрел на него, а он еще выше газету поднял. Мне за него страшно обидно стало. Видимо, после вчерашнего случая они крепко повздорили. Что Нин-Вас от него хочет? Не понимаю. Ну, я, конечно, сказал, что пусть не волнуется, план у нас будет не хуже, чем у других...

Наконец завтрак окончен. Нин-Вас собрала наших девочек и повела их на аллею. А я подошел к Валерию и молчу. Что же мне говорить, если он сам все слышал? Но он первый начал:

— План я набросал, а вот подготовку к выставке действительно упустил. Надо бы что-нибудь интересное сделать, техническое. Как ты думаешь?

— Вот в прошлом году мы на пруду целый порт с флотилией построили, — вспоминаю я.

— Так то в прошлом. А в этом?

Я подумал минуту, и вдруг меня осенило:

— Знаете что? Нужно к этому делу подключить Веньку Чижевского. Он модели делает... И вообще у него золотые руки.

— Это, конечно, хорошо, только я за ним бегать не стану. Он второй день от меня прячется.

— Ладно, я с ним поговорю. Сейчас поищу его.

— И не забудь напомнить ребятам, что в двенадцать часов подготовка к костру.

— Хорошо! Не забуду!! — крикнул я и побежал искать Веньку.

Веньки я нигде не нашел и вернулся на центральную аллею. Наши девчонки по-прежнему толпились там. Среди них был Захар и Сашка Кикнадзе. Я хотел напомнить о подготовке к костру, но Зинка что-то говорила, и я не стал перебивать.

Речь шла о каких-то лагерях, где очень весело было и за пионерскую работу всех вожатых премировали.

— О чем это она? — спросил я Сашку.

— Да я сам опоздал. Кажется, о нашей старшей

вожатой. Она им рассказывала о своей дружбе с секретарем обкома комсомола Лебедевой.

А Зинка все трещала:

— Подумайте только, Нина Васильевна когда-то Лебедеву к пионерской работе привлекла и сама ее обучала!

— Ну и скажешь ты — обучала! — вмешался Сашка.

— А вот и да! Ты не слышал, так не лезь!

— Что ж в этом такого? — спокойно сказала Оля Мацейко. — Нина Васильевна обманывать не станет. Она же говорила, что раньше Лебедевой начала пионерской работой заниматься.

— Постойте, постойте! — перебил я. — Из-за чего сыр-бор загорелся?

— Из-за того, что у нас в отряде скучища! А нам еще и неопытного вожатого дали. Вот из-за чего! — заявил Захар.

— Правильно! Правильно! — начали поддерживать его девочки. — Вон в третьем отряде вожатый на гитаре играет, песни со своими разучивает. А мы что делаем?..

Тут поднялась Таня Захарова из первого звена, смуглилась, покраснела и говорит:

— Девочки, я... я случайно... честное слово, случайно слыхала... Нина Васильевна начальника уверяла, что вожатого первого отряда надо менять, потому что никакой работы не будет.

— И правильно! — загудел Захар. — Я же говорил, что он отдыхать сюда приехал.

Зинка выскочила и предложила:

— Давайте сейчас же пойдем к начальнику и потребуем, чтобы нам другого вожатого дали! Пошли, девочки, пошли!

— Не пойдете! — крикнул я. — Никуда не пойдете! — И, расставив руки, загородил дорогу.

— Пусти! Не твое дело! Что захотим, то и сделаем! Мы не первоклассники! — затараторил Захар и полез на меня с кулаками.

Сашка Кикнадзе, как спичка, загорелся и бросился на Захара. Девочки запищали... Еще минута, и

началась бы драка. Я с трудом успокоил Сашку. Оттаскивал его и кричал:

— Ребята, вы ничего не знаете! Вы ничего же не знаете!..

— А что ты знаешь? Что знаешь? — спрашивала Зинка. — Чего же молчишь?

Девочки меня обступили, уставились, ждут, что скажу. Но, во-первых, я был так зол и расстроен, что слова у меня поперек горла становились, а во-вторых, что я им сейчас мог сказать? Что Валерий хороший? Что мы ему должны помочь?.. Так эти слова таких, как Захар и Зинка, еще больше разозлили бы... Поэтому я только тряхнул головой и выпалил одним духом:

— Эх вы, сухари! Черствые душонки! Да как вы так можете?! — отвернулся и побежал скорее искать Веньку.

Я знал, что нужно делать. Нужно побыстрее задумать такое, чего ни в одном отряде не будет. Валерий правильно говорит: «Сделать что-нибудь техническое!» Да, для этого нужен Венька!.. Где же Венька? Где же Венька?.. Я уже обежал всю территорию, осмотрел стадион и теперь буквально летел на хоздвор. Возле клумбы стояла Мая, она удивленно посмотрела на меня и хотела что-то спросить, но я промчался мимо. Я только подумал, почему ее не было там, на аллее. Она бы, конечно, меня поддерживала. Надо будет ей обязательно все рассказать, пусть она все объяснит девчонкам. И особенно этой Зинке...

Веньку я заметил еще издали. Он стоял с Павликом Малишевским возле склада.

Павлик чертил на земле какую-то схему и что-то доказывал Веньке. Они так горячо спорили, что меня не заметили. А когда заметили, Павлик поспешно стер ногой «чертеж».

— Это свой! — сказал Венька и даже не посмотрел на меня. Глаза у него блестели, он вертел руками и все время приговаривал: «Так-так, понятно!»

— Венька, у меня к тебе дело, — сказал я.

Павлик отошел в сторону.

— Понимаешь, Валерий просит, чтобы ты принял

участие в подготовке к выставке. Надо что-нибудь солидное придумать. Сами мы не смогли.

Венька улыбнулся, посмотрел на Павлика и кивнул ему головой.

— Иди сюда!

Павлик подошел.

— Мы как раз задумали интересную вещь, — начал Венька. — Но здесь, в лагере, вряд ли такое сделаешь. Нет нужных материалов.

Павлик подтвердил.

— Ты скажи скорей, что за вещь! — поторопил я.

— Ишь, какой скорый! Тебе сразу все выложи, на блюдечке с золотой каемочкой. — И вдруг, переглянувшись с Павликом, спросил: — Скажем?

— Конечно. Здесь никакого секрета нет, — согласился Павлик.

— Ну, так давайте! Это же очень важно!

— Хотим сделать действующую модель трехступенчатой ракеты! — с гордостью заявил Венька.

— Ну, это уж ты загнул! — махнул я рукой. — Нам нужно что-нибудь попроще, чтобы обязательно получилось...

Я собрался рассказать ему об отрядном плане, который у нас должен быть лучше, чем у других, но тут подошел начальник лагеря. Мы поздоровались, и Венька сразу же хотел уходить. Но начальник спросил:

— Что ж это вы тут сами? Не в отряде?

— А что нам там делать? — буркнул Венька.

— Так... Выходит, у вас там скучно? Может быть, не ладится или что? — Начальник внимательно смотрел на Веньку.

Он явно выпытывал, как идут дела в отряде. Венька пожал плечами, а я сразу вспомнил слова Тани Захаровой о том, что старшая вожатая требовала замены Валерия.

— Что вы! Что вы! — поспешил я сказать. — У нас все хорошо. У нас все будет хорошо! Это они как раз для отряда и придумывают.

Венька свирепо выкатил глаза, но начальник уже не смотрел на него, он повернулся ко мне и сказал:

— Да, да. Конечно, все будет хорошо...

Я видел по его глазам, что он обрадовался, словно думал точно так же.

— А вам, — он обратился к Веньке и Павлику, — если что-нибудь нужно, ну, для той штуки, что вы задумали, можете обращаться прямо ко мне. Я, знаете, люблю, когда придумывают!.. Сам когда-то придумывал! — И он весело подмигнул.

Так весело, что даже Венька улыбнулся.

— Так-то оно, штыки! — закончил начальник и, повернувшись на каблуках, ушел четким размашистым шагом.

Венька неожиданно весь переменялся. Он толкнул Павлика локтем в бок и сказал:

— Пойдет дело! — А потом мне: — Чего улыбаешься? Не веришь?

Тут я уж решил его немного подразнить:

— Пока нет.

— Эх, ты...

— Это вполне реальная вещь, — сказал Павлик. — У меня даже есть расчеты, а двухступенчатую ракету мы уже в школе делали... Нужны только материалы.

Идея мне очень понравилась, и я решил, что пора им сказать о Валерии.

— Вообще было бы здорово! Знаете что, давайте посоветуемся с нашим вожатым, он все-таки механик.

— Э-э, нет! — запротестовал Венька. — Такую вещь надо делать в секрете. А вдруг не выйдет? Что тогда?

— Но ведь мы только одному Валерию скажем.

— А-а, знаю я твоего Валерия! Обязательно доложит старшей.

Меня чуть не взорвало.

— Ты не имеешь права так говорить о нем! Ты же его не знаешь!

— А ты знаешь? Без году неделю знаком, и уже: Валерий, Валерий!

— Венька, ты не прав. Если Валерию идея понравится, он все, что нужно, достанет и, если потребует держать в секрете, слова не скажет.

На Веньку это подействовало.

— Ну ладно. А чья же это будет считаться работа? Павлик-то во втором отряде.

— Какое это имеет значение?! Важно, чтобы получилось. Работа будет считаться общей.

— Конечно, — сказал Павлик.

— Ну, так пошли!

Мы не пошли, а побежали. Видно, Веньке очень хотелось сделать поскорее эту ракету.

— А где сейчас Валерий? — на бегу спросил он.

— В библиотеке. Там сейчас все наши. Будет подготовка к костру, — ответил я.

И мы побежали еще быстрее.

ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

Из библиотечного домика на целый километр разносился шум. Вокруг бродили любопытные малыши, но войти в домик не решались. С нашим братом не шути: на радостях могут такой щелчок в лоб залепить, что потом пятаяк прикладывай.

Мы давно ждали, когда начнет работать самодеятельность, а это первое занятие и сразу подготовка к костру. Ребята сидели на подоконниках, толпились в дверях и все горланили. Мы с Венькой с трудом пробирались внутрь, а Павлик остался в аллее. Из старших никого еще не было. Мальчишки снимали со стен духовые инструменты и что есть силы дули, а девчонки пищали и пытались перекричать друг друга. Кто-то предложил спеть. Долго спорили, какую песню, а Зинка Дорохова вдруг села за рояль и одним пальцем начала играть «Бегемота». Майка запела, и мы все дружно подхватили:

Где в джунглях речка Нил течет,
Дружил с жирафом бегемот, —
Чилим-бом-бом, чилим-бом-бом,
Дружил с жирафом бегемот...

Последние две строчки повторялись в каждом куплете. Женька Быков дирижировал.

Мы так орали, что прибежала Нин-Вас.

— Сейчас же прекратите петь эту чепуху! Неужели нет других песен?

— Есть. А мы хотим веселую! — заявил Сашка Кикнадзе.

— Ну и пойте.

— А какую?

— Ну, хотя бы вот эту... Вот эту... Как ее?

Но старшая так и не вспомнила ни одной шуточной пионерской песни.

— Вот и мы не знаем, — засмеялась Мая. — Найдите нам, пожалуйста.

— Пусть баянист вам подберет, — сказала Нин-Вас. — А эту петь запрещаю! — И убежала.

Но как только она скрылась, мы снова запели «Бегемота», и еще громче, чем прежде.

Мы орали, пока не пришли Валерий и баянист. Когда все успокоились, Валерий сказал:

— Вот что, ребята, Георгий Андреевич подготовил репертуар для хора, а я от себя хочу предложить, чтобы наш отряд исполнил частушки на лагерные темы. Знаете, веселые, живые, о нашей жизни; чтобы не в бровь, а в глаз. У нас на заводе их к каждому концерту сочиняют. Здорово получается!

— Правильно! — закричали все.

— А кто же напишет частушки? — спросила Зинка Дорохова.

— То есть как это «кто»? — удивился Валерий. — Конечно, мы сами.

— А мы думали, что вы поэт, — съехидничал Захар.

Несколько ребят и девочек хихикнули. Валерий сделал вид, что не слышал, и продолжал:

— Я не сомневаюсь, что в нашем отряде есть поэты. Разве нет?

— Есть! Есть! — закричал Сашка Кикнадзе. — Соколов стихи пишет! Слышишь, Митяй? Ты должен сочинить!

— Вот еще! А вдруг у меня не получится?

— Получится! Получится! — закричали все. — Он даже припев уже сочинил! — И хором запели:

Нин-Вас, Нин-Вас,
Улыбнитесь вы хоть раз!

Это я еще в первый день сочинил, когда увидел, какой важной ходила наша старшая.

Откровенно говоря, мне очень захотелось сочинить веселые частушки, но я еще не знал, о чем. Захотелось, чтобы в нашем отряде всегда было весело и дружно и чтобы Валерию с нами было хорошо.

— Ладно, попробую. Только вы подсказывайте темы.

— Хоть тысячу! — вскричал Женька Быков. — А знаешь, Митяй, я буду исполнять танец стилиги. Ну, сатирический. Понимаешь? Пародию! — И начал корчиться и напевать какой-то «рок». — Тилип-там-там, талап-тип-туп... Мне только нужен желтый пиджак и брюки-техаски, с кнопками. Знаешь, такие... — И начал пальцы тыкать по своим брюкам.

Сашка Кикнадзе поддразнил его:

— Да ты что бы ни танцевал, пародия получается.

— Подождите, подождите со своими танцами! — затрещала Зинка. — Мы еще с хором не решили. Нужно, чтобы в нем все мальчишки участвовали, иначе ничего не выйдет.

— Правильно! — поддержал ее баянист. — Иначе что это за хор? Нужны басы, тенора!

— Ко-озлетоны! — пропел дрожащим голосом Сашка Кикнадзе.

Все рассмеялись, а Зинка начала перечислять:

— У Захара — бас, у Чижевского — бас...

— Кончайте! — приказал Жора и взял баян. — Давайте повторять песни.

Ребята тут же попытались смыться, но Валерий стал в дверях.

— Э-э, нет! Искусство требует жертв. Назад, братцы, назад! — И не пустил.

Тогда Захар заявил, что все равно петь не будет, потому что если он запоеет, то все разбегутся. И он заскрипел, как немазаная телега:

— «Сатана там правит бал...»

— Тьфу, замолчи! — в сердцах закричал Жора-баянист. — Становитесь: девочки — сюда, ребята — туда. Начнем с «Комсомольцев». — И растянул мехи.

Венька уже давно толкал меня в бок, ему не терпелось поговорить о ракете.

— Ну что ты резину тянешь? Песни собираешься разучивать?! Будет твой Валерий слушать или нет?

Как раз в эту минуту к нам подошел Валерий.

— Здравствуй, пропавшая грамота, — улыбаясь, обратился он к Веньке.

Тот что-то буркнул невнятное в ответ. И я решил взять инициативу на себя.

— Валерий Николаевич, у него есть блестящая идея!

— Даже блестящая? Вот как! — Он взял нас за плечи и, несмотря на Зинкины крики «Это нечестно!», вывел из домика. — Ну, выкладывайте!

Венька потоптался с ноги на ногу и начал подробно рассказывать об идее Павлика Малишевского, расписал всю механику, как только мог.

— Все сами сделаем! — решительно заявил он. — Но необходимы настоящие пиротехнические ракеты...

— Это еще зачем? — спросил я.

— Чудак, без них не сможет взлететь наша модель... Знаете, этот Павлик — голова! Здорово все придумал! — И восхищенный Венька постукал себя пальцем по лбу.

Все, что он рассказал, было убедительно, и я поверил, что такая ракета может взлететь. Валерий слушал внимательно, даже с удивлением и все время приговаривал: «Так-так, так-так». Он так увлекся, что первое время молчал и чертил ногой на земле ракету. А потом сказал:

— Эх, братцы, нет здесь моего Вани Шумилова! Он бы все вмиг раздобыл.

— Это зачем еще Ваня? — испугался Венька. — А мы что?

— А алюминий? А пиротехнические ракеты? — вопросом на вопрос ответил Валерий.

Тут Веньке нечего было возразить.

— Вот что, братцы, материалы я беру на себя, — потирая руки, сказал Валерий. — Сегодня же позволю в город...

— Ого, еще по всему городу раззванивать! —

возмутился Венька. — Это же тайна! Ракету нужно делать так, чтобы никто не знал.

— Чудесно! Конечно, тайна! — воскликнул Валерий. — В лагере, кроме нас, никто знать не будет. А потом — пожалуйста, сюрприз!.. Найдем секретное место, создадим штаб, охрану поставим, чтоб никто не носил туда не совал. Секретно так секретно! Верно?

— Верно, — сказал Венька. — Иначе и не должно быть.

Он на радостях подмигнул мне и побежал разыскивать Павлика. А Валерий рассказал мне, что Оля Мацейко предложила интересную вещь: организовать теневой театр.

— Подготовим и тоже неожиданно на костровом концерте покажем. Понимаешь?..

Я вдруг вспомнил спор на аллее, как Захар и Зинка мутят и сбивают на свою сторону ребят, собираются просить нового вожатого. Я раньше хотел все это Валерию рассказать, но теперь передумал. Зачем ему настроение портить?.. Надо самому поговорить с ребятами. Только чтоб я не один был... Не отдадим Валерия, и все!..

...Отряд почти весь день занимался подготовкой к костру. А в план мы с Валерием вписали «Вышивание панно: обедник в честь советских ученых, создателей космических ракет». Его действительно будут делать наши девочки. И еще вписали «Столярные работы», которые так или иначе придется делать.

Потом Валерий сказал мне:

— Есть у меня идея насчет пионерской игры с дальним походом, но прежде хочу посоветоваться с начальником.

Я так мотался, что не успел написать домой письмо. А вечером приехала кинопередвижка, и нам показали старую картину «Трактористы». Картина неплохая, но я ее тысячу раз видел. Поэтому, когда начали ее крутить, в голову снова полезли мысли о доме.

Вдруг кто-то меня позвал:

— Митя, иди сюда! Здесь место есть.

Я обернулся и увидел Маю. Рядом с ней сидела Зинка, и, конечно, тут же вертелся Женька Быков. Он все время менял места, кривлялся и паясничал.

— Иди сюда, иди сюда! Мы подвинемся! — так, чтоб все слышали, сказала Зинка и прижалась к Мае. Я видел, что Мае это неприятно, и она пытается отстраниться от нее. Все были заняты картиной, и никто на Зинины слова не обратил внимания. Мая тоже смотрела на экран. Я сначала из-за Зинки и Женьки не хотел идти, но потом вспомнил, что нужно с Маей поговорить о Валерии, и пошел.

— Ой, Митенька, дай пиджак погреться! — запищала Зинка.

Я, конечно, сейчас же снял пиджак.

— А сам не замерзнешь? — спросила Мая.

— Нет, что ты! — сказал я и почувствовал, как руки покрылись «гусиной кожей».

Зинка набросила пиджак себе и Мае на плечи и еще тесней прижалась к ней.

«Вот привязалась! — подумал я. — Как же я с Маей поговорю о Валерии?» А потом все-таки решился. И шепотом, чтобы никто не слышал, начал:

— Послушай, Мая, очень важное дело! Нужно поговорить об отряде, о Валерии. Плохи дела. Нин-Вас хочет...

— Ладно, я все знаю. Об этом после, — не отрывая глаз от экрана, сказала Мая. — Ты лучше скажи, чего ты утром таким кислым был?

— Да все потому...

— Нет, Митя, не потому. Я все вижу... А письмо?

— Что вы там шепчетесь? — зашипела Зинка.

— Не твое дело, — сердито сказала Мая и, прикусив борт пиджака, посмотрела в мою сторону. Она терпеливо ждала ответа, а я уставился на экран и делал вид, что очень интересуюсь картиной. На самом же деле я думал о Мае, о том, какой она настоящий товарищ. Ведь не из любопытства она хотела узнать о письме? Нет. Я это видел по ее глазам.

Мне захотелось рассказать Мае все: о письме, о доме...

Пленка оборвалась, и ребята зашумели, засвистели. Все обернулись к киномеханику.

Над столиком, где стоял аппарат, зажглась лампочка. Вокруг нее заплясали десятки ночных бабочек и комаров. Моментально у стола появилась Нина Васильевна.

— В чем дело? Это надолго?

Киномеханик нервничал:

— Если будете здесь стоять, будет «надолго».

— Погрейся немного, — сказала Мая и протянула мне пиджак.

Я хотел его взять, но сзади послышался голос Нин-Вас:

— Не отдавайте, девочки! Не отдавайте!

Она бесцеремонно схватила пиджак и стала протискиваться между нами.

— Ой, девочки, пустите погреться! Очень теплая у вас компания!

Она сидела в моем пиджаке, но меня не замечала, а все время болтала с Маей и Зинкой. Сейчас она была такой, как ночью возле костра, веселой и шумной. На нее даже ребята, которые сидели сзади, стали покрикивать.

— Тише, пожалуйста! Не вертитесь!

А кто-то пошутил:

— Завтра на линейку вызовем!..

Нин-Вас продолжала разговаривать с девочками. Я сначала на их разговор не обращал внимания, а потом, когда речь зашла об отряде, стал прислушиваться. Ведь это был не секретный разговор.

— Ничего, девочки, ничего, — говорила Нин-Вас. — Я немного разгрузюсь и помогу вашему отряду. Я ведь понимаю: у вас ребята взрослые, и с вами нужно серьезно...

Конечно же, она этим намекала, что у нас малоопытный вожатый и что, мол, никакой работы пока не видно.

Зинка от восторга аж подпрыгивала на скамейке.

— Ой, как хорошо! Ой, миленькая Нина Васильевна!.. — И чуть ли не лезла целоваться с ней.

А Майка спокойно сказала:

— Зачем же, Нина Васильевна! Мы сами справимся.

— Но если я помогу, лучше будет. Разве это не так? — Она повернулась и словно впервые увидела меня.

— Соколов, это ты? — Она ничего больше не сказала.

Я понял: ей не понравилось, что я сижу среди девчонок.

Мая меня выручила:

— Он дал нам пиджак погреться. Он сам уже, наверное, замерз.

— Ах, так это твой пиджак? — уже веселее сказала Нина Васильевна. — Конечно, конечно, верните ему пиджак!

Я схватил пиджак и выскочил из тесного ряда, как выскакивает из пальцев мокрая вишневая косточка. Потом до конца картины ходил злой вокруг библиотечного домика и ни о чем не думал. Сперва считал шаги, а потом в голове сама собой начала складываться частушка о Нин-Вас:

Кто приказы отдает,
Кто путевкой лишь живет?
Кто с насупленным лицом
На линейке мечет гром?

И сразу подладил припев:

Нин-Вас, Нин-Вас,
Улыбнитесь вы хоть раз!

ШТАБ-МАСТЕРСКАЯ ДЕЙСТВУЕТ

Возле летней эстрады работают художники. Они рисуют огромное панно. Что это будет, непонятно. Пока что линии и штрихи напоминают географическую карту, а спрашивать у художников неудобно. К ним часто подбегает Нин-Вас и дает какие-то указания.

Венька бегает по территории с листом ватманской бумаги под мышкой и каждый час встречается с Павликом. Сегодня они должны закончить чертеж

«космической ракеты». Вообще, как говорит сам Венька, дело у них поставлено «на широкую ногу».

Еще два дня назад на окраине лагеря был обнаружен старый фанерный домик, в котором никто не жил (не хватало половины крыши). В нем организовали штаб-мастерскую по строительству ракеты и сносили туда необходимые материалы. Возле домика уже стояла охрана. Она была набрана из ребят второго и третьего отрядов. Часовые даже не знали, что именно охраняют. Я не представляю себе, чем их Венька сумел заинтересовать. Возле домика то и дело слышались окрики: «Стой! Кто идет?!», «Назад!» — или просто: «Сматывайся, не то как заеду!»

Часовые старались изо всех сил, хотя Венька ставил перед ними задачу значительно проще и прежде всего требовал не кричать и не привлекать внимания.

Сегодня после завтрака часовые категорически отказались пропустить в домик Нину Васильевну. «Не можем, и точка!» — говорили они.

Подоспевший к этому времени Валерий попытался ей объяснить:

— Понимаете? Это будет для вас приятным сюрпризом! Но что именно ребята здесь строят, сказать не могу. Такое условие поставили сами конструкторы, и я обещал молчать. Понимаете? Дал слово!

Против этого Нина Васильевна ничего не могла возразить, но сделала обиженное лицо и сказала:

— До сих пор ваши сюрпризы, Валерий, меня ни разу не радовали. Понадеемся, что теперь будет наоборот. — И она ушла.

Скоро прибежали Венька и Павлик. Валерий сообщил печальную весть:

— Вот что, братцы, с пиротехническими ракетами пока что у меня ничего не выходит, и боюсь, что не выйдет. Человек, на которого я рассчитывал, теперь этим не занимается, а других пиротехников я не знаю.

— Ну, все! Значит, крышка! Можно закрывать контору. Наделали шуму, а теперь — извините, по-

жалуйста, пороху не хватило! — начал палить словами Венька.

Павлик тоже был огорчен, но, как всегда, молчал и только разводил руками.

— Подождите, братцы, — сказал Валерий. — Дайте-ка мне позвонить еще в одно место. — И он тут же вышел.

— К черту все! — закричал Венька, бросил на землю чертеж.

Павлик медленно поднял чертеж, стряхнул с него землю и положил на место.

— Распускай охра... — начал было Венька, но замер на полуслове.

В дверях стоял начальник лагеря.

— Что это вы тут, военную базу устроили? Посторонних не пускаете?.. А я, извините, на правах ответственного за лагерь вошел, — сказал начальник и внимательно осмотрел помещение.

Начальник подошел к чертежу и внимательно начал его разглядывать. Потом посмотрел на нас и строго спросил:

— Ну, так как? Будем вести следствие, или сами расскажете?

— А что тут рассказывать? Теперь можно считать, что ничего не было...

— Жаль, жаль! — сказал начальник. — Зря вы от меня секреты держите. — Он снова посмотрел на чертеж и, неожиданно улыбнувшись, добавил: — Мне кажется, я мог бы вам даже помочь. Но дело, конечно, ваше...

Венька и Павлик взглянули друг на друга. Еще бы! Сам начальник просится к ним в компанию!.. И Венька тут же сказал:

— Конечно, конечно, принимаем!

— Ну, спасибо за доверие, — улыбнулся начальник. — Надеюсь, теперь вы мне расскажете, что означает этот чертеж?

Венька и Павлик начали подробно рассказывать о своей трехступенчатой ракете. Через каждые пару слов Венька повторял: «Понимаете, товарищ начальник? Понимаете?»

— Отлично понимаю, — сказал начальник. —

Ведь я в некотором роде сам реактивщик: во время войны на «катюшах» работал. И еще прошу меня называть по имени-отчеству — Демьян Захарович, а не начальник. Согласны?

— Согласны! — ответили мы хором.

— Ну, тогда повтори мне, пожалуйста, принцип действия вашей ракеты, — обратился он к Павлику.

Павлик указательным пальцем потер лоб и не спеша начал объяснять, точно учителю на уроке физики:

— Значит, так. В остов модели мы закладываем подряд три связки пиротехнических ракет. Две связки по две ракеты, и одну — с тремя ракетами. Связка в три ракеты должна дать первый толчок модели. Через некоторое время от огня первой связки загорится вторая и снова толкнет модель вверх. Потом загорится третья ступень, и это будет последний толчок. Когда энергия ракет иссякнет, под действием силы земного притяжения наш «космический корабль» начнет падать. Но как только он займет положение «носом вниз», должен раскрыться парашют и плавно опустить его на землю. Вот и все, — закончил Павлик. — Только пиротехнических ракет у нас нет.

А Венька добавил:

— И, выходит, зря мы все это задумали!

— Очень интересно! Молодцы! Штыки! — Демьян Захарович с чертежом в руках начал ходить по домику. — Очень хорошо, что вы меня приняли в компанию! Во-первых, без меня никто бы вам не позволил возиться с порохом! Да, да, пиротехническая ракета — это порох! Во-вторых, я разобьюсь в лепешку, а ракеты достану. В-третьих, штаб-мастерскую и охрану ее узаконим. Итак, вы отвечаете за корпус модели, а я — за боевую реактивную часть. Согласны?

Вместо ответа мы дружно крикнули «ура».

Когда в домик зашел Валерий, Демьян Захарович сидел на перевернутом ящике и перебирал материал, заготовленный для модели, а мы вдвоем спешно заканчивали чертеж. То есть я только держал бумагу, а Венька и Павлик чертили.

Валерий был страшно удивлен. Он так и замер в дверях. А когда ему все объяснили, сказал:

— Считайте, братцы, что вам здорово повезло. Я ракет не достал.

После этого Веньку единогласно избрали начальником штаба по строительству модели.

— Разрешите быть свободным? — обратился к нему начальник лагеря.

Венька смущенно пожал плечами.

Я вышел из домика.

Как всегда, на почтительном расстоянии от «часовых» я заметил малышей. Они лежали на жизотах и не спускали глаз с домика. Все они сгорали от любопытства и не теряли надежды разузнать тайну нашего штаба.

Наконец-то написал домой письмо и отдал его почтальону. Мы всегда так делаем, потому что ближайший почтовый ящик находится на станции. В письме я обратился к маме и папе, обоим сразу, и попросил объяснить, что между ними произошло. Я написал, что очень волнуюсь, и если они срочно не ответят, то вынужден буду приехать домой.

ПОПРОБУЙТЕ СКАЗАТЬ «И»

Я еще в школе во время экзаменов заметил, что иногда начинаю хрипеть. Здесь, в лагере, эта история повторяется. Вот начинаешь говорить, и вдруг голос пропадает, уходит куда-то вглубь. Полслова шепотом скажешь, а вторая половина как вырвется, как запищит — сам удивляешься, откуда такие звуки берутся.

Вот я сейчас проснулся, хочу разбудить Веньку, рот открываю, а звука никакого. Может быть, у меня жар? Может, я простыл? Да, голова как будто горячая!..

Горна еще не было, но я соскакиваю с койки, надеваю штаны и рубаху.

— Куда это ты? — спрашивает Венька и откашливается.

— Ты тоже простыл? — говорю ему. — Надоела мне эта волянка с горлом. Пойду к врачу.

— Слушай, и я тоже! — пищит Венька. — Пусть дадут какие-нибудь порошки.

Вышли мы вместе и направились в санчасть. Подходим, а за домиком санчасти ходит Захар и что-то бормочет, размахивает руками. Мы с Венькой переглянулись, спрятались за сосну и слушаем. Откровенно говоря, мы немножко испугались. С чего бы это ему ходить на рассвете по лесу и разговаривать с самим собой?.. Захар вообще немножечко странный парень. Но это?!

Когда мы начали разбирать слова и присмотрелись к его жестам, мы еще больше расстроились. Неужели он с ума спятил?! Не то Наполеона из себя корчит, не то какого-то главнокомандующего. Руки за спину заложит, походит, походит, а потом повелительным жестом укажет на какой-нибудь пенек и приказывает:

— Убрать! Чтобы завтра этого типа здесь не было!.. Я вам, гаврики-комарики, покажу, кто я такой! Второй раз напоминать не буду!.. А вы зайдите ко мне, в мой кабинет, там поговорим... И вашего вожака пришлите!..

У меня и у Веньки глаза на лоб полезли.

— Вот тип! — шепчет Венька. — А может, он какую-нибудь роль учит?

Захар обернулся и заметил нас. Он очень смутился, засунул руки в карманы, начал громко свистеть и пританцовывать. Мы вышли из-за дерева и сделали вид, что ничего не слышали и не видели.

— Ты чего здесь ни свет ни заря ходишь? — спросил Венька.

— Врача ожидаю. Не могу я в хоре петь, у меня горло больное.

Мы с Венькой переглянулись.

Тут как раз подошла Валентина Наумовна, наш врач.

— Доброе утро, ребята! Что вас привело? Или, может, вы не ко мне?

— Я к вам! — решительно пробасил Захар.

— И мы, — сказал Венька.

— Ну что ж, тогда заходите. Только подождите, пока я халат надену.

Мы все зашли в приемный покой, а Валентина Наумовна прошла в другую комнату. Скоро она вернулась в халате и в белой шапочке.

— Ну, кто на что жалуется? — спросила она.

— У меня горло хрипит. Заболел, — сказал Захар.

— А у вас?

— То же самое.

Захар испуганно посмотрел на нас: он решил, что мы его просто подыгрываем.

— Да, я не шучу, — прошипел он, краснея.

— Я верю, верю тебе. Не волнуйся, — успокоила Валентина Наумовна. — Бывают же просто совпадения.

Венька встал и заявил:

— В палатке неделю проживешь — и охрипнешь. Ночью все-таки холодно.

— Все возможно, — подтвердила Валентина Наумовна и надела на лоб круглое зеркало. — Ну-ка, открой рот! — приказала она Захару.

Тот немедленно исполнил.

— Скажи «а»!

— А-а-а!

— Скажи «и»!

— И-их-х-х! — прохрипел Захар и закашлялся.

— А теперь ты скажи «и»! — приказала Валентина Наумовна мне.

Я вытянул шею, сказал «и», но у меня тоже получилось не то «ши-и», не то «хи-и».

У Веньки совсем из «и» ничего не вышло. Он пошипел, пошипел и махнул рукой.

Мы еще по разу вытягивали шею и шипели, как гуси, а потом сели. Со звуком «и» у нас ничего не получалось.

Валентина Наумовна сняла со лба круглое зеркало, отвернулась к стеклянному шкафчику, и плечи ее мелко задрожали. Она смеялась. Потом она повернулась к нам и сказала:

— Не волнуйтесь. Все вы здоровы!

— А почему хрипота? Почему хрипота? — заерепенился Захар.

— Это бывает, — сказала Валентина Наумовна. — У каждого, кто растет... кто становится взрослым.

— Взрослым? — переспросил Венька и расправил плечи. Во мне тоже вдруг зажглась какая-то гордая искорка. А Захар продолжал канючить:

— Не могу я в хоре петь! Дайте освобождение!

— Мальчики вашего отряда могут в хоре не петь, — сказала Валентина Наумовна. — Я передам это водителю. Идите и не волнуйтесь.

Когда мы вышли из санчасти, мне показалось, что я немножечко вырос, а в ушах у меня все время звучали слова Валентины Наумовны «становится взрослым».

Венька стал щупать пух над верхней губой, но, когда заметил, что смотрит Захар, отдернул руку. Захару уже давно не мешало бы побриться. У него вниз от висков тянулись черные курчавые бакенбарды, а верхняя губа, над которой были изрядные усы, была вздута. У нас у всех губы были такие, словно нас осы покусали. Захар перехватил Венькин взгляд, понял его и посмотрел на него так, будто перед ним стоял первоклассник, а не Вениамин Чижевский — будущий космонавт, конструктор межпланетных кораблей.

ВАЛЕРИЙ ВИСИТ НА ВОЛОСКЕ

В одиннадцать часов утра по путевке дня у нашего отряда занятия по труду. Мы должны идти на хоздвор, к верстакам, и учиться столярному делу. Мы топчемся на линейке и ждем Валерия. Откровенно говоря, нам не очень хочется в такой жаркий день стругать доски и сколачивать табуреты.

— Вот бы сейчас на речку! — говорит кто-то из ребят.

— И верно! Почему физрук ни разу нас не водил?

— Он хотел, да Нин-Вас против.

— Почему?

— А потому, — вмешалась Зинка, — что еще место на речке не выбрано. Я сама слыхала, как Нина Васильевна говорила: «У нас речка опасная, водовороты, ямы кругом».

— А почему другие лагеря купаются?

— Почему да почему... Куда же девался Валерий Николаевич? Митя, долго мы будем тут стоять?

— Подождите. Сейчас поищу его, — сказал я и побежал по территории.

Валерия я нашел возле главного входа в лагерь. Он стоял у ворот и разговаривал с каким-то парнем. Я стал в сторонке и жду. Наконец он заметил меня.

— Дмитрий, иди сюда!

Я подошел, поздоровался, а Валерий развернул какой-то пакет и показал мне три металлические пластины.

— Смотри, что нам Ваня привез. Не догадываешься?

Я взял в руки одну пластину.

— Ну, алюминий, — говорю.

— А для чего?

— Не знаю.

— Эх, ты! Это же для ракеты, понял?

Тут только я вспомнил, что Венька весь лагерь обегал, а тонкого алюминия не нашел и все кричал, что без него даже приступить к делу нельзя.

— Вот спасибо! — обрадовался я и взял у Валерия остальные листы.

— Ты, конечно, за мной, — сказал Валерий. — Сейчас иду... Стой, что ж это я вас не знакоблю?

— Шумилов Ваня, — протянул руку парень.

А за меня ответил Валерий:

— Наш председатель Соколов Дмитрий... Мы с ним друзья. Правда, Митя?

— Ясно. Иначе и быть не может, — улыбнулся Ваня. — У нас в цехе тоже дружба, железная!

Ваня Шумилов был рослым парнем. Лицо загоре-

лое, волосы белые, и улыбался он только правым уголком рта, а глаза при этом лукаво шурились.

— Тебе, Валерий, от всех ребят привет! А это, — Ваня достал из кармана конверт, — это от Зои. Сказала, что видеть тебя больше не хочет. Понял? — Он подмигнул, дал Валерию конверт и засмеялся. — Она у тебя такая!

Валерий тоже рассмеялся, и я понял, что Ваня пошутил.

— А что, не говорила... приедет? — тихо спросил Валерий.

— А куда же ей деваться? Приедет. И мы всей бригадой тоже. На обследование. Ты небось тут всем показал, как дело ставить. Смотри, знай наших!

Валерий покраснел и начал разглядывать свои туфли.

— То-то же, — кивнул головой Ваня. — А если что надо, какая-нибудь помощь, так ты только свистни. Мы мигом! Понял?..

— Ладно, Ваня, мне пора, ребята ждут... Пошли, Митя!

Мы попрощались. Ваня крепко пожал мне руку, и я крикнул ему вдогонку:

— Приезжайте! Обязательно приезжайте!..

...Венька схватил алюминиевые листы, как будто от них зависела его жизнь. Он даже забыл поблагодарить Валерию и моментально исчез. А мы все отправились на занятия по труду.

Когда пришли к верстакам, оказалось, что педагога по труду, дяди Кузьменко, не было, и никто не знал, где он.

— Не расходитесь, подождем, — сказал Валерий.

— А вы нам что-нибудь расскажите, — потребовал Сашка Кикнадзе.

— О чем же?.. Я ведь только работаю...

— Об этом и расскажите. О себе, — сказала Мая.

— Тю-у! — запищал Женька Быков. — Какой интерес?! Лучше что-нибудь приключенческое!

Но ребята на него зашикали. Нам ведь предстояло скоро идти на настоящую работу, и все хотели знать: интересно ли это, трудно ли? Как живут ребята в общежитиях? Сколько зарабатывают?

Прибежал Венька. Узнав, что Валерий будет рассказывать о заводе, обрадовался: «Вот здорово!» Я уже говорил: он собирался после восьмого работать на авиазаводе.

Ребята расселись, кто на верстаки, кто прямо на землю, и приготовились слушать.

— Я вам, ребята, расскажу о своей бригаде.

У нас она комсомольская. Мы в одном цехе работаем и все в общежитии живем. Ну живем, работаем, учимся. У нас почти все в институтах занимаются...

И Валерий рассказал о том, как стал механиком, какие в бригаде способные ребята, особенно Ваня Шумилов, о том, что у них на заводе есть своя водная станция и небольшой стадион. Всей бригадой они часто ходят в кино, театры и очень весело, дружно справляют праздники и дни рождения своих друзей...

Я слушал, и мне казалось, что я тоже работаю с Валерием и Ваней в одной бригаде, что мы дружим и вместе придумываем разные рационализаторские предложения. И дома со мной обращаются как со взрослым, и мальчишки из нашего двора очень завидуют мне...

Ребята не пропускали ни одного слова. Захар и Женька Быков пересели к самым ногам Валерия.

— Ну вот, собственно, все, что я могу рассказать, — закончил Валерий. — А дальше задавайте вопросы.

Вопросов у нас была тысяча, но первым выскочил Женька Быков.

— А танцы в общежитии у вас бывают?

— Конечно, бывают. Пожалуйста, хоть каждый вечер танцуй. И приемник и радиолка есть.

— А вы, Валерий Николаевич, умеете танцевать? — спросила Зинка Дорохова.

Валерий не ответил, потому что Оля Мацейко сразу задала новый вопрос:

— Когда же вы танцуете, если днем работаете, а вечером в институт ходите?

— Сами удивляемся, как это у нас выходит, — сказал Валерий, — но только танцуем, и часто.

Ребята начали наседать с вопросами, и все шло гладко, пока Женька Быков опять не влез:

— А у вас, Валерий Николаевич, невеста есть?

Все начали хохотать, а почему — непонятно. Валерий смутился. Вдруг Сашка Кикнадзе как закричит:

— Смотрите, смотрите, и она слушает!

Мы все обернулись на его голос и еще громче расхохотались. Между ребятами, которые сидели на последнем верстаке, торчала лошадиная голова. Это была наша лагерная лошадь. Ребят она не боялась и даже дружила с ними, потому что многие ее угощали хлебом и сахаром. Сначала она смотрела на нас, а потом стала нюхать стружки на верстаке и мягкой мордой тыкаться в руки ребят. Девчонки запищали и спрыгнули на землю. Сашка вскочил ногами на верстак и на радостях начал какую-то дикуую пляску.

— Я джигит! Я джигит! — кричал он. — Я сейчас верхом буду ездить!

Лошадь удивленно посмотрела на него, потом оскалила зубы, и верхняя губа у нее мелко-мелко дрожала.

— Ох-ох! — схватился за живот Женька Быков. — Ох, не могу! Ну и джигит! Даже лошади над ним смеются!

— Спорим, что я умею ездить верхом! Спорим! — закричал Сашка и схватил лошадь за холку. Она повернулась к нему мордой.

— Да разве так садятся верхом?! — сказал Захар и ударил лошадь по крупу. — Ну, но-о!

— Стойте, ребята, стойте! — подбежал Валерий. Он секунду подумал, потом хлопнул себя ладонью по лбу и спросил: — А кто из вас действительно умеет ездить верхом?

Человек пять подняло руки. Среди них были Олесь, Щербань, Федя Шевко, Коля Грива и, конечно, Сашка Кикнадзе — потомственный джигит.

— Ну, а кто хочет научиться ездить?

Тут уж все подняли руки, даже девчонки.

— Тогда давайте по порядку. Прежде всего попробуем найти седло.

Но седла не нашли. На хозяйственном дворе, как назло, никого из работников не было.

— Зачем седло? Давайте так. С седлом не фокус! — затараторил Сашка.

— Подождите, подождите, — сказал Валерий. — Надо сперва узнать, не норовиста ли она. — И, ухватившись за гриву, легко вскочил верхом. Уздечки на лошади не было, но на шее болталась веревка. Валерий взялся за нее и, проехав круг, попробовал пустить рысью.

— Но! Но-о! Вперед! — командовал он и слегка ударял пятками. Но лошадь не торопилась, наоборот, она еще стала на ходу пощипывать траву.

Валерий подъехал к верстаку, соскочил на землю и сказал:

— Ничего, конь покладистый. Ну, кто первый?

Первыми пожелали быть многие, но больше всех рвался на коня Сашка.

— Ты ездил когда-нибудь верхом? — спросил Валерий.

— Какая разница? Какая разница? Вот вы сейчас увидите! — горячился Кикнадзе.

Ясно, что верхом он еще не ездил, хотя и был потомственным джигитом. Сашка родился в Киеве, отец его был водителем такси, а на такси, как известно, верхом не ездят. Ближайшие Сашкины родственники живут в Москве. Он даже горы Казбек ни разу не видел. Самая большая гора, с которой он в своей жизни встречался, это Владимирская горка...

Сашка начал карабкаться на коня. Валерий и Захар помогали ему. Наконец он уселся. Веревка оказалась ему непрочной опорой, и он обхватил лошадь за шею. Лежит и кричит:

— Отпустите! Я буду сам!

Ну, Валерий и отпустил веревку. Лошадь пошла, а мы табуном за ней.

— Ух, ты! Как настоящий наездник! — с завистью сказал какой-то малыш. — Вот если б еще сидел!..

— Лежи, Сашка. Мы тебе сейчас подушку принесем. Отдыхай!

— Слезай! Другим тоже покататься надо! — кричали наперебой ребята.

Сашка проехал один круг, и тут пришел дядя

Кузьменко, наш педагог по труду. Он подошел к наезднику и, ударив себя руками в бока, сказал:

— Да кто же так сидит?! Поднимись, не бойся! Конь смирный, — и заставил Сашку подняться. — Вот так! Спина, как стрелочка, должна быть... Погоди, сейчас уздечку принесу, тогда сразу все по-другому пойдет! — И побежал к сараю.

Теперь Сашка с коня орлом поглядывал, а ребята его уже начали за ноги тащить:

— Слезай! Хватит!

Тут кто-то сзади как свистнет и хлоп коня по крупу! Сашка сразу на шею повалился, а конь возьми да рысцой, а потом и в галоп. Валерий не успел схватить веревку и отстал. Мы, конечно, всем отрядом за конем. А тот еще быстрее: испугался погони. Ребята кричат, свистят, девчонки пищат. Весь лагерь на ноги поднялся... Пронеслись мимо столовой, а там стоит Нина Васильевна и от ужаса за голову хватается.

— Задержите! Сейчас же задержите! — и бегом за нами.

Конь только у ограды остановился: дальше ехать было некуда. Прибежали мы туда, а на Сашке лица нет. Лежит на коне и дрожит. Снял его Валерий и говорит:

— Ну, кажется, наездились...

— А мы? А мы? — стали требовать ребята. — Мы же еще не ездили! Мы тоже хотим!..

Наконец прибежала Нина Васильевна и сразу на Сашку набросилась:

— Да как ты мог такое придумать?! Да если бы ты свалился и разбился, мы бы с Валерием Николаевичем под суд попали! Да тебя за это домой отправить нужно!..

— Подождите, Нина Васильевна! Подождите, — начал Валерий. — Саша не виноват.

— А кто виноват? Может, лошадь? Сама попросила: «Сядь на меня, пожалуйста, верхом!»? Так, что ли?

Мы все молчали, а Валерий Николаевич сразу признался:

— Это я виноват. Решил их научить верховой езде и не подготовился...

— Не подготовились?! Ну, как вам это нравится! — возмутилась Нина Васильевна. — Вы так говорите, как будто верховая езда у вас сегодня по пуге! А кто вам разрешил это делать? Вы же могли погубить детей!.. Ой, простите! — вдруг спохватилась она. — Идите, ребята, отсюда. Нам надо с Валерием Николаевичем поговорить.

Мы, конечно, отошли в сторону.

— Все, — съехидничал Захар. — Интересно, кто у нас теперь вожатым будет? Я же знал, что этим кончится!

— А разве он виноват? Разве ты сам не хотел покататься верхом? — возмутилась Мая. — Надо старшей все объяснить!

— У нас так весело в отряде стало! — сказала Оля Мацейко. — Очень жалко, если Валерия Николаевича заменят.

Я вспомнил, что сегодня как раз кончается его испытательный срок. Что же делать? Я даже не мог себе представить наш отряд без Валерия...

Нин-Вас еще долго отчитывала его, потом решительно махнула рукой и показала на лошадь. Та все еще стояла у ограды и как ни в чем не бывало пощипывала траву.

— Ваше счастье, что я тороплюсь в город, а то бы мы сейчас продолжили разговор у начальника лагеря!

Эти слова Нин-Вас произнесла так громко, что мы все услышали. Раскрасневшаяся, с растрепанной прической, она быстрыми шагами пошла к своей палатке. Валерий постоял немного, потом взял лошадь за веревку и повел назад. Я догнал его и зашагал рядом с ним. Валерий даже не посмотрел в мою сторону. Я тоже молчал. Так мы и дошли до хоздвора. Тут Валерий вручил лошадь дяде Кузьменко, а мне, как всегда, сказал:

— Пойдем, председатель, что ли, — и положил руку на плечо.

Я хотел сказать ему что-нибудь утешительное, но не мог найти подходящих слов. От волнения пересохло в горле и язык никак не хотел поворачиваться.

Валерий посмотрел на меня.

— Ну, вот и все. Видимо, будем прощаться... Понимаешь? Старшая говорит, что эта смена очень ответственная: приезжает секретарь ЦК комсомола по школам, работа должна быть поставлена на «отлично»... В общем она, наверное, сама с вашим отрядом будет...

— Не будет этого! Не будет! — закричал я. — Мы не допустим! Мы докажем! Вот увидите... Нам хорошо с вами...

Я очень волновался и не мог больше говорить. Еще несколько секунд постоял возле Валерия и побежал к ребятам. Надо было срочно что-то предпринимать.

МЫ С МАЕЙ ДРУЗЬЯ

Я шел медленно по центральной аллее, как вдруг неподалеку от себя, на стороне девочек, услышал голоса. В палаточном дворике стояли Мая, Оля, Зина и Таня Захарова. Они спорили с каждой минутой громче и громче. Зинка ерепенилась больше всех. Оля отвечала ей, как всегда, спокойно, а Мая поддерживала ее. Хрупкая маленькая Таня кусала ногти и испуганно смотрела на Зинку.

— Нина Васильевна лучше знает, что нужно! У нее опыт! — захлебываясь, говорила Зинка. — Вот увидите, провалим работу! Провалим!

— Не провалим! — твердо заявила Оля. — Просто она не знает, что творится у нас в отряде.

— Это я, это я виновата! — со слезами в голосе начала Таня. — Я должна была еще тогда сказать, что она не права! Пусть бы начальник все знал... Я пойду и сама ему все расскажу...

— Ну и беги к своему начальнику! Беги! — Зинка заметила меня, полоснула злыми зелеными глазами и убежала.

Я подошел к девочкам. Они смотрели и ждали, что я скажу. Но я молчал.

— Ты председатель отряда, ты и решай, что будем делать! Смотри, — Оля показала на наш палаточный дворик, — Зина и Захар подговаривают ребят.

На стороне мальчиков толпилась половина нашего

отряда. Зина и Захар стояли в центре, что-то доказывали и размахивали руками. Меня удивило только то, что Сашка Кикнадзе внимательно их слушал. Ведь он страшно непостоянный. Неужели они его собьют на свою сторону?

— Ладно, — решительно сказал я. — Сегодня же соберем отряд. Я все расскажу! Все!.. А вы должны поддержать. Только не сидите, набрав воды в рот...

Наверное, у меня был очень свирепый вид, потому что Таня Захарова закрыла глаза и схватилась руками за щеки.

— Ой, как страшно!

— Нас все равно будет больше, — сказала Мая.

— Правильно, — подтвердила Оля и протянула руку. — Ну что ж, значит, союз?

— Союз! — сказал я, но Оля отвела ладонь, и я почувствовал крепкое пожатие Майиной руки. Оля положила свою сверху и строго спросила у Тани:

— Ну, а ты чего ждешь?

И на тугой узел, сплетенный нами, легла тонкая прозрачная рука Тани.

— Пошли! — неожиданно сказала Оля и, обняв Таню за плечи, направилась к ребятам.

У меня сразу стало легче на душе. Лес ожил и зазвенел птичьими голосами. «Тер-рентий! Тер-рентий!» — кричали воробьи, бесстрашно, у самых ног устраивая свалку.

Я все еще ощущал пожатие Майиной руки и слышал ее голос.

Мая минутку молчит, а потом говорит:

— Раз мы с тобой, Митя, дружим, то между нами не должно быть никаких тайн!

Она так и сказала — «мы с тобой дружим»! Даже не покраснела при этом! А я и не знал, что между нами уже настоящая дружба. Конечно, я отношусь к ней лучше, чем к Оле или Тане, и если она так считает, то это очень хорошо. Тогда, конечно, никаких тайн между нами не должно быть... Да, да, ей нужно рассказать о письме, о том, что дома происходит что-то непонятное. Но прежде... прежде нужно сказать ей, что и она мой друг и что я рад этому. Но как? Ведь я такого не говорил еще ни одной девчонке!.. И я чув-

ствую, что краснею и не могу произнести: «Да, конечно, дружим... Друзья!» Ведь это так просто! И вдруг вижу — рыжий кот! Сидит за деревом и облизывается. Толстый, лоснящийся, тот, что всегда возле столовой вертится... «Вот противный!» Я давно хотел его отлупить.

Бегу и хватаю его за хвост.

— Что это ты собираешься с ним делать?

Оборачиваюсь — Валерий. Он громко хохочет. Смеется Мая. А кот, изогнувшись, царапает мою руку.

— Да отпусти ты его!

Я бросаю кота и тоже начинаю смеяться. Теперь мы смеемся втроем, а кот, распушив хвост, стрелой несется в столовую и чуть не попадает под полуторку. Машина рычит и едет прямо на нас.

— Отойди же! — кричит Мая и оттаскивает меня за руку.

Полуторка резко тормозит и останавливается. Дверца кабины открывается, и Демьян Захарович спрыгивает на землю. У него запыленные сапоги, он широко улыбается и говорит Валерию:

— Езжайте прямо сейчас. Другого случая не будет. Машина в вашем распоряжении до вечера.

— Куда? — удивляется Валерий.

— Выбирать место для игры. Сами ж предложили...

— Ах, да... — вспоминает Валерий и смотрит на нас.

— Езжайте! Семен довезет вас до старого леса, а там выбирайте сами. Отличное место! И река недалеко... Возьмите и их с собой, — Демьян Захарович кивнул в нашу сторону. — Пусть план игры составляют! Дело интересное... А с отрядом я сам улажу, физрука или музвоспитателя к ним направлю... — И он помог Мае забраться в кузов.

Валерий и я влезли следом. Машина зафырчала, присела на задние колеса, оттолкнулась от земли и поехала к воротам. Ребята возле палаток удивленно смотрели в нашу сторону, а Сашка Кикнадзе погнался за машиной. Погнался, не догнал и бросил вдогонку шишку.

ЗДЕСЬ БУДЕТ ИГРА

Машина выехала из ворот и круто повернула направо, а влево, в сторону вокзала, уходила Нина Васильевна. Она шла быстро, не оглядываясь. Еще миг, и ее косынка скрылась за корпусом соседнего санатория.

Скоро мы выкатили на дорогу, мощенную булыжником, и кузов начало мелко трясти. Я стал напевать какую-то мелодию и прислушиваться к ее дребезжащему звуку.

— Ты что там бормочешь? — спросил Валерий. — Снимай рубаху. В кузове хорошо загорать, ветерок обдувает, — сказал Валерий и начал стаскивать рубаху.

Я сделал то же самое. Разговор дальше не клеился. По глазам друг друга мы понимали, что думаем об одном и том же: о Нине Васильевне, о том, что будет дальше с Валерием.

Мерно гудел мотор, ветер теплыми струями омывал грудь и плечи, а впереди открывался широкий простор. Сперва шли парники и огороды, а за ними, сколько охватывал глаз, хлеба. Стройные, еще с тонким, не налившимся колосом, они дышали, как море в тихую погоду. Дорога врезалась в рожь, и машина поплыла по широким золотистым волнам. Впереди показалась группа ребят. Они шли нам навстречу, и у каждого на плече лежала сапка или лопата. Дорога была узкой, и машине пришлось остановиться, чтобы пропустить их.

— Куда идете? — спросил Валерий.

— Туда! — махнул рукой в сторону огородов рыжеволосый паренек.

— Вы колхозники?

— Ага, школьная бригада, — уже вслед уходящей машине крикнул рыжеволосый.

Валерий посмотрел на нас.

— Вот где не мешало бы отряду поразмяться, правда? — сказал он.

— Правда, — ответил я. — И колхоз недалеко...

— Да, если все будет в порядке, — Валерий опустил голову.

Мая сказала:

— Конечно, все будет в порядке! И нас все ребята поддержат... Ой, смотрите, смотрите, река!

Она так обрадовалась, что чуть не перевалилась за борт.

Справа в километре от нас показалась река. Она лежала в ложине, словно туда упал кусок ярко-голубого неба. С берегов вниз сбегали тонконогие безрезки и робко останавливались у самой воды.

— Эх! — вздохнул Валерий, глядя на реку.

— Хорошо бы... — закивала головой Мая, и я сразу всем телом словно ощутил прикосновение волн.

Дорога неожиданно разветвилась. Из кабины выглянуло лоснящееся от пота лицо Семена.

— Махнем туда, что ли? — кивнул он в сторону реки.

Мы дружно ответили:

— Махнем!

Машина повернула вправо и радостно зафырчала. Река быстро неслась нам навстречу, и с левого ее берега к середине бежала золотая чешуя. С каждой секундой солнце заливало реку все больше, вся она была полна золота.

— Слезай, приехали! — хлопнув дверцей кабины, сказал Семен и направился к реке.

Мы выпрыгнули из кузова. После знойного полевого воздуха приятно было вдыхать запах воды и мокрого прибрежного песка.

— Стойте! — остановил нас Валерий. — А как у вас насчет плавания? Как-никак я отвечаю за вашу жизнь!

Он сказал это шутя, и мы поняли, что в эту минуту он вспомнил о Нин-Вас, которая, наверное, тысячу раз предупредила бы об опасности и прочитала бы целую лекцию о водоворотах, ямах и быстром течении.

— Я плаваю, — сказал я.

— А ты? — Он посмотрел на Маю.

— У меня разряд... первый, — тихо, немного смущаясь, ответила Мая.

— Не как-нибудь! — важно развел руками Валерий. — Тогда ты и будешь у нас спасательной командой...

Через секунду мы все четвероплыли взапуски, ныряли и весело брызгались водой. Смех гулко раскатывался по воде, и берега отвечали звонким эхом. Мы с Маей заплыли далеко за поворот реки и не заметили, как вышли на берег Валерий и Семен.

Возвращаясь, еще издали мы увидели, что Валерий что-то стирает.

— Давайте я! — выбегая из воды, сказала Мая и попыталась забрать у него рубаху.

— Нет, нет, — запротестовал он. — Этого я никому не доверяю. У нас в общежитии есть правило: что можешь — стирай сам! А вот выжать, пожалуй, помогите.

Мы с Маей ухватились за край рубахи и с таким усердием начали выкручивать и выжимать, что чуть не порвали ее.

— Отдайте! Порвете! — смеясь, кричал Валерий и обливал нас водой. Но тут его позвал Семен:

— Послушай, механик, а ну, загляни в мотор!..

Мы с Маей зарылись в теплый песок. Солнце ласково гладило наши плечи и ноги, а ветерок сдувал остатки капель на них. Я лежал и прислушивался, как у берега лопочет вода, и не заметил, как нахлынули воспоминания о доме, и я начал рассказывать Мае:

— Я тебе расскажу... То письмо было из дому...

— А что дома? — тихо спросила Мая.

— Еще сам не знаю что, но что-то неладное... Между отцом и матерью. Понимаешь?

Я рассказал Мае, как мама грустит одна вечерами и как роняет слезы на мою подушку, о том, что отец редко бывает дома. И когда я все это рассказывал, мне казалось, что дома уже все наладилось и завтра придет от мамы доброе письмо, а внизу будет приписка от отца со словами, которые он всегда любит мне говорить: «Крепись, Митька, ты ведь мужчина!»

Мая долго молчит, я вспоминаю ее слова о нашей дружбе и смело говорю:

— Хорошо, что мы дружим с тобой. Очень хорошо!
И Мая отвечает:

— Дружба, Митя, — это когда навсегда, на всю жизнь вместе... И учеба и работа... Тогда все легче, правда?

— Правда.

Ни я, ни Мая не заметили, когда подошел Валерий и лег рядом с нами. Наверное, он слышал все, о чем я говорил Мае. Ну и что же? Это даже хорошо, пусть знает, ведь он тоже мой друг.

Мы лежали звездочкой, головами друг к другу, и молчали, пока не заворчал мотор машины и Семен не крикнул:

— Подъем! Поехали!

Машина рванулась вперед и, как фокусник, начала заглатывать длинную ленту дороги. Семен в кабине запел:

Эх, путь-дорожка полевая,
Не страшна нам погода любая!

А мы подхватили:

Отдыхать нам рановато,
Есть у нас боевые дела!

Это мы в лагере сами переделали старую фронтовую песню и часто ее поем, потому что она бодрая и веселая.

Лес вырос перед нами неожиданно. Он был действительно старый: стволы могучие, ветви широкие, густые. Солнце с трудом пробивало сквозь них свои лучи. Мы въехали словно в тоннель. Пришлось сесть и пригнуться, чтобы ветви не оцарапали нам лица. Птицы испуганно разлетались в разные стороны, под колесами шумно трещали старые сучья. Проехали густой орешник, в ложбине которого протекал болотистый ручей. Несколько толстых, обросших плесенью досок, брошенных с берега на берег, служили мостом, и машина перебралась через них медленно, как бы ощупывая колесами, прочны ли промокшие насквозь доски.

Наконец выехали на поляну. Нас сразу ослепило. Казалось, все солнце, не проникшее в лес, ворвалось сюда и залило ее своим светом и теплом.

— Стой! Стой! Останови! — забарабанил по кабине Валерий и на ходу выпрыгнул из машины. Семен заглушил мотор и вопросительно уставился на Валерия. Но тот уже бегал по поляне и кричал нам:

— Клад, а не место! Лучше не найти на всем свете!.. Глядите! Глядите! — Он остановился в центре поляны. — Здесь будет выложена костровая звезда — место встречи участников «слета»...

Мы только подбежали к нему, а он сразу же потащил нас на край поляны.

— А вот здесь, возле крайних деревьев, будут стоять пикеты, через каждые пятьдесят метров по два человека. Остальные уйдут в глубь леса... Садитесь, садитесь! — замахал он на нас руками, но сам от возбуждения не мог усидеть на месте. — Это замечательная игра! Я ведь вам еще не рассказывал... Называется она «Международный пионерский слет»... Когда-то я сам в нее играл, был и пикетчиком и проходящим на слет. Вот представьте себе, — Валерий начал чертить на земле план игры, — место международного пионерского слета — наша страна, и на этот слет должны приехать пионеры со всех концов света, всех стран. Даже тех, которые не желают, чтобы их дети попали в Советский Союз... Это, конечно, капиталистические страны. Вот они и ставят преграды, то есть пикеты, чтобы задержать, не пропустить... Так вот, наша страна — это центр поляны. Здесь будет приготовлен костер для участников слета, а участники его идут со всех сторон: с севера, юга, востока, запада. Они идут через лес и прибегают ко всяким уловкам и хитростям, чтобы не быть задержанными пикетчиками. Тут надо проявить смекалку и ловкость: маскироваться, ползать по-пластунски, ну, в общем делать все возможное, чтобы обмануть пикетчиков... Знаете, как я однажды проник на место сбора? Я одолжил у проходившей тетки корову и вел ее за веревку. Пикетчики приняли меня за теткиного сына и пропустили. Они стояли вдали от дороги и лица моего не могли разглядеть... Другие ребята садились верхом на чужих коней, забирались в кузова проходящих мимо машин или просто пристраивались к прохожим. А потом... Потом мы праздновали победу, потому что

слет обязательно должен был состояться. Тогда те, кто первыми пришли к месту слета, поджигали костер, и начинался праздник, веселый, яркий, с песнями, танцами, играми, пока ребята не валились с ног... Уф! — вздохнул Валерий и вытер рубахой раскрасневшееся от возбуждения лицо. — Ну как? Подходит?

— По-моему, очень интересно! — сказала Мая.

— Ну, так вот, решаем: «слет» — здесь. А окрестности, откуда будут идти участники, надо срочно обследовать и запомнить... Итак, в машину!

Мы побежали к машине, но Семена в кабине не нашли. Его не было и в кузове. Оказалось, что он ушел на опушку, забрался под куст и заснул. Из-под куста торчали его сапожищи, и храпел он так, что все птицы разлетались, а над его носом качалась ветка.

— Вот те на! Как же нам быть? — почесал затылок Валерий.

— Пусть спит, пусть спит! — замахала руками Мая. — Давайте пешком. Это даже лучше! Правда?

— Точно, пошли!

И мы не пошли, а побежали, потому что ноги несли нас, как пружины, а тропинки сами бросались под ноги.

Не знаю, сколько времени мы бежали по лесу, но все, что нам нужно было, сделали. Мы нашли и дорогу, и пруд, и избушку лесника. В условленных местах оставили знаки. Потом пили воду из ключевого ручья и гонялись за белками, а когда солнце сползло с неба и застряло меж двумя большими соснами, повернули к поляне.

Мая все время бежала впереди. Она в лесу ориентировалась лучше нас и, кроме того, успевала находить ягоды и грибы. Уже почти у самой поляны она закричала:

— Сюда! Скорей сюда!

Когда мы подбежали, она протянула руку, и мы увидели на ее ладони маленький рыжий комочек.

— Бельчонок! Слепой, смотрите. Выпал из дупла... Как жалко! — Мая осторожно пальцем гладила огненную шерстку, а бельчонок тихо-тихо попискивал, и брюшко его часто вздымалось. Хвост у него был

куций и тонкий, а голова большая, почти как туловище.

— Что же нам делать? — спросила Мая. И в это время Валерию прямо на голову свалилась шишка. Мы, как по команде, подняли головы вверх и увидели белку.

— Наверное, мать. А вон, кажется, и дупло. — Валерий показал почти на самую верхушку сосны. — Надо бы его туда, да как?

Сосна до половины была голая, правда дальше веток было много, и все крепкие. Валерий начал не спеша снимать рубаху.

— Была не была, когда-то лазил. Давай бельчонка!

— Что вы, что вы?! — запротестовала Мая. — Лучше с собой заберем, сами выходим...

— Нет, жаль мать!.. Вон как смотрит на нас, просит.

Мая взглянула на меня и отдала бельчонка. Валерий осторожно положил его в карман, сбросил туфли и полез.

Белка перескочила с ветки на ствол и неожиданно стала спускаться вниз, навстречу Валерию. Когда же он добрался до веток, она заметалась, запрыгала и на миг влезла в дупло. Влезла, и тотчас вернулась, и снова чуть не прыгнула на Валерию.

— Тише, тише, не волнуйся. Сейчас вернем тебе бельчонка! — доносился сверху спокойный голос Валерия, и от этих его слов нам не так страшно было смотреть, как гнутся ветки под его ногами.

Наконец он добрался до дупла, и мы услышали:

— Порядок, иду на посадку!..

Белка тотчас же вскочила в свой дом и больше не появлялась.

Скоро Валерий спрыгнул на землю. Грудь его была поцарапана, а глаза радостно блестели.

— Скоро снова увидимся! — помахал он белке рукой.

До чего же хорошее было это путешествие! Мне совсем не хотелось возвращаться в лагерь. Вдруг Мая хлопнула меня рукой по спине и крикнула:

— Догоняй!

Она отбежала и стояла, чуть наклонившись, погнув ноги в коленях, готовая каждую секунду сорваться с места. Волосы ее разметались, лицо сияло, а глаза... Знаете, какие у нее глаза? Они всегда поют: «Ну-ка, солнце, ярче брызни!..»

— Э-эх! — крикнул я на весь лес и погнался за ней.

Ветер гудел в ушах, а ноги сами отскакивали от земли.

— Майка, погоди!

Где там! Она неслась от дерева к дереву, и только пятки ее сверкали перед моими глазами.

— Догоняй! Догоняй!

— Подожди! Подожди!..

— Догоня-ай!..

— Майка! Майка-а-а! Мы с тобой друзья! Самые лучшие! Навсегда-а-а! — Я задыхался и кричал, а Мая и эхо отвечали мне:

— Да-а-а!

Я догнал Маю. Она протянула мне руку и потащила вперед. Теперь мы бежали рядом, крепко держась за руки, и смеялись. Бежали, пока не услышали далекое «Би-и! Би-и-и!»

— Митя, это нас! Слышишь, машина гудит?

Да, это Семен настойчиво гудел: «Би-и-и! Би-и!» — а между гудками раздавался голос Валерия:

— Ребята, ау-у!

Мы побежали назад и только теперь почувствовали, что устали. Ведь мы избегали пол-леса, а перед этим еще наплавались. Время обеда тоже давно прошло, и воспоминание о нем придало нам силы.

— Догоняй! — снова крикнула Мая, и через минуту мы были возле нашей полуторки.

Дорога обратно показалась нам короче. В животе у меня урчало, как в моторе, и я сказал:

— Интересно, оставили нам обед?

— Очень интересно! — поддержал Валерий.

И тогда в кузов из кабины полетели три зеленых яблока. Они показались нам слаще меда, хотя от оскомины сводило скулы.

Перед самым лагерем Валерий предложил спеть песню, чтобы прямо с ней закатить на территорию.

Мы грянули «Дорожку», а Семен нам подпевал и аккомпанировал на автомобильном гудке. Орала мы, как целый отряд, и поэтому дежурные распахнули ворота, как только мы появились на горизонте.

ВЕНЬКА ЖМЕТ БЛАГОРОДНУЮ РУКУ

Машина остановилась посреди главной аллеи. Тут толпились ребята и несколько вожатых. На нас почти никто не обратил внимания, хотя мы все еще пели. Песня оборвалась. Когда я разглядел тех, кто стоял в гуще толпы, меня словно током ударило.

Рядом с Нин-Вас стоял высокий белокурый парень в сером костюме, а вокруг были наши ребята, почти весь отряд. Теперь было ясно, зачем Нин-Вас ездила в город. Она привезла нового вожатого, чтобы заменить Валерия. Этого никто не ожидал. Даже Зинка и Захар стояли молча, понутив головы.

Майка сжала мою руку и подтолкнула к борту. Мы соскочили на землю и влезли в самую гущу. Валерий остался в кузове и поехал на хоздвор. Рядом со мной очутился Венька. Он толкнул меня в бок и, сердито покосившись на Нин-Вас, заворчал:

— Видал? Это вместо Валерия...

А Нин-Вас в это время рассказывала парню, как устроен наш лагерь: показывала то на стадион, то на столовую, то на палатки. Она все хвалила и спрашивала у ребят: «Правда ведь, правда?» Но никто ей не отвечал. К парню она обращалась на «ты» и все время заглядывала ему в глаза, чтобы узнать, какое впечатление на него производит лагерь.

Наконец Нин-Вас села на своего конька. Она заговорила о приезде секретаря обкома комсомола:

— ...Понимаешь, Лебедева обещала скоро ко мне приехать. Ну, Катя Лебедева, ты ведь ее знаешь. Мы с тобой ей такую встречу закатим!...Я уже кое-что подготовила, потом покажу. Главное, с ними сейчас работу организовать. Смотри, какие мировые ребята! — И она обняла Зинку и Олю, которые стояли рядом с ней.

Зинка сразу оживилась и начала болтать что-то

о подготовке к костру, а закончила тем, что заявила этому парню:

— Хорошо, что вы приехали. Мы давно вас ожидали.

Ребята загудели, а парень неуверенно покачал головой и сказал Нин-Вас:

— Что-то я тебя, Нина, не очень понимаю.

Оля сняла руку Нин-Вас со своего плеча и, покраснев, сказала:

— И мы тоже не очень понимаем. А ты, Зина, помолчала бы. Сперва надо все с советом отряда решить.

Мая выступила вперед и потянула меня за собой.

— Почему вы, Нина Васильевна, нас ни о чем не предупредили? И Валерий Николаевич об этом ничего не знает...

— Вот еще! Подумаешь, с тобой согласовывать! — загорелась Зинка. — Нина Васильевна сама может все решать. Правильно, Нина Васильевна?

— Нет, неправильно! — решительно заявила Мая.

— Неправильно! Неправильно! — закричали ребята.

Нин-Вас побледнела, глаза ее начали перебегать с меня на Маю, и, наступая на нас, она сердито бросила:

— А ты, Романова, вообще последнее время много себе позволяешь!

Мая так и замерла с открытым ртом. Оля засломила ее собой и, глядя на Нин-Вас прищуренными глазами, спокойно, но твердо сказала:

— Как можно так?! Вы не должны!..

Я почувствовал, что не могу, не имею права молчать, и, глядя прямо в глаза Нин-Вас, сказал:

— Мы не отдадим Валерия! Он наш вожатый!

— Правильно, Митя! Правильно! — слышалось со всех сторон.

Парень сначала удивленно смотрел на нас, а потом лицо его расплылось в улыбке.

— Вот это я понимаю! Это дружба! Да я мечтал бы, чтобы за меня когда-нибудь так заступились! Видно, он у вас дельный парень! — Эти слова он сказал, даже не глядя на Нин-Вас.

Венька, который все время молчал, важно подошел к нему, взял за руку, потряс и сказал басом:

— Жму благородную руку!

Парень засмеялся. Ребята тоже начали улыбаться. Тогда Нин-Вас замахала руками:

— Нет, нет! Нечего шутить! Такие вопросы так не решают. Если на то пошло, то пусть начальник сам разбирается. Это же просто бунт! — Но с места не сдвинулась.

А мы все, как один, будто сговорились: молча направились к домику начальника. Когда я оглянулся, то увидел, что Нин-Вас по-прежнему стоит на месте. Последними за нами плелись Зинка и Захар.

...Демьян Захарович сидел на пеньке возле домика и рассматривал какие-то бумаги, разложенные прямо на траве. Мы молча окружили его и ждали, пока он сам обратится к нам. Он отлично все видел, но не торопился. Когда же поднял голову и оглядел нас, то первым долгом сказал:

— Ну, значит, здравствуйте! Я ведь сегодня не всех еще видел.

Мы ответили нестройным хором.

— Так, — улыбнулся начальник. — Слушаю вас. Но мы продолжали молчать.

— У меня к вам вопросов нет, — сказал он и развел руками.

Первым выскочил Сашка Кикнадзе:

— Что ж это? Что ж это?! Нам Валерия Николаевича хотят подменить!

Ребята зашумели, и каждый кричал свое.

— Погодите! — Демьян Захарович встал, одернул гимнастерку. — Нельзя ли все толком?.. По порядку.

Тогда я выступил вперед и рассказал, что сейчас произошло на аллее.

— ...Вы ведь сами знаете, в отряде работа идет неплохо. Зачем же так поступать? Зачем обижать Валерия Николаевича?

Демьян Захарович удивленно посмотрел на нас.

— Да, — сказал он, — это несколько неожиданно. Был у нас такой разговор со старшей... Был... Совсем недавно.

— Так вы прямо скажите: заменят нам водителя или нет? — потребовал решительного ответа Венька.

— Зачем же менять, если вы за него горой?

— Значит, Валерий Николаевич остается? — спросила Оля.

Демьян Захарович утвердительно кивнул головой и сказал:

— А это мы с вами демократическим путем и решили. Верно?

— Ура-а-а! — заревели мы хором.

— Один-ноль в нашу пользу! — пробасил Венька.

А Сашка прыгал, хлопал в ладоши, а потом подошел к начальнику и осторожно спросил:

— А кружок верховой езды у нас будет?

Демьян Захарович подмигнул ему и сказал:

— Обязательно! Это же прекрасная идея! Где, как не в пионерском лагере, обучать вас верховой езде? Конь без дела шатается, желающих много, так за чем же остановка? Надо только все правильно организовать!

— Сто-ноль в нашу пользу! — закричал Кикнадзе.

И снова по лесу прокатилось продолжительное «ура».

Никто из нас не заметил, как подошла Нин-Вас. Она, видимо, все слышала. И, когда шум утих, обратилась к начальнику лагеря:

— Пусть, пусть будет по-вашему! Только я напоминаю, что все эти «тайны» и скачки могут закончиться самым печальным образом. Да, да, жертвами! И я снимаю с себя всякую ответственность. Я вам, Демьян Захарович, предупредительную бумагу по-

дам, заявление, чтобы после меня не впутывали... И потом не забудьте, что нас посетит секретарь обкома Лебедева! Вот посмотрим, с чем явится первый отряд на костер. — И она обратилась ко мне: — Вы хоть не забыли о нем?

Я ответил, что подготовка у нас идет, но она не стала слушать, повернулась и убежала. Начальник сказал:

— Вот это уже серьезное предупреждение! Об этом стоит крепко подумать! — И, подобрав с земли свои бумаги, тоже ушел.

Парня, которого привела в лагерь Нин-Вас, мы больше не видали. В столовой за ужином Оля сказала:

— Хорошо, что он оказался порядочным человеком!

Все с этим согласились.

Валерию было очень тяжело. Он с трудом смотрел нам в глаза и все время старался быть в стороне. Но молодцы ребята: даже виду не показали, что вся эта обидная кутерьма касалась его. Дисциплину подтянули на «отлично», в столовой ни одного замечания не получили.

После ужина снова репетировали в библиотеке. Захар забыл о своем горле и ревел, как медведь, даже пытался петь соло. Зинка все время кричала:

— Ой, ребята, надо на костре выступить лучше всех, чтобы поддержать Валерия!

Вот бессовестная!..

А после отбоя случилось вот что. Веньки сперва в палатке не было. Потом он прибежал и со взволнованным видом сообщил мне:

— Митька, в нашем штабе горит свет! Какие-то люди сидят! Давай пошли!

Мы побежали к штабу и издали начали смотреть, что там происходит.

— Там воры! Надо спасать ракету! — торопил Венька и искал в траве камень или палку.

— погоди ты! Какие воры? Да это Валерий!

— А другой кто? Может, он с ним борется?

Венька жаждал приключений и рвался в бой. Он не понимал, что меня сдерживает. А мне было очень

знакомо лицо парня, и я все время силился вспомнить, кто он.

— Кто же он? Кто?.. А-а, стой! — чуть не крикнул я. — Да это же свой человек! Мировой человек! Это Ваня Шумилов! Друг нашего Валерия!

— А что мне его друг, если у нас секретное дело?

— Да ты ничего не понимаешь! Это же он достал алюминий. Смотри, смотри лучше. Он работает, помогает нам!

Но Венька все равно ничего не понимал. Он требовал немедленно выяснить, что происходит в штабе, и тащил меня к домику. Осталось пробежать несколько шагов. Но в эту минуту перед нами промелькнула тень, и Венька чуть не наткнулся на человека. Человек вышел на свет, и мы узнали Нин-Вас.

— Это уже слишком! — зашител Венька. — Я не допущу!

Нин-Вас кашлянула, и в дверях тотчас же показался Валерий.

— Кто здесь? — спросил он.

— Это я. Добрый вечер, — миролюбиво сказала Нин-Вас.

Валерий смутился и загородил собой дверь.

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь! Я не собираюсь разоблачать вашу тайну, хотя мне, как старшей вожатой, обидно быть в стороне от общего дела...

Валерий неожиданно отступил в сторону и жестом указал на дверь.

— Пожалуйста, заходите!

Венька стукнул меня кулаком по спине.

— Все! Все пропало! Теперь весь поселок будет знать!

— Нет, не будет! — уверенно сказал я. — Уж если он ее впустил, то знал, что делает. Вот увидишь.

Нин-Вас была там недолго. Из штаба она вышла с Валерием, и они вместе направились в сторону столовой. Уже из палатки мы с Венькой видели, как они ходили туда и обратно вдоль аллеи и о чем-то долго говорили.

— Этот разговор у них должен был давно состояться, — сказал Венька. — Но лучше поздно, чем никогда.

— Посмотрим, посмотрим... — сердито проворчал Саша и укрылся с головой одеялом.

Койка Женьки Быкова была пустая. Женьки вообще целый день не было в отряде. Где он был?.. Впрочем, хорошо, что он не путался во всей этой каше. С этими мыслями я и уснул.

НИЧЕГО НЕ ПОПИШЕШЬ — ПАЛАТКИ

Опять сны. Они приходят каждую ночь и всегда удивляют меня своей нелепостью. То есть люди, которые в них участвуют, как правило, всегда знакомые, но события происходят в самых неожиданных местах.

На этот раз мне приснилось, что я был в цирке. Я очень люблю цирк, и он часто мне снится. Обычно я бывал там один, а сейчас почему-то очутился с Валерием. Валерий сообщил мне, что он теперь начальник пионерского лагеря и по совместительству продолжает работать на своем авторемонтном. В цирке было много наших ребят. Я их узнавал то там, то здесь. Они почему-то часто меняли места, а иногда и совсем исчезали. Ярko горели прожекторы, играл оркестр, и по арене бегал маленький клоун. Он кривлялся, танцевал, а его все время сметали метлой с арены. Когда клоун поворачивался лицом ко мне, я ясно видел, что это Женька Быков. Он даже подмигивал мне и делал какие-то жесты: дескать, подожди, еще не то будет!

Наконец оркестр заиграл торжественный марш, зажегся еще десяток прожекторов, и на арену в пионерской форме вышла... Мая.

— Смотри, — сказал Валерий, — лучший номер программы!

Я в этом ни капельки не сомневался и сказал ему, что давно это знаю, что у Май от меня секретов нет, и даже хотел ему сказать об этом. Но Мая неожиданно повернулась ко мне лицом и смело, на весь цирк сказала:

— Митя, мы с тобой друзья! Ты помнишь об этом?

И странно, никто не обратил на ее слова внима-

ния, будто силой какого-то волшебства слышал их только я один. Через секунду Мая уже взбиралась по канату на высокую трапецию и на головокружительной высоте начала выделывать ловкие, красивые, но опасные упражнения. В оркестре все время слышалась тревожная дробь. Но вот оркестр замолк, и барабанная дробь стала нарастать. Мая раскачивалась вниз головой. Видимо, она должна была перелететь по воздуху на противоположную трапецию. Но неожиданно на арену выбежала Нин-Вас. Она всплеснула руками, заметалась и начала кричать:

— Прекрати! Сейчас же прекрати! Романова, ты вообще себе многое позволяешь!..

Треск дробы стал оглушительным, и Мая, сорвавшись с трапеции, полетела. Полет длился мучительно долго. Мая неслась по воздуху как птица. У меня перехватило дыхание, а в мозгу гулко отсчитывались секунды: десять, одиннадцать... пятнадцать... Еще миг, и она ухватится за трапецию. Но что это? Трапеция отклонилась и... Мая, распластавшись, летит вниз... Я вскакиваю, кричу и... просыпаюсь.

Женька и Сашка, приподнявшись на локтях, смотрят на меня удивленными глазами. Венька тоже не спит, но взгляд его мечтательно направлен в потолок. Я слышу, как стучит сердце, и стираю со лба пот.

Венька, ни к кому не обращаясь, говорит:

— Сегодня начнем...

— Чего вы, черти, спать не даете? Один со сна кричит, другой что-то бормочет, — ворчит Сашка и переворачивается на другой бок.

Женька Быков сидит одетый на своей кровати и держит в руках какой-то пакет.

— Ну что, привез? — спрашивает Сашка.

— Будь споко! Железно! — отвечает Женька и показывает свой сверток.

— Что это? — спрашиваю я.

Но вместо Женьки отвечает Сашка:

— Он же в город ездил, техаски с кнопками доставал!

— Сам ездил? — удивляюсь я и понимаю, почему Женьки вчера не было.

— А что я, маленький? Подумаешь, великое дело!..

Наш разговор прервал гром. Небо вроде было чистым и вдруг: «Трах-тарарах!» — аж земля затряслась. И сразу стало темно и молнии засверкали одна за другой.

— Закрывай палатку! — закричал Сашка, но ливень уже хлестал вовсю, и ручейки начали ползти под наши кровати.

Со всех сторон слышались крики. Одни орали: «Спасайте!» — другие: «Ура-а!» Девчонки так шумели, что на нашей стороне было слышно. Как мы ни закрывали палатку, воды натекло по щиколотку. Ножки кроватей начали медленно погружаться в глиняный пол. Сядешь на кровать и чувствуешь, как она едет вниз. Ничего не попишешь — палатка.

Вдруг возле нас раздался истошный крик Нин-Вас:

— Большие, почему сидите?

Быстро прохлюпали тяжелые сапоги, и послышался голос Демьяна Захаровича:

— Аврал, братцы! Аврал!

Венька выбежал первым, за ним Сашка, Женька и я.

Ливень густой серой сеткой закрыл перед нами все. Тяжелые струи с шумом бились о землю, гром гремел оглушительно, близко. Молнии то и дело распарывали небо и ослепляли нас.

— Орудия, огонь! — закричал Сашка.

И вдруг шаровая молния ударила в сосну возле столовой и расколола ее пополам. Ствол с треском развалился и упал на крышу. Счастье, что никого не оказалось поблизости. От испуга ребята притихли, но в эту самую минуту заработали репродукторы. Громкий голос под оркестр пел какой-то марш. Это было страшно нелепо, но зато заставило всех взяться за дело. Мы выбежали на аллею и чуть не сбили с ног Нин-Вас. Накрытая с головой плащом, она бегала от палатки к палатке и кричала:

— Спасайте малышей! Спасайте!.. Где вожатые? Где Валерий?

Я и Венька помчались к палаткам седьмого и восьмого отрядов. Они, как назло, стояли в низкой части территории, и туда текли целые реки. Мальчишки бегали вокруг палаток, брызгались и пускали

кораблики. Им было наплевать на то, что постели их плавали. Весело, необычно, и можно искупаться.

Валерий так промок, что его трудно было узнать. Вместе с ним постели из палаток выносил другой парень. Намокшая шевелюра закрывала его лицо, и я не сразу узнал в нем Ваню Шумилова. Выходит, он ночевал в лагере.

— Чего стоите?! — закричал на меня и на Веньку Валерий. — Зовите всех наших! Будем прямо с кроватями тащить малышей в столовую.

Но звать никого не пришлось, весь отряд уже бежал сюда. Мы по двое брали кровать и несли в столовую. Скоро появился дядя Кузьменко с подводой и начал грузить на нее постели.

Врач Валентина Наумовна охала и ужасалась: — Что будет?! Что будет?! Давайте их прямо в изолятор! Они уже все, наверное, простужены!..

— Ничего не случится. Не растают, не сахарные! — успокаивал ее Валерий и принимался за очередную кровать.

Малышей собрали в столовой, и наши девчонки устроили им обтирание. Руководила этим Таня Захарова. Откуда у нее, такой слабой и хрупкой, взялось столько энергии, сам не понимаю. Справилась она с ними быстро, решительно и еще покрикивала на Маю и Олю:

— Три этого!.. Бери того!..

Ливень сразу оборвался, словно сверху его кто-то ножом отрезал. Тотчас же выглянуло солнце, небо распахнулось, как огромное окно, и лес засверкал, осыпанный серебряными каплями. Сразу стало тихо, и радио тоже замолчало. Малыши закричали «ура» и как горох посыпались из столовой, побежали к лужам пускать лодочки.

— Пускай, пускай бегут! — махнул рукой Демьян Захарович. — Занятное дело...

Завтракали мы в две смены, потому что правое крыло столовой было заставлено кроватями. Демьян Захарович ел за одним столом с Валерием и Ваней Шумиловым. Они потребовали по две порции и о чем-

то весело разговаривали. Я только слышал, как начальник сказал Валерию:

— Твой, Валерий, молодцы! Дружный коллектив. Сегодня же отметим их на вечерней!

Под столы с нашей одежды натекли огромные лужи. Один Женька Быков оставался сухим. Он ел левой рукой, а под правой держал свой пакет, который сумел уберечь от дождя.

Я ел и думал о том, что у нас пропадет половина дня. Надо поставить кровати и постели на место, поправить палатки. А когда же готовиться к костру?.. И тут вдруг новая история. В столовую влетела Нин-Вас.

— Боже мой! Боже мой! Все оформление пропало! — И она велела всем посмотреть на щиты и плакаты, которые висели на деревьях.

Ливень помыл их так основательно, что половина из них стала просто чистой фанерой, а остальные напоминали старые размазанные палитры художников.

— Сейчас же снимайте их и несите к зеленому театру. Пусть художники восстановят... Валерий, я полагаюсь только на тебя... Только на тебя!

Мая подмигнула мне и кивнула в сторону Нин-Вас.

Да, видимо, старшая наконец-то оценила нашего Валерия. Ради этого нам стоило еще потрудиться.

Отряд разбился на две группы. Одна занялась ремонтом палаток, другая — снимала щиты и носила их в зеленый театр.

Лагерь напоминал цыганский табор. Кровати стояли возле палаток, на ветках сушились простыни, а на веревках матрацы. До самого обеда кипела работа. Зато порции дали обильные, как никогда, и сами повара расхаживали по столовой и предлагали добавки. Валентина Наумовна бегала от стола к столу и хватала малышей за головы, в кармане ее халата позвякивали градусники.

Мертвый час был отменен. Физкультурник периодически с отрядами делал разминки, чтобы предупредить простуду. Валерий подошел ко мне и сказал:

— Поработали-то мы поработали, а вот что с концертом будет, не знаю.

— Из кожи вылезем, а подготовимся! — заверил я.

— Говорить легко, — покачал головой Валерий. — Ты хоть про частушки-то не забыл? Это очень важно!.. Да, и вот еще что. Есть у меня одна пионерская песня, старая... У нас в лагере когда-то пели «Про Васю». — Он порылся в нагрудном кармане и вытащил размокший от воды листок. — Вот, специально вспомнил. К ней бы концовку новую, нашу, понимаешь? — И вслух прочитал припев:

Эх, брат Вася,
Скажи, в каком ты классе?
Скажи, какой дружины ты, отличный пионер?..

— Неплохо. А музыка?

— Музыку я напою Жоре, только сделай...

Я взял блокнот и карандаш и пошел искать тихое место для работы.

В палатке было еще сыро, в столовой — грязно и шумно. Я направился в «зеленый театр», на полянку, где стоял столик, а стульями к нему служили пеньки.

Возле эстрады невольно остановился. Здесь в кучу были свалены размытые щиты, а художники трудились над панно. Только теперь я вспомнил, что Нин-Вас на одной из линеек рассказывала: «У меня для встречи секретаря будет особый сюрприз — панно «Наш лагерь». Оно будет огромным, и вся наша жизнь будет в нем отражена...» Смотрю на рисунок и удивляюсь: для чего он? Это что-то вроде географической рельефной карты, на которой горы, и леса, и реки, и всюду виднеются либо палатки, либо пионеры, идущие строем. В общем весь план наших лагерных мероприятий... Зачем в лагере рисовать палатки и лес? Ведь все это есть, только получше, чем нарисованное...

Частушки у меня писались как-то сами собой. Я думал о Валерии, о предстоящем концерте, и строчки из-под карандаша так и лезли.

Мимо пробежали Мая и Оля. Они засмеялись и помахали мне руками.

— Пиши, поэт, пиши! Мы тебе не будем мешать!

Репетировали весь вечер. Пел хор, повторяли упражнения художественной гимнастики. Сашка сто раз танцевал лезгинку, а Оля, Мая и Зинка растянули простыню и делали за ней какие-то непонятные движения. Венька и Павлик нигде не показывались. Конечно, они сидят в штабе и строят ракету. Интересно, неужели все у них выйдет так, как задумано?

Отбой сделали раньше на полчаса, потому что все очень устали. Я лег и сразу вспомнил, что завтра воскресенье, день свидания с родителями. Наконец-то придет папа или мама, и все прояснится. Я начал снова думать о доме. Сегодня мама, наверное, беспокойлась обо мне. Ведь такой же ливень был и в городе. Она всегда почему-то против палаток...

— Что ты там ворчишь и вертишься? — спросил Женька. — Думаешь, завалим концерт? Не волнуйся! Я такой номер отколю — все закачаются!

Я хотел ему что-то ответить, но не успел. Глаза сами закрылись, и я, наверное, заснул.

БУДУТ, НЕ БУДУТ...

С самого рассвета на главной аллее стучали молотки. Стук то удалялся, то приближался. Слышался голос Нин-Вас: «Эти — сюда!.. Те — туда! Ровнее, еще правее!..»

Это к деревьям прикрепляли восстановленные щиты и плакаты. Краски на них сверкали ярко, весело, и все вокруг тоже было новым, словно свежескрашенным: и голубое небо, и трава, и деревья. Даже солнце казалось до блеска начищенным.

День удался на славу. С самого утра у забора стали появляться родители. Первые поезда приходят задолго до подъема, и за оградой образовалось что-то вроде весеннего базара. На лужайках лежали цветные коврики с продуктами, а вокруг них сидели родители, бегали младшие братишки и сестры.

Встречу разрешат только после завтрака, поэтому гости терпеливо ожидают.

Лагерь зашевелился, как муравейник. Девчонки то и дело бегают за утюгом, гладят юбки, кофточки,

галстуки. Дежурные уже побывали у главного входа и радостно сообщают:

— Павка, к тебе!..

— Рыжина, уже приехали!..

— Сенька, тебе мяч привезли!..

Главврач все еще ходит по палаткам и щупает головы: не простудился ли кто-нибудь после вчерашнего? Но все оказались здоровыми. Болеть некогда и незачем: теперь в лагере столько интересных дел, что никому неохота сидеть в изоляторе с перевязанной шеей и смотреть на лес через марлевые окна...

Я проснулся с чувством тревоги. Придумывал что угодно, только бы отдалить мысль о родителях. Неужели никто из них не приедет? Я даже начал гадать: будут, не будут...

Поэтому после завтрака пошел не к воротам, а в наш «ракетный штаб». Ни Павлика, ни Веньки здесь не было, и я, побродив минут пятнадцать вокруг домика, все-таки пошел к главному входу, где толпились ребята. Венька бегал вдоль забора и кого-то высматривал. Валерий тоже был здесь. Он выглядел празднично: брюки выглажены, рубаша белая. Ободряюще подмигнув мне, Валерий вышел за ворота.

Наконец Нин-Вас и Валентина Наумовна разрешили встречу. Ребята зашумели, бросились к калитке и образовали пробку. Все громко разговаривали и шутили, потому что радовались встрече с родными.

Я отошел в сторону. «Неужели ко мне никто не приедет?..»

Скоро ребята стали заводить родителей на территорию. Появился и Венька. Он шагал важно, как гусь, и вел за собой пожилого симпатичного дяденьку. Тот держал в руке кепку и небольшой пакетик и с любопытством рассматривал лагерь. Венька выступал впереди и сиял, как бутылка на солнце, а взгляд его говорил: «Эх, если бы вы знали, кто ко мне приехал, немедленно сбежались бы сюда!»

Я, может, и не узнал бы этого, если бы Венька не подвел гражданина ко мне и торжественно не представил его:

— Василий Ефимович!.. Ну, в общем мой сосед!

А это, — он указал на меня, — Соколов Дмитрий, наш председатель.

— Очень приятно, — сказал Василий Ефимович и крепко пожал мне руку.

— У них на авиазаводе сегодня выходной! — солидно объяснил Венька, чтобы напомнить, кто его сосед. И тут же с важным видом добавил: — Понимаешь, Митяй, я решил проконсультироваться с Василием Ефимовичем насчет ракеты. Мы сейчас с ним туда пойдем. — Он показал на домик. — Айда с нами!

Я промолчал.

— Ладно, — понимающе пробасил Венька. — В общем встречай, а мы сами...

«Очень симпатичный этот Василий Ефимович, — подумал я. — Добрый, должно быть... Ну, раз к Веньке сосед приехал, то родители мои обязательно должны быть!»

Возле волейбольной площадки стояла Мая. Когда я проходил мимо, она вопросительно посмотрела на меня. Сама она сегодня никого не ждет. Отец-геолог всегда в разъездах, мать у нее нездорова, а дома еще две младшие сестрички. Значит, ее волнует, приедут ли мои родители?.. Конечно, ведь она теперь все знает!.. «Спасибо тебе, Майка!» — мысленно произнес я и посмотрел на нее. Майка повернулась на каблучках и побежала к девочкам. Не поднимая головы, я подошел к забору.

— Почему ты не приезжала? — услышал я знакомый голос. Прямо передо мной за оградой стоял Валерий и держал за руку девушку. Он увидел меня, отпустил ее руку и немного смутился.

— Здравствуйте, — промямлил я и хотел уйти, но не успел.

— Знакомьтесь, — сказал Валерий и через решетку поймал меня за рукав. — Зоя, это мой боевой помощник Митя Соколов. Помнишь, я тебе писал?

— Да, да, — Зоя улыбнулась и протянула мне руку.

Озорная, с лукавым взглядом, она была похожа на Валерию и манерой разговора и движениями.

— Иди к нам, — сказал Валерий. — Смотри,

у меня что! — и показал кулек с домашним печеньем. Я не спеша пошел к ним, но вовсе не из-за печенья. Просто было как-то одиноко, а рядом с Валерием мне всегда хорошо.

— Ешьте! — сказала Зоя. — Берите звездочки, я сама их пекла.

— Ешь, да не верь, — улыбнулся Валерий. — Я ее с пятого класса знаю. Это Ольга Владимировна, ее мама, мастерица.

— Мама только тесто готовила. Понял? — сурово сказала Зоя и забрала у Валерия кулек. — Ешь сам, не давай ему! — И всунула кулек мне в руки.

— Вот так, поддержи, пожалуйста, — сказал Валерий и набрал полную горсть печений.

— Не смей! — запротестовала Зоя и тоже взяла горсть.

Я тоже схватил несколько. Потом опять Валерий, потом Зоя, и так, пока не порвали кулек.

Мне стало весело, и я начал вместе с Зоей гоняться за Валерием.

— Стойте, стойте, хватит! — запыхавшись, кричал Валерий. — Зоя, пойдем лучше, я покажу тебе, где живу, — свою палатку...

В эту минуту из-за деревьев выскочили несколько парней и, зажав Валерию рот и глаза, повалили на землю. Я хотел броситься на помощь, но посмотрел на Зою и опустил руки. Зоя хохотала.

Скоро все выяснилось. Оказывается, Валерия приехали навестить ребята из общежития, товарищи. Привез их Ваня Шумилов. Он командовал всеми и рассказывал, как Валерию от нас достается... «Надо его сегодня же забрать домой, иначе он тут зачахнет! Глядите, кожа да кости остались!..» Я посмотрел на Валерию и только теперь заметил, как он изменился. Лицо стало смуглым, обветрилось, щеки запали, и скулы резко выступили вперед... Да, нелегко ему с нами пришлось!

Зоя расстелила на траве коврик. На нем, как на скатерти-самобранке, появились огурцы, редиска, котлеты и бутылка вина. Компания зашумела и расселась вокруг коврика. Обо мне сразу забыли, и я незаметно ушел за ограду. Я ни капельки не обиделся,

но только очень завидовал их веселью и дружбе. Сейчас для меня Валерий и все эти крепкие веселые парни были пришельцами из какого-то другого, большого, заветного мира, имя которому «самостоятельность». Если бы я был таким, как они, то не сидел бы здесь в лагере, а тоже работал бы на заводе. У меня был бы свой паспорт. А с ним ты полноправный человек, и все дороги тебе открыты... Я об этом мечтал не раз и однажды даже собирался бежать на целину...

— Митя, Митя! Скорей! Нина Васильевна зовет!

— Пора начинать! Пора начинать! Надо ехать за хворостом!

Это кричали Мая и Сашка Кикнадзе. Они бежали ко мне и размахивали руками.

— А тебя зовет Нина Васильевна. Ты ей не для хвороста нужен. Идем скорей! — сказала Мая, и мы троим побежали на хоздвор.

На хозяйственном дворе вокруг старшей вожатой вертелся весь костровый актив. Бригада с телегой отправлялась в лес за хворостом, гладились какие-то костюмы, а сама Нина Васильевна бегала и командовала, как заводная. Костры были ее коньком, и распоряжения она отдавала уверенно и весело.

— Соколов, у меня для тебя важное поручение! Ты человек серьезный и справишься. Вот сейчас... — Она стала писать что-то на листке бумаги. — Сходи на ту сторону поселка, в лагерь «Лучистый», и возьми у киномеханика коробку с кинолентой. Я обо всем договорилась. А это тебе доверенность. — Нина Васильевна вручила мне записку и подтолкнула в спину, чтобы быстрее шел.

Я забыл, что я «человек серьезный», и побежал галопом, с прискоками. Возле столовой меня кто-то догнал и коснулся рукой плеча. Это была Мая. Я насколько не удивился. Майка бегала быстрее всех в лагере. Прикусив нижнюю губу, она смотрела на меня и, видимо, не решалась говорить.

— Чего тебе? — спросил я.

— Митя, я хотела сказать, что, если... если придут твои, я велю им ждать... Хорошо?

— Да, да, конечно!.. Пожалуйста! Я скоро вернусь!..

— Поскорей возвращайся! — крикнула вдогонку Мая, и я еще быстрее помчался вперед.

За обедом я все время думал о том, что теперь мне уже не страшно говорить с Маей и хорошо было бы посоветоваться с ней насчет моих стихов. Тетрадки у меня здесь не было, но многое я знал на память. Я уже давно хотел почитать ей стихи. И вдруг у меня мелькнула мысль: а что, если написать ей записку и в ней об этом сказать; только о стихах, ничего больше? Я ведь еще никогда не писал записок, считал, что это чепуха и никому они не нужны. А теперь захотелось написать.

В столовой было шумно, все говорили о предстоящем костре, и никто не обращал на меня внимания. Я достал из кармана тетрадь, в которой записывал отрядные дела, оторвал четверть листа и написал:

«Мая, хочу посоветоваться с тобой насчет одного важного дела. Жди после полдника возле летней эстрады. Митя».

Потом свернул записку вчетверо и тут лишь призадумался. Как ее передать? Если сейчас и прямо в руки, то зачем эта записка? А мне очень хотелось, чтобы она именно ее получила. И я нашел способ, как передать.

Когда Мая на меня посмотрела, я показал записку и положил ее под ящик с цветами, который стоял на барьере, окружавшем столовую. Мая закивала головой. Она, конечно, поняла, что ей нужно сделать.

Во время «мертвого часа» я с разрешения Валерия дописал еще две частушки и каждый куплет переписал на отдельный листок. Мая и Оля должны были размножить песню «Про Васю». Они оказались находчивей, чем я, и побежали в бухгалтерию печатать на машинке.

КОСТЕР! КОСТЕР!

На полянке за лагерем триста ребят. В центре, где из кирпичей выложена звезда, возвышается гора хвороста. Слева между двумя деревьями натянута простыня — экран, а в пятнадцати шагах от нее у киноаппарата колдуют Валерий и Нин-Вас...

Нет, подождите, об этом надо подробно.

Все это идея Нин-Вас. Тут честно надо сказать: здорово она придумала! Сегодня на костре должен был выступить с беседой старый большевик, который был знаком с Лениным. Нин-Вас трижды ездила в город договариваться с ним. Но он заболел. Старшая вожатая размышляла недолго и вот послала меня в «Лучистый» за кинолентой.

Когда мне в обмен на записку вручили маленькую узкую бобину с лентой да еще сказали, что это мультипликат «Мальчиш-Кибальчиш», я удивился. Зачем нам на костре детская картина? Я даже в душе посмеялся над Нин-Вас. Но оказалось, что я был не прав. Потом сами поймете.

С пяти часов над узкоплечным аппаратом, который год простоял в кладовой без дела, трудился наш Валерий. Он же механик. До этого тоже додумалась сама Нина Васильевна. Теперь она стояла возле него и приговаривала:

— Золотые руки у вас, Валерий! Вы же просто клад для пионерского лагеря!

Она хвалила его, забыв, что о нем говорила два дня назад. Впрочем, старшая действительно была не злопамятна. Сейчас она, как фея-волшебница, отдавала распоряжения, и все мгновенно исполнялось. Просто нам передалось ее торжественное настроение, и потом на костре еще никогда никто не показывал кино.

И вот сгустившуюся синеву неба кто-то словно начал протыкать карандашом, и в просветы выглянули сразу десятки звезд. Когда я уселся на место, уже читали список почетных кочегаров. В числе первых был назван Захар. Он обеспечил сбор и доставку хвороста. За что попал в кочегары я, не знаю. Когда Жора-баянист торжественно заиграл «Отцы о свободе и счастье мечтали...», мы подождгли костер. Пламя взлетело до самых вершин, а может, и выше. Я «шуровал» вовсю и слышал, как от огня потрескивают мои волосы, но было не до этого. «Давай, давай!» — кричал Захар и как сумасшедший бросался в пламя.

Но вот в гудение и ропот пламени ворвался низкий голос динамика. Музыка сразу залила поляну, и луч

из аппарата, распоров синеву, поджег экран. Это было здорово! В сотый раз мы смотрели «Мальчиша», но сегодня это было в тысячу раз интересней. Мальчиш-Кибальчиш собирал свое войско против врагов, красные конники, подняв алые знамена, вихрем неслись на буржуинов, и мы, сидящие у костра, тоже были участниками этих сражений. Никто даже не подумал о том, что это детский фильм.

Как только погас экран, раздались дружные аплодисменты, а когда они стихли, все услышали спокойный голос Демьяна Захаровича:

— Молодец, Нина!

А Нина Васильевна уже дирижировала общелагерным хором.

«Здравствуй, милая картошка-тошка-тошка...» — гремело в лесу, и пламя снова взлетало к вершинам сосен. Как-то сам собой начался концерт.

Сперва выступали младшие отряды. Ребята читали стихи и танцевали. Когда их номера закончились, Нин-Вас велела три младших отряда вести в лагерь. И вот после этого образовалась пауза, какое-то непонятное ожидание. Девчонки зашушукали, зашпорили, а Нин-Вас удивленно смотрела на наш отряд. Потом повернулась к Валерию, но тот почему-то пожал плечами и кивнул головой на Жору-баяниста. Нин-Вас махнула рукой и так посмотрела на Демьяна Захаровича, будто сказала: «Ну вот, я же знала, чем это кончится!» По рядам тоже прошел тревожный шумок. Но в эту минуту поднялся Жора-баянист и сказал:

— Первый отряд, приготовиться! Исполняем новую песню — «Про Васю», — и он заиграл быструю веселую мелодию. Зинка стала перед нашими девчонками и подняла руку, как дирижер.

— А теперь вместе, дружно! — скомандовал Жора и начал сначала.

Глядя в листки с напечатанным текстом, мы грянули:

На свете жил парнишка
По имени Васек.
Мальчишка как мальчишка,
Веселый паренек.
Повсюду, где работа,
Спешил на первый зов,

Он был на месте —
Тут как тут,
Всегда помочь готов!
«Эх, брат Вася,
Скажи, в каком ты классе,
Скажи, какой дружины ты,
Отличный пионер?»
Но только Васи
Не отыскать в массе —
Таких ребят немало есть
У нас в СССР!

Нин-Вас пела припев вместе с нами, улыбаясь, грозила пальцем Валерию: дескать, «и это от меня скрыл». Ребята второго и третьего отрядов подсели к тем, у кого был текст, и второй куплет уже гремел на весь лес.

Однажды Вася летом
Придумал вещь одну:
Поехал в гости к тете —
Попал на целину.
Колхоз его отметил
За хватку и за пыл,
Хотели грамоту вручить,
Но след его простыл.
«Эх, брат Вася,
Скажи, в каком ты классе...»

Теперь уже Демьян Захарович тоже пел припев и при этом многозначительно смотрел на старшую вожатую. А она подбежала к девочкам и, заглянув в листок, запела третий куплет с нами.

Когда же первым в космос
Гагарин полетел,
Парнишка смелый тоже
Без дела не сидел.
На всей земной планете
Искал его народ,
А Вася выбыл на Луну,
Вернулся через год.

Все пели припев и смеялись, а потом Зинка орала не своим голосом:

— Качать Соколова! Это он новые слова приписал!

Но меня, к счастью, не стали качать, потому что всем захотелось снова спеть песню. Второй раз испол-

няли ее дружно и слаженно и долго сами себе аплодировали. Зинка по собственной инициативе вышла на середину и начала объявлять номера, как заправский конферансье:

— Выступает знаменитый исполнитель кавказской лезгинки Александр Кикнадзе!

Где-то в стороне загремел барабан, и в круг с криком «асса!» выскочил Сашка. На нем был настоящий черкесский костюм, а за неимением кинжала он прикусил указательный палец. Лихо перебирая ногами, он так быстро закружился, что музыка Жоры начала отставать. Сашке тоже пришлось танец повторить на бис. Я думаю, что этим танцем он частично восстановил звание джигита, потерянное им на «скачках». Когда Сашка кланялся, то рядом с ним появился Захар с барабаном.

Пока все это происходило, Мая шептала что-то на ухо Зинке, и, когда все успокоились, та торжественно объявила:

— Новое изобретение! Художественная гимнастика в теневом театре!

Это тоже было неожиданно и красиво. За опущенным до самой земли экраном Мая, Оля и Таня делали упражнения, и все фигуры и пирамиды в увеличенном виде отражались на полотне. Потом теневой театр показал басню «Стрекоза и Муравей». Хотя это была только проба, но все загорелись и кричали, что нужно для теневого театра подготовить целую пьесу.

Вдруг Зинка подбежала к нашему отряду и дважды шепотом приказала:

— Приготовьте частушки! Приготовьте частушки!

Жора-баянист заиграл, кивнул мне, и мы с Сашкой начали первую частушку:

В нашем лагере лесном
Очень дружно мы живем.
Строем день идем встречать
И ложимся строим спать.

Ребята засмеялись и дружно подхватили припев:

Нин-Вас, Нин-Вас,
Улыбнитесь вы хоть раз!

Захар подсел ко мне, выхватил листок и заревел новый куплет:

Кто приказы отдает,
Кто путевкой лишь живет?
Кто с насупленным лицом
На линейке мечет гром?

И снова, как по команде, весь лагерь запел:

Нин-Вас, Нин-Вас,
Улыбнитесь вы хоть раз!

Нина Васильевна от неожиданности встала, а начальник лагеря прыснул в кулак. Но полетела новая частушка:

Фу-ты, ну-ты, фу-ты, ну-ты,
А в столовой ложки гнуты.
Им цена копейка штука —
Экономия и мука.

Теперь половина лагеря пела припев, а вторая половина хохотала. Лицо у начальника вытянулось, и он погрозил мне пальцем.

Старшая вожатая хохотала громко, до слез и приговаривала: «Ой, не могу! Ой, помогите! Ой, молодцы! Так нам и надо! Ой, ой...»

Демьян Захарович тоже смеялся.

— Здорово они нас, ничего не скажешь! Зубастая братва!

Но вот сквозь шум издали донесся крик:

— Подождите! Не кончайте, бегу!

Все обернулись и увидели, что к костру мчалось какое-то странное существо: не то чучело, не то клоун.

Жора-баянист, видимо, знал, какой это сюрприз, потому что сразу же заиграл фокстрот. Клоун, запыхавшись, ввалился в круг и начал всем телом и ногами выписывать такие кренделя, что все схватились за животы.

— Да это же Женька Быков! — закричал Сашка. — Он стилигу танцует!

Теперь-то мы все узнали Женьку. О нем в суматохе даже забыли, а он до последней минуты готовил себе костюм. Техаски с кнопками Женька привез из города, а вот пиджак мастерил здесь. Это был пид-

жак Валерия. На нем были нашиты цветные яркие лоскутки, и он напоминал чемодан туриста с иностранными наклейками. Брюки короткие, пиджак огромный, и Женька весь утонул в нем. Быкова не узнать было еще и потому, что все его лицо было вымазано желтой и красной краской.

От хохота все валились на землю, и только Нин-Вас с ужасом смотрела на его кривляния. Когда он выкатился из круга, Жора-баянист объявил:

— Танец — пародию на стилиягу исполнял Женя Быков!

— Сам он стилияга! — сказал Захар, но на него зашикали, и все, не сговариваясь, снова затянули «Васю».

Громко и неожиданно прорезал темноту горн: «Спать, спать по палаткам!» И костер сразу начал задыхаться. Наш отряд сбился в кучу, и девчонки начали скандировать: «Тан-цы! Тан-цы!»

Нина Васильевна услышала «танцы» и сразу переменилась в лице, стала прежней строгой старшей вожатой. Но девчонки не давали ей рта раскрыть: сперва кричали «танцы», а потом стали петь: «Нин-Вас, Нин-Вас, улыбнитесь вы хоть раз!» Начальник молчал, ждал, что она скажет. Исход дела решил Валерий:

— А что, я покручу им немного. Ребята не маленькие...

— Часок можно, — кашлянув, неуверенно поддержал Демьян Захарович.

Нина Васильевна сдалась. Девочки от радости начали прыгать. Валерий и Захар притащили магнитофон.

Я танцор плохой, хотя слух у меня есть. На вечера танцев еще не ходил, но дома несколько раз пробовал учиться. Не с девчонками, конечно, а с Колей Пронько, соседом. В общем-то фокстрот и танго с грехом пополам получаются: ритм соблюдаю, но на ноги наступаю.

Когда второй и третий отряды ушли, Нина Васильевна скрестила руки на груди и сказала:

— Валерий Николаевич, бальные! Понятно?

Девочки приготовились к танцам, а мы стали в сторонке. Женька бегал от девчонок к нам и ка-
нючил:

— Ну, давайте, давайте! Тоже мне пацаны... Тю!

Сам он не решался, а у нас у всех дрожали ко-
ленки.

— Падеспаны! — объявил Валерий, и сразу же
заиграла музыка.

Вы бы посмотрели на наших девчонок: лебеди, и
только! Ступают чинно, глаза опущены — важней ра-
боты нет! Зинка ведет Маю, а та смотрит на меня и
глазами спрашивает: «Танцевать будем?» Что я могу
ответить? Я делаю вид, что не понимаю.

Женька отозвал в сторону Сашку Кикнадзе, и они
о чем-то шушукаются.

И вдруг Нин-Вас не очень твердым голосом го-
ворит:

— Мальчики могут тоже потанцевать.

Девчонки захихикали, а мы еще плотнее сбились
в кучку. Тут как загремит фокстрот! Видимо, в бобине
были разные танцы. Нина Васильевна вздрогнула, но
с места не сошла. А девчонки с визгом схватили друг
друга и заплясали. Всю важность с них как рукой
смахнуло. Женька и Сашка мигом составили пару и
врезались в самую гущу танцующих.

Постепенно на лице Нины Васильевны начало по-
являться что-то вроде улыбки, глаза посветлели, и
в такт музыке застучала по земле нога. Валерий чин-
но, с поклоном пригласил ее танцевать. Через минуту
нашу старшую не узнать было. Танцевала она краси-
во, легко, даже девчонки на нее загляделись. И всем
еще веселее стало.

Когда началось танго, подошла ко мне Мая:

— Идем, научу. Не бойся!

На нас никто не обращал внимания, все разбились
на пары. Правда, мальчишки больше танцевали друг
с другом.

«Эх, была не была!» — решил я и пошел танце-
вать. Ох, и до чего же дивное было это танго!

— Не смотри на ноги! — приказывает Мая. —
Пусть сами ходят.

«А если они не хотят? Если они только и делают,

что наступают на Майкины? Может, это не мои ноги? Совсем как деревянные...»

Я все дальше и дальше отхожу от Май, а она тихо смеется и говорит:

— Давай руку, не удирай!.. Правда, сегодня очень хорошо? Хоть бы танцы не кончились...

Даже веснушки ее сияют. Мне тоже становится очень весело. Ноги больше не дрожат, но все чаще наступают и на Майкины и на все, какие подвернутся. Я даже перестал извиняться.

— Общий вальс! — раздается голос Нины Васильевны. Оказывается, уже гремел вальс, а мы с Майкой и не слышали.

— Мая, — сказал я. — А с концертом у нас здорово получилось, правда?

— Ага, — кивнула она головой. — Ребята старались, чтоб Валерия поддержать.

— Да, теперь старшая больше придирается не будет.

— Подожди еще. Ты забыл, что скоро должна приехать Лебедева?!

— Ну и что?

— Нина Васильевна захочет ей прежде всего показать стенгазеты, дневники и фотомонтажи, а ведь у нас их нет. Вот она и начнет снова говорить о неопытности Валерия.

Я хотел сказать Мае, что все еще впереди, но вдруг вспомнил о своей записке. После полдника я к легкой эстраде не ходил, некогда было.

— Ты записку мою взяла? — спросил я ее.

Мая удивленно посмотрела на меня.

— Под ящиком ничего не было. Я обшарила его со всех сторон.

— Как это не было?! Ты же видела, я ее положил.

— Видела...

Вскоре все выяснилось. Мы начали снова танцевать и наткнулись на группу наших мальчишек. Между ними вертелся Женька Быков и, ехидно поглядывая, что-то шептал им: ребята молчали, но не отрывали от меня и Май глаз. Мы тоже остановились, и музыка сразу прекратилась. Женька вытащил из кармана какую-то бумажку и начал, паясничая, читать:

— «Мая... жди после полдника возле летней эстрады! Мне нужно тебе что-то секретное сказать. Твой Митя».

Кто-то из ребят засмеялся. Мая испуганно посмотрела на меня, а я почувствовал, что земля под ногами проваливается. Конечно, это моя записка. Ну и дрянь же этот Женька! Значит, он подсмотрел и украл!

— Отдай сейчас же! — крикнул я и бросился к нему, но Мая схватила меня за руку.

— Не надо, ну его...

Нин-Вас выбежала на середину и сказала, обращаясь к Валерию:

— Ну вот... Ну вот, видите, к чему танцы приводят?!

А Женька продолжал размахивать запиской и кривляться.

— Отдай сейчас же! — крикнул я.

Женька махнул перед моим носом запиской и пустился бежать. За ним погнались ребята.

— Что же это? Что же это такое?! Сейчас же прекратите! — затопала ногами Нина Васильевна.

Скоро ребята притащили Женьку. Он отбивался и мычал.

— Нет у него записки! — сказал Захар. — Мы его обыскали.

Тут Женька открыл рот и прошамкал:

— Вот она, твоя записочка, возьми ее! — и выплюнул бумагу на землю.

— Все! Теперь с танцами распрощайтесь! — решительно заявила Нин-Вас.

— А при чем здесь мы? — зашумели девчонки. — Быков виноват, его и наказывайте.

— Правильно! — поддержали ребята.

— Его давно надо было перевести в третий отряд, потому что он ведет себя, как пятиклассник... И вообще он ничего-ничего не понимает! — возмущенно сказала Оля.

— Сама ты ничего не понимаешь! — заорал Женька.

Он больше всего обижался, когда его считали маленьким. Захар тряхнул его за ворот, а Сашка подтолкнул меня сзади и прошипел:

— Дай ему, Митяй, как следует! Что ты на него смотришь?

У меня все кипело внутри и кулаки чесались. Я ступил вперед, но Женька сжался в комочек, закрылся руками и запищал:

— А ну, ударь! А ну, только попробуй!.. Валерий Николаевич!..

Вид у него был такой смешной и жалкий, что все ребята и девчонки рассмеялись. Валерий стал между нами и поднял руку.

— Стойте! Стойте! Этого еще не хватало! Завтра во всем разберемся. А тебе, Быков, так или иначе придется извиняться.

Женька посмотрел на меня волком, скорчил рожу, показал кулак и убежал.

«Ладно, — решил я. — Следующий раз так этого не оставлю!»

Май среди девочек уже не было, а Нин-Вас бегала от одной группы к другой и торопила:

— Да расходитесь же! Когда это кончится?!

Наконец все пошли в лагерь, а я остался помогать Валерию. Мы свернули проводку, отнесли магнитофон и не спеша направились к палаткам.

Нет, я не думал больше о Женьке, в голове у меня были другие, радостные мысли. Я словно очнулся от сна, когда Валерий меня тронул за руку.

— Ты что, не слышишь?

Оказывается, он дважды задавал мне один и тот же вопрос.

— Я говорю, значит, родители к тебе сегодня не приезжали... Ты ведь ожидал...

Только теперь я вспомнил, что надеялся сегодня повидать отца или мать и наконец-то все выяснить. Неужели Валерий знает, что со мной происходит?..

Но Валерий больше ни о чем не спрашивал. Он шел молча и смотрел себе под ноги. Возле нашей палатки он положил мне руку на плечо и сказал:

— Ничего, бывает... В жизни это бывает. Ты ведь уже большой...

От этих слов я почувствовал себя слабым и беспомощным, комочек горькой обиды подкатил к горлу, глаза начало жечь, и я убежал, даже не попрощавшись.

Ребята уже спали. На моей подушке лежал кусок пирога и записка:

«Митя! Рубай пирог! Бабушка прислала».

Я посмотрел на Веньку. Он спал с открытым ртом, щека была измазана повидлом.

Я потушил свет.

ПРИГОТОВИТЬСЯ К СТАРТУ!

В лагере уже все знали, что Венька и Павлик делают ракету. Кто разболтал, неизвестно. А впрочем, удивляться нечего. В домике лежала модель длиной в полтора метра, и, как только Венька и Павлик уходили, часовые немедленно вскакивали в домик. У этих охранников оказались длинные языки. Часовой Мишка из второго отряда нажил себе на этом целое состояние. В его оттопыренных карманах лежали два фонарика, четыре конверта с марками, точилка для карандашей, испорченный пистолет-зажигалка и другие вещи. Любопытные отдавали все, чтобы узнать тайну. Короче, все знали, что в домике находится модель.

В каждом отряде имелась бригада мастеров, и все что-нибудь готовили к выставке.

Вчера Нин-Вас на хозяйственном дворе застала дядю Кузьменко и ребят за неплановой работой. На верстаке вместо табуретных ножек стоял атомный ледокол «Ленин» — большая деревянная модель с винтами, которые вращал механизм от будильника.

— Ох, какие молодцы! — сказала Нина Васильевна и вопросительно посмотрела на дядю Кузьменко.

А тот растерялся и стал заверять:

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь! Мы плановую работу обеспечим! — и тут же начал раздавать ребятам сосновые заготовки.

После «тихого часа» из города приехал Демьян Захарович. Он прошел по главной аллее с большим пакетом под мышкой. Венька и Павлик бросились за ним. А через полчаса меня и Валерия пригласили в штаб-мастерскую. Возле домика стояли Демьян Захарович, Венька и Павлик, а чуть в стороне — За-

хар. Он переминался с ноги на ногу и не решался подойти. Часовые его боялись и не прогоняли. Когда мы с Валерием проходили мимо, Захар посмотрел на нас умоляющим взглядом, и Валерий позвал его:

— Идем с нами!

Захар просиял и подбежал к нам. Венька вопросительно посмотрел на Валерия, а потом махнул рукой и сказал:

— Проходи!

И мы все вошли в домик.

В центре стола, опираясь на алюминиевые открылки, стояла модель. Она еще не была покрашена, но вид у нее был очень внушительный. Форма ее была такая стремительная, что казалось, вот-вот раздастся взрыв, ракета взлетит, пробьет крышу и унесется в космос.

Совещание началось. Венька предоставил слово Павлику. Тот откашлялся и начал:

— Модель готова. Сегодня будем красить. Это кассета для двигателя, то есть пиротехнических ракет. Если она выдержит температуру горения пороха и бертолетовой соли, то смогут сработать все три ступени и корпус не сгорит.

— Выдержит! — уверенно сказал Валерий. — Один полет во всяком случае.

Кассету помогали делать Валерий и Ваня Шумилов, поэтому выглядела она, как фабричная: гладко отшлифованная, с аккуратными заклепками.

Павлик вставил кассету в корпус, опустил ракету носом вниз, и металлический наконечник на завесе открылся. Из него легко выскользнул шелковый парашют и повис на капроновых стропях.

— Контейнер с парашютом, — коротко объяснил Павлик: — Вот и все, что сделано.

— А теперь вам слово, Демьян Захарович! — официально сказал Венька.

Демьян Захарович раскрыл сверток, и мы увидели кучу пиротехнических ракет. Длинные, белые, с фитилями, они были похожи на обыкновенные свечи.

— Ваш заказ выполнен, — сказал он. — Размеры соблюдены.

Венька не удержался и схватил одну.

— Чижевский, осторожно! — прищутив глаза, предупредил Демьян Захарович. — Проверь, нет ли у тебя в карманах чего-нибудь воспламеняющегося.

Венька покраснел.

— Что вы, что вы, я больше не курю!

— Ну, смотри! — Демьян Захарович погрозил ему пальцем.

Ракеты вошли точно. Все семь штук.

«Ух ты!» — без конца восклицал Захар и подпрыгивал, как будто его каждый раз жалила оса.

— Значит, говорите, осталось только покрасить? — спросил Демьян Захарович.

— Покрасить, — подтвердил Павлик.

— Стойте, ребята! А мы забыли про эстакаду! — спохватился Венька. — С чего-то ведь надо ее запустать!

— Только не эстакаду, — покачал головой Павлик. — Эстакада наклонная, а наша ракета должна лететь вверх. Нужны вертикально направляющие рельсы. — И он тут же набросал на листе четыре параллельных прута.

— Да ты, парень, голова! — сказал Демьян Захарович. — А из чего их делать?

— Можно из дерева.

Захар все время поднимал руку, как на уроке.

— Ну, говори уж, — сказал Венька.

— Я, я сделаю «рельсы»! Честное слово, хорошо сделаю! Вот увидите! Только мне чертеж нужен.

— Конечно, пусть делает, — поддержал его Демьян Захарович.

Захар бросился к дверям.

Я все время молчал, слушал и очень завидовал Веньке и Павлику. Я только спросил:

— А откуда пускать будем?

— Это тоже важный вопрос. Нужно подыскать подходящую площадку, — сказал Демьян Захарович. — Пойдемте посмотрим, что ли...

— Идемте, — согласились Венька и Павлик.

Когда мы выходили из домика, в дверях торчало десятка два голов. Оказывается, часовые и болельщики все время смотрели и слушали, а нам было не

до них. Демьян Захарович тут же вернулся в домик и забрал с собой пакет с ракетами.

— Вы уж не обижайтесь, но этого я оставить не могу, — сказал он. — Пусть у меня побудут.

«Ракетодром» решили делать на стадионе, на краю поля.

— Придется увеличить охрану и добавить строителей, — с очень серьезным видом начал Венька. — Надо ведь ограду сделать.

-- Безусловно, — кивнул головой Демьян Захарович. — И места отхватите побольше.

Венька тут же сообщил мне, кого он думает привлечь для этой работы. Насчитал шесть человек, хотя сделать это могли двое.

— Пожалуйста, — сказал я, — бери. Проволоку для ограды я видел возле кухни.

Павлик побежал за красками, и все разошлись.

Перед ужином, во время аттракционов, прибыла почта. Среди писем лежала открытка от отца. Наконец-то! Я десять раз перечитал ее. «...Дорогой Митя, не кисни! Ты ведь мужчина! В жизни надо быть готовым ко всему. Мы с тобой всегда будем вместе! На днях заеду. Целую. Отец».

Открытка была написана поспешно, как видно, прямо на почте, но у меня на душе сразу стало легче. «Мы с тобой всегда будем вместе!» — значит, дома все в порядке. Иначе этого понимать нельзя. Я стал думать об отце: все-таки я его очень люблю и скучаю по нему. С ним всегда спокойно, потому что он сильный и решительный. Мне бы очень хотелось во всем быть похожим на него. А может быть, я и похож на него... Интересно бы сейчас посмотреть в зеркало. Но я тут же подумал, что не в сходстве дело — дело в поступках. И раз я «мужчина», то «киснуть» действительно не годится!

Мои мысли прервали чьи-то шаги. Я поднял голову и увидел Маю. Взъерошенная, раскрасневшаяся, с ножницами в руках, она вопросительно смотрела на меня. Я показал ей сложенную вдвое открытку и тут же спрятал ее в карман.

Мая тихо сказала:

— Я за тебя очень рада! — И побежала срезать конфеты.

Засыпая, я видел нашу семейную фотографию, которая лежит под стеклом на письменном столе. Я сижу рядом с мамой, а папа, чуть склонившись, стоит позади и обнимает нас. Родители улыбаются, а я сижу очень важный. Внизу на белой кромке чернилами написано: «Союз нерушимый!» Это написал сам папа... И я опять подумал: «Значит, все в порядке...»

НЕОЖИДАННЫЙ ВИЗИТ

Нина Васильевна с каждым днем все больше волнуется. Почти на каждой линейке напоминает, что мы должны организовать достойную встречу секретарю обкома. Поэтому вот уже три дня, как мы занимаемся оформлением территории лагеря. Центральная аллея уже не похожа на лес — столько плакатов и звезд навешано на деревьях. Дворики убираются дважды на день, усиленно разучиваются отрядные песни в строю. Мы выбрали себе песню «Учил Суворов...». Девчонки сопротивлялись, но наша взяла. Они ее теперь поют даже за вышиванием.

Нине Васильевне не понравилось, как ребята сделали фотомонтаж «Наш «Лесной», и она его сама переделывает. В столовой появились ложки из нержавеющей стали и даже вилки. Венька назвал их «сервиз «сила критики». Теперь, когда дежурные готовят столы к завтраку или обеду, слышна команда: «Раскладывай «силу-критики»!»

Кружком верховой езды руководит Демьян Захарович. Желающих вначале было очень много, но остались только шестнадцать человек: тринадцать мальчиков и три девочки. На занятиях на коня надевают седло со стремянами и сбрую. Когда на стадионе начинается тренировка, Нина Васильевна уходит, чтобы не видеть, как мы «рискуем жизнью».

А сегодня во время зарядки она впервые увидела ограду, приготовленную для запуска ракеты.

— Чижевский, что это значит? — спросила она

у Веньки, который проверял прочность столбиков ограды.

Венька ответил:

— Это ракетодром. Вы же знаете...

— Но зачем понадобилась ограда?

— А как же?! Дело связано с порохом!

— С порохом?! — всплеснула руками Нина Васильевна. — Ладно, посмотрим... Но вы хоть уберите эту ограду, когда приедет секретарь, а то стадион потерял свой вид.

Стадион ни чуточки не потерял своего вида, но Венька, чтобы не ссориться с Ниной Васильевной, пообещал ограду убрать.

В общем из-за подготовки к встрече решили дальний поход с игрой провести через четыре дня, то есть после визита секретаря. Нина Васильевна пригласила ее на воскресенье, а сегодня только четверг.

Все шло хорошо, но в конце «тихого часа» дежурная разыскала Нину Васильевну и сказала, что в лагерь просится какая-то женщина и говорит, что ее пригласила старшая вожатая.

Нина Васильевна помчалась к воротам, и мы поняли: гость очень важный!

Когда они проходили по главной аллее, половина ребят высунула головы из палаток и наблюдала. Нин-Вас шла в обнимку с молодой женщиной. Видно было, что обе они рады встрече. Все решили, что это, должно быть, ее сестра или подруга, потому что с секретарем обкома обниматься и целоваться не положено, и снова залезли в палатки. А перед самым подъемом все отряды obeжала дежурная и объявила, чтобы мы обязательно надели белые рубахи и выгладили галстуки.

Валерий Николаевич велел нам после подъема оставаться во дворе. Мая и Оля Мацейко собрали у всех галстуки и побежали на хозяйственный двор гладить их.

Когда прозвучал горн, мы уже стояли в строю. Пришел Валерий, сообщил, что к нам в гости приехала секретарь обкома Екатерина Ильинична Лебедева. Но жизнь в лагере, как он считает, должна идти своим чередом.

Мы в своем дворике простояли еще минут пятнадцать. Потом из столовой вышли Демьян Захарович, Нина Васильевна и секретарь. Старшая вожатая была в белой шелковой блузе и новом галстуке. Она все время показывала руками то в одну, то в другую сторону.

Мы все, конечно, уставились на секретаря. Такой гость — не шуточки — большая фигура! Зинка Дорохова не выдержала и вскрикнула:

— Ой, какая хорошенькая!

Я вспомнил, что Нина Васильевна не раз рассказывала нашим девочкам о своей дружбе с Катей Лебедевой, и поэтому несколько не удивлялся, что она так обрадовалась приезду подруги.

Через минуту прибежала дежурная и сообщила, чтобы мы готовились к торжественной линейке.

— Нужно повторить рапорт, чтобы не сбиваться, и строем пройти образцово! Это приказ старшей! — запыхавшись, протараторила она и побежала дальше.

Нина Васильевна все время кивала на центральную аллею, чтобы секретарь обратила внимание на оформление, но «важная фигура» сняла босоножки и носки и начала босиком похаживать по траве. Наверное, давно ей не приходилось бывать в лесу.

Тут снова появилась дежурная и объявила нам, что торжественной линейки не будет и вообще неизвестно, что будет.

Наконец все начальство появилось на центральной аллее. Секретарь снова надела босоножки и рассеянно смотрела по сторонам, как будто что-то искала.

Когда они проходили мимо нашего дворика, все слышали их разговор.

— Во что вы превратили лес? — спросила секретарь.

— Я тебя не понимаю, — удивилась Нина Васильевна.

Тогда та объяснила:

— Скажи мне, для чего ребята приехали в лагерь? Чтобы быть в настоящем лесу, среди живой природы. А у вас здесь что-то вроде весенней ярмарки. Из-за плакатов и стендов деревьев не видно. Радио

так гремит, что птиц не слышно... Может, вы и метро себе здесь соорудили? — И она засмеялась.

Демьян Захарович шел и молчал, а Нина Васильевна все время повторяла: «Я тебя не понимаю! Я тебя, Катя, не понимаю!..»

Они уж было прошли на метров десять дальше нашего дворика, как вдруг старшая вожатая оставила всю компанию и подбежала к нам.

— Ой, ребята, выручайте! Панно-то до сих пор лежит на земле!

— Какое? — спросил Валерий.

— А то, что возле летней эстрады. Она обязательно должна его увидеть!

— Хорошо. А что мы должны сделать?

— Надо вот что... Надо вот что... — придумывала она. — Пусть ребята, которые посильнее, залезут на крышу эстрады, а другие поднимут панно и подадут им. И срочно разыщите на хоздворе дядю Кузьменко. Пусть приходит с гвоздями и веревками... Немедленно! Понятно?

Валерий пожал плечами и сказал:

— Ладно, не волнуйтесь. Все сделаем! — и тут же нам скомандовал: — Вениамин и Захар — на крышу! Володя — за дядей Кузьменко...

Нина Васильевна побежала задерживать секретаря, а мы всем отрядом поспешили к летней эстраде.

Оказывается, там уже было полно ребят из других отрядов. Одни играли в «ручеек», другие в волейбол. Жора-баянист сидел в центре и усердно растягивал свой баян.

Венька и Захар моментально очутились на крыше эстрады и закричали:

— Давай подавай! Давай подавай!

Мы, человек пять, дружно с боков ухватились за панно и подали им эти полотняные леса и реки. Панно закрыло сцену. Игры прекратились, и все стали рассматривать картину. Но ненадолго. Все не раз уже ее видели, поэтому вскоре вернулись к своим веселым занятиям.

Вожатые почему-то все время требовали тишины и пытались держать отряды в строю. Только наш отряд стоял кучкой в середине, и ребята шумели. Кто-

то за кем-то гонялся, кто-то громко кричал: «Да ты что, сама справиться с ним не можешь?»

Я смотрел на крышу эстрады, на то, как Венька и Захар пытались укрепить панно, и вдруг услышал голос Оли Мацейко:

— Митя! Чего же ты стоишь?! Иди же! — И она потащила меня за собой.

Добежав до наших ребят, я увидел, что Мая гоняется за Женькой Быковым. А тот отбежит в сторону и, сделав руку кренделем, изображает парочку, идущую об руку. Кривляется, выгибается и приговаривает:

— Ах, милый Митенька! Ах, милая Маечка! Ах, ах!..

Ротозен стоят и хохочут, а у Май прямо слезы на глазах. У меня внутри взорвалась бомба. Я забыл обо всем, подбежал к Женьке и за все сразу дал ему по шее.

Ребята еще сильнее зашумели. А Женька заныл:

— Ну чего ты? Чего ты? Здоровый, а лезешь...

Вдруг сверху, с крыши, раздался Венькин голос:

— Ты ему, Митяй, еще раз дай, за меня!

Венька взмахнул рукой, чтобы показать, как это нужно сделать, и выпустил раму. Захар один не удержал панно, и вся эта география как загремит на землю — ба-ах!

Ребята отбежали и затихли. Вдруг рядом со мной раздался смех. Я обернулся и вижу: хохочет секретарь, показывает на свалившееся панно и хохочет.

— Ой, Нина-чудачка! Ой, не могу!..

Она, конечно, поняла, что все это срочное оформление делалось специально для нее.

Тут появился дядя Кузьменко с толстой веревкой в руках и с серьезным видом спросил:

— Кого вязать?

— Его, его вяжите! Чтоб не дрался! — захныкал Женька.

— Соколов, как ты мог это? Соколов?! — ужаснулась Нина Васильевна.

А Лебедева подошла к Женьке и спросила:

— За что он тебя?

— Ни за что! — нахально ответил Женька.

Тут я не выдержал, показал на Маю и сказал:

— Он ее обидел!.. И меня обидел...

Ребята закричали: «Правильно! Правильно!» — и начали рассказывать о Женькиных проделках.

Секретарь внимательно смотрела то на Маю, то на меня, а Нина Васильевна все время вопрошала:

— Не понимаю, как мог Соколов такое сделать! Не понимаю! Катя, — обратилась она к секретарю, — пойми, ведь это наш лучший председатель! Он не имел права драться!

Екатерина Ильинична покачала головой и тихо сказала:

— Кто знает... Это ведь не простая обида! Правда, Соколов?

— Правда! — ответил я. — А вообще я никогда не дерусь.

Только один я заметил, как Мая при этом чуть-чуть улыбнулась.

Валерий, который молча стоял в стороне, подошел и сказал:

— Нина Васильевна, не волнуйтесь, мы сейчас все уладим.

А Екатерина Ильинична взяла у одной пионерки мяч и так высоко подбила вверх, что все задрали головы. Она засмеялась, а ребята зашумели и побежали ловить мяч.

— Давайте пойдем в лес! — предложила она. — В самом деле, чего здесь сидеть?

— Пойдемте! Пойдемте! — закричали все. Но решили пойти только нашему и второму отрядам. Ребята толпой окружили Жору-баяниста, и все с музыкой двинулись к воротам.

В лесу было весело, как никогда. Екатерина Ильинична бежала вразбег босиком, играла с нами в мяч, пела песни и очень жалела, что далеко река и нельзя искупаться.

Нина Васильевна не уступала ей ни в чем: бежала, хохотала и кричала громче всех.

— Павка, догоняй! Зина, догоняй!..

Наконец Екатерина Ильинична выбилась из сил.

— Ой, ребята, не могу! Ой, сил моих нет!.. Отвыкла... Уф-ф! — Она опустилась на траву, легла на

спину, подложила руку под голову и сказала: — И до чего ж тут у вас хорошо! Могла бы — не уехала...

Мы уселись плотным кругом и замолчали. Но ей не лежалось. Она села, закинула назад волосы и начала быстро говорить:

— Послушайте, ребята! Я вам вот что скажу: меньше топчитесь на лагерных аллеях, сидите в палатках. Почаще ходите в походы, купайтесь, загорайте! Долой рубахи! Долой ботинки и тапочки! Больше работы мускулам! Если ты здоров — не жалей рук и ног, так чтоб к ночи замертво на койку... Хорошо сходить на денек-другой в соседний колхоз, на полевой стан, потрудиться. От этого и сил и здоровья прибудет. А вам, — она посмотрела на ребят нашего отряда, — вам уже скоро пора в путь-дорогу, в большую трудовую жизнь!.. Нечего в «ручеек» играть!

— А мы и трудимся! — подхватила Нина Васильевна. — У нас есть часы трудового воспитания, — и как-то неуверенно добавила: — Верстаки...

— Что? Верстаки? В лагере?! — удивилась Екатерина Ильинична.

И тут Нину Васильевну выручил Венька. Он вскочил и торжественно заявил:

— Мы сделали действующую модель трехступенчатой ракеты! Хотите, сегодня же запустим? — И гордым взглядом обвел всех.

Сашка Кикнадзе тоже не удержался:

— И школа верховой езды есть!

— И теневой театр! — хором закричали девчонки.

У Екатерины Ильиничны загорелись глаза.

— Нина, что же ты мне всего этого не говорила?

— Не все, не все же сразу, — смущенно ответила Нина Васильевна. И тут же начала нас хвалить: — У меня, знаешь, какие ребята! Только держись! Никому спуску не дают! — и обратилась к нам: — Споем Екатерине Ильиничне частушки?

Нас просить не пришлось. Пели оба отряда. И припев не забыли:

Нин-Вас, Нин-Вас,
Улыбнитесь вы хоть раз!

Екатерина Ильинична смеялась всю дорогу до самого лагеря.

РАКЕТА ЛЕТИТ В КОСМОС

Когда мы проходили мимо стадиона, на огражденном «ракетодроме» Венька и Павлик уже устанавливали направляющие рельсы. Возле них хлопотало человек шесть. Среди них был Демьян Захарович и, конечно, Захар. Он суетился больше всех, словно был самым главным. Малыши кружили, как спутники, вокруг палаточных двориков и разносили всякие слухи. Одни говорили, что ракету закопали в землю, другие — что закапывают снаряды для ее запуска.

Екатерине Ильиничне показали модель атомного ледокола и еще штук двадцать разных моделей: самолеты, катера, комбайны...

Очень весело было, когда показывала свои достижения «школа верховой езды». Сначала ездили «мастера» конного спорта, а потом катали желающих. Сашка дважды садился на коня. Первый раз ехал и держался за уздечку, а второй раз отпустил ее, скрестил руки на груди и кричал: «Смотрите, показываю класс!» Его счастье, что конь ходил, как сонная муха.

Предложили прокатиться и Екатерине Ильиничне. Она сперва чуть было не согласилась, но потом заявила:

— Нет, это не мой конек! Я на таких не езжу. И потом, если уж падать, то с хорошего коня, а не с этого Росинанта.

Во время ужина в столовой объявили, что ровно в 20 часов 30 минут, перед вечерней линейкой, будет произведен запуск космического трехступенчатого корабля типа «ЧМ-1» конструкторов Чижевского и Малишевского.

Из столовой весь лагерь потянулся на стадион. Задержались только Екатерина Ильинична и небольшая группа девочек. Оказывается, Лебедева заинтересовалась вышиванием. Она долго с любопытством разглядывала работу девчонок и давала им всякие советы.

На стадионе гремели динамики, ребята шумели и почему-то все смотрели на темнеющее небо и первые звезды. Кто-то закричал:

— Смотрите, смотрите, спутник летит!

Но никакого спутника не было. Просто ребятам уже мерещилось.

Скамеек на всех не хватило, и из столовой через весь лагерь начали тащить стулья.

Я побежал в штаб-мастерскую, чтобы не прозевать момента, когда будут заряжать ракету.

Заряжал сам Демьян Захарович. В домике была абсолютная тишина. Когда все было готово, Захар не удержался и, подпрыгивая, побежал сообщать.

— Несут! Несут! — орал он на весь лагерь.

Венька и Павлик не спеша на вытянутых руках несли ракету. Демьян Захарович неотступно следовал за ними. Когда эта процессия появилась возле стадиона, все встали, чтобы получше разглядеть «чудо техники».

Из динамиков полился торжественный марш. Все замолчали и уставились на модель. А она совершала круг почета. Ярко-голубая, с красными полосами на боках, она важно плыла, поблескивая целлулоидными окошками и алюминиевыми открывками. Она плыла, обрастая, как снежный ком, любопытными малышами, которые галдели.

— Настоящая! — утверждали одни.

— Нет, пробная! — объясняли другие.

— С живым человеком! — кричали первые. — Вон даже ноги сзади торчат...

— Это не ноги, а ракеты! — растолковывали знатоки.

Чего только не выдумывали болельщики, пока модель совершала путь до своего ракетодрома! И вот, наконец, конструкторы вошли за ограду. Шагах в двадцати от нее образовалось оцепление. Репродукторы захлебнулись на полуслове. Тишина, словно вата, забила уши.

Всем было видно, как опустили ракету в направляющие рельсы. Теперь она стояла вертикально, решительно устремясь в звездное небо.

За забором лагеря начали появляться люди. Они тоже молча стояли в ожидании. Венька и Павлик отошли от ракеты шагов на пятнадцать. В руках у Веньки появился красный флажок. Демьян Захарович остановился возле Веньки и кивнул головой.

Венька взмахнул в воздухе флажком и сиплым от волнения, но громким голосом скомандовал:

— Включить!

Демьян Захарович, присев на корточки, поджег шнур. И тотчас же огненный мышонок с шипением побежал по земле. Возле самой ракеты он на миг как будто погас, и из-под ее основания вдруг вырвался сноп желтого пламени. «Шшур-р-шшш!» — метнулось во все стороны, и ракета медленно, как бы нехотя, поползла вверх. Потом пламя стало синим, шипение перешло в свист, и снаряд рванулся в небо, увлекая за собой длинный огненный хвост. Головы, как по команде, вскинулись вверх. И только когда на высоте из ракеты вырвался новый сноп пламени и она совершила второй скачок, стадион взорвался от громового «ура» и аплодисментов...

Вскоре последовала последняя, третья, далекая вспышка. Ракета стала почти невидимой, но последние искры осветили купол раскрывшегося парашюта. Наш «космический корабль» стал медленно опускаться на землю.

Шум на стадионе уже не стихал. К месту, куда спускалась ракета, понеслись ребята. Возвращались они не спеша, бережно передавая из рук в руки уцелевшую модель...

Павлика и Веньку долго качали, а звуки горна тонули в веселых криках...

К торжественному спуску флага вызвали, конечно, главных конструкторов ракеты. Жора-баянист играл марш авиаторов «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц!», и флаг упрямо рвался вверх. Так закончился этот полный необычных событий праздничный день...

Когда перед сном я стелил постель, меня вызвал из палатки Женька Быков. Он смотрел на землю и крутил пальцы, как будто хотел их переломать.

— Слушай, Митя, прости меня. Я свинья... Свинья! — жалобно бормотал он. — Я завтра извинюсь перед Маей, честное слово! — Он полез в карман, потом протянул мне маленький блокнотик с металлической обложкой и шариковой ручкой на цепочке. — Возьми, возьми... Это мне папа подарил!

— Папа? — переспросил я. — Как же ты можешь отдавать подарок отца?!

У меня было радостно на душе, и я рассмеялся. Рассмеялся, дал Женьке щелчок в лоб и убежал в палатку.

ПОРА В ПУТЬ-ДОРОГУ

Лебедева переночевала в лагере, а утром неожиданно объявила:

— Уезжаю!

— Что ты?! Как можно?! Мы должны устроить торжественные проводы, — заволновалась Нин-Вас. — Подожди, сейчас соберем общелагерьную линейку... Дежурный! Где дежурный вожатый?..

— Постой! Не надо! — остановила ее Лебедева. — Ведь я приезжала просто к тебе в гости. Ты меня и провожай. Ребята пусть занимаются своими делами.

Нин-Вас еще немного поволновалась, а потом взяла чемоданчик Лебедевой, и они направились к воротам.

Не сговариваясь, мы шумной и неорганизованной компанией пошли провожать Екатерину Ильиничну. Шли вожатые, педагоги, Демьян Захарович.

— Как жалко! Как жалко, что она уезжает! — перешептывались девчонки. — Она такая простая, такая хорошая!

— Ничего, теперь и наша Нин-Вас станет другой! Вот увидите...

Нашу старшую действительно будто подменили. Весь вчерашний день она обращалась к ребятам по именам, а не по фамилиям, не покрикивала, не приказывала...

— Приезжайте к нам еще! — закричали мы, когда подошли к воротам.

— Сама бы рада, но обещать не могу, — с улыбкой сказала Екатерина Ильинична. — У вас тут очень хорошо. Да и вы все отличные ребята! О ваших делах я обязательно расскажу в других лагерях... А вы, взрослые, — она отыскала глазами нашу группу, — не забудьте, о чем я вам говорила!

Валерию она первому пожала руку, а потом стала прощаться с остальными.

— Нет, нет! Оставайтесь в лагере, я сама дойду! — уговаривала она Нин-Вас.

Но та категорически отказалась остаться и пошла провожать Лебедеву на станцию.

Чуда не произошло. Нин-Вас осталась такой, какой была до приезда Лебедевой. Прежде всего она заявила, что не позволит больше нарушать путевки дня и что мы еще не выполнили десятой доли плана, поэтому пора, наконец, браться за работу. Но мы уже хорошо изучили ее характер и догадались, что она просто «завинчивает гайки», то есть дисциплинку. Нет, нас теперь это не волновало: с отрядом был Валерий, а он стал другом каждого из нас.

Наконец началась подготовка к дальнему походу с игрой и ночевкой на привале. Все уже знали, что поедет машина с продуктами и что картошку мы будем сами печь в костровой золе. Там же будем сдавать нормы БГТО по плаванию.

Командиром похода назначен Демьян Захарович, заместителем по политической части — Нина Васильевна, по строевой — Валерий Николаевич. Меня же избрали начальником штаба.

Я уже третий день разрабатываю план игры и ее условия, а сегодня нужно сделать топографическую карту местности, где будет проходить игра.

Я ушел на свое излюбленное место — за зеленый театр, чтобы никто не отвлекал меня от работы. Трижды начинал писать, но фразы получались какие-то корявые, мысли путались и карандаш ломался. Я повалился на спину и стал смотреть в небо. Сосны клиньями уходили в синеву, вершины их покачивались. Что-то все время тревожило, а что — не знал. И потом вдруг догадался: сегодня, конечно, должен приехать отец. Меня предчувствия никогда не обманывали. Приедет! Приедет! Прямо после работы. Надо только еще немного потерпеть... Вот только напишу условия игры — и увижу его. И я начал думать об игре, начал представлять себе ее. Я закрыл глаза и сразу увидел окутанный сумерками лес, тропинки и как Мая, замаскировавшись, ползет в высокой тра-

ве мимо пикетов. Она первая приходит к месту слета... Потом стал думать о том, как приглашу Маю к себе домой в гости, чтобы показать свою библиотеку, тетрадь со стихами. Девочки у меня бывали только на именинах, а если и приходили, так лишь затем, чтобы узнать, что задали на дом... И вот мне привиделось, как мама радушно встретила Маю, долго о чем-то беседовала с ней и приглашала приходиться почаще... Я собрался придумать еще что-нибудь такое и вдруг услышал смех. Я вскочил на ноги и увидел Маю, а рядом с ней маленькую девочку с торчащими косичками. Девочка смеялась и помахивала соломинкой, которая щекотала мне ухо. Мая улыбалась и приговаривала:

— Хватит, Галка, хватит!..

Девочка была очень похожа на Маю. И сарафан у нее был такой же, как у Маи.

— Знакомься, Митя. Это моя сестричка!

Я сел, а Галя протянула маленькую ручку и прошепелявила:

— А я знаю, как тебя зовут... Мы с Маей подружки... Я приехала с тетей Таней и поступлю в лагерь...

Она стала болтать без умолку, а мне очень захотелось поиграть с ней в пятакши.

Мая схватила девочку на руки, крепко обняла ее и закружилась.

— Ой, Галчонок, как я по тебе соскучилась, как соскучилась!..

Она целовала сестренку, а я ей очень завидовал. У меня не было ни братишки, ни сестренки.

Вдруг издали я услышал голос Сашки. Он бежал к нам, размахивая руками, и кричал:

— Митя! Митя! Иди, тебя Валерий зовет!..

Словно стальная пружина оттолкнула меня от земли. Я вскочил на ноги, но не побежал. «Отец!.. Наверно, он...»

Мая опустила сестренку на землю и удивленно посмотрела на меня.

— Что же ты стоишь?

— Иди, иди! — толкает ручонками Галя. — Тебя Валерий зовет! Иди!..

И сердце тоже стучит, толкает вперед: «Иди, иди!»

Я побежал, и чтобы заранее продумать все свои вопросы по пути, делал зигзаги...

Валерий сидел на скамейке возле столовой и записывал что-то в свою тетрадь. Возле него никого не было. Я хотел повернуть назад, но он протянул в мою сторону конверт и сказал:

— Возьми, тебе... — И, словно извиняясь, добавил: — Шел со станции, встретил почтальона...

«А может быть, Валерий что-то недоговаривает?» Я долго смотрю на него, но он берется за карандаш.

Письмо было от мамы. «Опять письмо?! Что ж это? Сколько так будет продолжаться?.. Но, может быть, наконец, в нем ответ на все, что меня волнует? Может быть, все уладилось?..» Я на ходу разрываю конверт и, прежде чем вынуть листки, снова перечитываю адрес. Он написан твердой рукой... В лагере, кажется, стало тише. Все будто прислушивается... «Нет, я буду читать там, подальше... Возле стадиона выну письмо, а разверну его возле ворот, тогда все будет, как задумал...» Письмо большое, на двух страницах. Я иду прямо к калитке.

— Ты куда? — спрашивает дежурный. — Выходить нельзя!

Но я выхожу, и он меня не останавливает. Ничего больше не говорит, только смотрит... Я развернул листок.

«Дорогой Митя!..»

«Дорогой Митя!» — повторил я вслух и сразу увидел мамино лицо. Узнал тихий спокойный голос, и все, что было дальше, я не читал, а как будто слышал.

«...Теперь уже все решилось, и то, что раньше мы пытались от тебя скрыть, теперь скрывать незачем и нельзя. Да и ты стал большим, многое понимаешь... Отец уходит. Так в жизни бывает. По-всякому живут люди, и порой — лучше врозь, чем вместе. Я только просила, чтобы подождать, пока ты станешь постарше, сможешь понять... И вот наступил час. Может быть, следовало тебя позвать и поговорить, как с равным? Может быть! Но так для меня легче. А у тебя отдых, единственный, перед большим, нелегким годом. Среди ребят и тебе будет легче.

Ведь у тебя там друзья... Да, сынок, так в жизни бывает, и нам с тобой случилось это испытать...»

Я остановился. Не знал, что делать дальше: возвратиться или бежать? Бежать вперед, без оглядки, в город... Но мамин голос был спокойным и твердым: «Ведь там у тебя друзья, — писала она. — Да, сынок, так в жизни бывает...»

А как же отец?! Как же его слова: «Мы всегда будем вместе»?! А как же наша фотография с подписью «Союз нерушимый»? Значит, ничего, ничего этого больше не будет?

«Не будет! Не будет!» — прокричал паровоз на станции. И снова спокойный мамин голос:

«...И теперь последнее слово за тобой. Слышишь, сынок? За тобой! С кем будешь ты? В этом ответе и моя судьба. Решить его должен ты сам, потому что ты уже взрослый...»

«Взрослый! Взрослый!» — так сказала мама. Ведь она никогда еще этого не говорила. Значит, так и есть. Она права. А отец? Отец всегда шутя называл меня большим... Всегда, даже когда мне было три или четыре года... «Взрослый!» — снова услышал я мамин голос и почувствовал в себе силу, и стало спокойней, и я увидел себя рядом с Валерием, и Ваней Шумиловым, и ребятами из их общежития... Увидел себя идущим с работы домой. И то, как мама мне, усталому, подает обед, и вместе мы смотрим телевизор, и говорим о серьезных делах... Значит, это мой ответ! Значит, так и должно быть!..

И пусть поскорее узнает мой ответ мама. Пусть узнают все! Ведь у меня есть друзья! Друзья на всю жизнь. Валерий, Мая, Веня...

Солнце стояло над головой и озаряло лес. Я повернулся лицом к лагерю. У ворот стоял Валерий, недалеко от него — Мая. По аллее бежал Венька. Я подошел к ним. Никто ни о чем меня не спросил, только Валерий сказал:

— Завтра еду в город. Если тебе нужно, можешь со мной... На день.

В лагере заиграл горн. Заиграл звонко, продолжительно: «Пора, пора в путь-дорогу!»

Это — Я

РАССКАЗЫ

Меня зовут Вовка. Фамилия моя Говорков. Но среди ребят вы меня все равно не узнаете — таких тысячи. Рост у меня средний, глаза серые, волосы каштановые, нос обыкновенный, поцарапанный. Мама говорит, что вылитый портрет своей бабушки, только неизвестно, чей у меня характер. Вообще, если верить моим родителям, то выходит, что я один не такой, как все, а все остальные — такие, как надо. Лучше я вам о себе расскажу, а вы сами судите.

Когда меня в четвертом классе выбирали звеньевым, Люда Костылева потребовала, чтобы я рассказал свою биографию, как это делают на взрослых собраниях. А наша вожатая Валя сказала, что совсем этого не нужно, потому что у меня еще никакой биографии нет. Меня выбрали без биографии, и Люда Костылева голосовала против. Я на нее ни капельки не обиделся; потому что она права. Раз я когда-то родился, в стенной газете участвовал и взыскания у меня есть — значит есть биография. И вообще на собраниях никогда не дадут поговорить. Назначают какой-то регламент: это значит, можно говорить только пять минут. А если мне не хватает, что я должен делать?

Меня всегда перебивают, останавливают и говорят: «Пойди в коридор и там выговорись. Другим тоже сказать надо».

Я на собраниях еще ни разу ничего до конца не договорил. У меня накопилось уйма предложений и полезных примеров, и я их все ношу в себе. Если мне не удастся их когда-нибудь рассказать, в один прекрасный день они меня задашат.

Поэтому я и решил рассказать свои истории вам.

Картошка

Меня капитан нашей футбольной команды Витя Маслов Картошкой зовет, хотя никакая я ни картошка, а первый вратарь команды. Конечно, это он не из пальца высосал, без причины ничего на свете не бывает, и Картошкой он меня назвал именно из-за картошки. Но прежде чем рассказать этот случай, я должен рассказать другое.

Дома я старшим всегда помогаю. Можете даже спросить у бабушки и

у мамы. Вот, скажем, если надо стул починить или доску перепилить. Это я могу. Пожалуйста. Даже выйду на улицу и там буду работать. Пусть все смотрят. Это дело мужское. А вот посуду мыть, мясорубки крутить, дорожки трясти — занятие для девочек. Не случайно же уроки по домоводству только для них устраивают.

И вот однажды, когда бабушке Марусе исполнилось семьдесят лет, мама заявила:

— Теперь картошку будет покупать Вова.

— Как?! — возмутился я.

— А так. Возьмешь авоську, сходишь в «Овощи—фрукты», купишь да принесешь.

— Да что я, девчонка какая-нибудь? С авоськами по улице ходить... Ребята увидят, знаешь, что будет?

Но разве маме докажешь? Сказала — как отрезала.

Встал я пораньше в воскресенье, засунул авоську в карман и побежал в магазин. Он у нас недалеко, за углом. Купил шесть килограммов картошки — и домой. Иду и думаю: «Хоть бы никого из ребят не встретить. А главное, чтобы на Витьку Маслова не наткнуться. Тот сразу девчонкой обзовет. Витька — настоящий парень: одним спортом занимается».

И что бы вы думали: дохожу до угла — идет Витька Маслов. Меня аж в пот бросило. Витька рукой машет, а в руке, вижу, серый мячик зажат. «Ясно, — думаю, — идет в теннис играть. Вот что значит физкультурник!»

Я авоську за спину и, только хотел в парадное шмыгнуть, слышу:

— Привет первому вратарю доблестной команды!

Ну, куда денешься? Я авоську еще дальше за спину, чтобы ее не видно было, а Витька спрашивает:

— Что это ты прячешь?

— Да так, — отвечаю, — ничего...

— Как ничего? Я же вижу — картошку несешь.

Пришлось сознаться.

— Вот здорово! — обрадовался Витька. — А я тоже за картошкой, — и махнул рукой, в которой мячик держал.

Мячик развернулся, и из него самая обычная авоська получилась.

— Как, и ты за картошкой ходишь? — удивился я.

— А как же? Всегда хожу. И не меньше чем по десять килограммов беру! Знаешь, как мускулы развивает!

Тут я почувствовал, что картошка моя вроде пушинки стала. «Эх, — думаю, — и чего я целый пуд не взял?» А потом как закричу:

— Давай теперь вместе за картошкой ходить!

А Витька смеется, подмигивает одним глазом и отвечает:

— Давай, Картошка! Я не против. Вдвоем веселей будет.

Потом выяснилось, что Витя дома даже полы моет и белье в стирку носит. Я ему, конечно, тоже все рассказал. А когда мы проводили пионерский сбор на тему «Как ты дома помогаешь родителям?», классный руководитель Павел Афанасьевич сказал:

— Настоящий мужчина всегда должен женщинам помогать! Вот, например, как Вова Говорков.

Прямо так меня в пример и поставил!

Я тогда, кажется, даже покраснел. Потом смотрю на ребят, а они — ничего, не смеются. Потому что каждый дома хоть немножечко, да помогает маме.

Сворец- МОЛОДЕЦ

Я против ссор. Друзья не должны ссориться, особенно из-за пустяков. Поэтому я на всякие мелкие обиды внимания не обращаю и первым никогда не заводжусь. Может быть, думаете, что у меня характера нет? Не беспокойтесь! У меня полно этого характера. И если уж кто-нибудь меня серьезно заденет, то я в долгу не остаюсь. Но какую бы ссору я ни вспомнил, моей вины в этом не было. Ну, хотя бы пример с Ва-

диком Телегиным. Это вообще забавная история, потому что в ней ученый скворец участвует.

Случилось так, что Вадик Телегин в нашу квартиру переехал: прямо за стенкой у нас живет. Мы и без того с ним дружили, а теперь и уроки вместе делаем и в шахматы каждый день режемся.

И вот, представьте себе, на прошлой неделе целых три дня в ссоре были. Из-за чего? Сейчас узнаете.

У меня с лета скворец в клетке живет. Мне его дедушка подарил и сам клетку смастерил. Клетка большая, двухэтажная, да еще с чердачком.

Отец дедушке сказал:

— Вы ему барские условия создали, целый особняк построили.

— Так ведь птица важная! — отвечал дедушка. — Если ее старательно учить, она и слова на память говорить сможет!

Я, конечно, тут же взялся скворца обучать. Нам как раз задали на дом стихотворение Пушкина «Тучи мглою небо кроют...». Два часа ему вдалбливал, до хрипоты повторял; сам уже на память выучил, а скворец — ни слова. Ну, я решил, что неспособный экземпляр попался, и перестал с ним заниматься. Правда, клетку на свой стол поставил, у стенки, чтобы он слушал, когда мы с Вадиком учим. Кто знает, может, у него вдруг способности прорежутся! Что ему стоит, скажем, выучить склонение существительных: сова, совы, сове... Мы даже специально птичьи слова подбирали. Учим, бывало, вслух, а он голову набок склонит, слушает, не перебивает. Глаза умные, а толку никакого.

Потом мы с Вадиком договорились, что, если он мне понадобится, я ему три раза в стенку карандашом постучу: тук-тук-тук...

Ну, и заработал наш телеграф. Только приду из школы, сразу: тук-тук-тук! Вадик тут как тут.

Пришел я на прошлой неделе из школы голодный-преголодный и сразу за обед. Вдруг Вадик является.

— Ты меня звал?

— Нет, не звал.

Вадик пожал плечами и ушел. Через пять минут опять приходит.

— Ты меня звал?

— Да нет, — говорю, — не звал!

Вадик надулся, не сказал ни слова, ушел. Через полчаса снова является.

— Чего ты издеваешься? — говорит. — В стенку стучишь, а прихожу — не нужен... Теперь стучи не стучи — не приду! — И хлопнул дверью.

Проскучал я целый вечер один, но решил на поклон к нему не ходить: я же ни в чем не виноват.

Три дня прошло, а мы с Вадиком ни в школе, ни на улице ни словом не обмолвились, будто и не знакомы. На четвертый день прихожу домой, сажусь обедать, вдруг слышу: тук-тук-тук. Через минуту снова: тук-тук-тук. Где-то у нас в комнате. Что это значит?.. Смотрю на маму, а она говорит:

— Ты не на меня, а на скворца своего смотри. Он тут клювом всю стенку расковырял, целые дни телеграммы выстукивает.

Я чуть супом не поперхнулся. Бросил ложку и бегом к Вадiku. Прихожу, хочу ему все рассказать, а самого смех душит. Наконец выговорил:

— Пойдем ко мне. Я тебе покажу, кто нас поссорил.

Вадька с радостью пошел, ему тоже надоело в ссоре быть.

Подожли мы тихонько к клетке, а скворец как раз выстукивает: тук-тук-тук, тук-тук-тук!

Мы с Вадиком на диван повалились и хохочем. А Вадик говорит:

— Оказывается, у него способности к арифметике, а мы его грамматике учили!

С того времени целая неделя прошла, а мы с Вадиком ни разу не поссорились...

Иностранный язык учить трудно. Немецкий ли, английский, французский, все равно трудно. И все из-за грамматики. Падежи, склонения, окончания, правила... Неужели нельзя придумать языка без грамматики?! В русском языке всего не запомнишь. А как же в иностранном?

И все-таки мы учим, и отличники у нас есть. Некоторые ребята даже переписку ведут с пионерами из Германской Демократической Республики. Сейчас у нас соревнование идет за лучшее знание немецкого языка. И кто победит, тот с пионерской делегацией в Германию поедет. Все соревнуются. Один только Васька Барсуков баклуши бьет, ждет, пока язык без грамматики придумают.

Случай, о котором я хочу рассказать, как раз с ним и произошел.

Прибегает как-то Васька в школу и кричит:

— Братцы, нашел!

— Что нашел? — спрашиваем.

— Язык без грамматики нашел! «Финти» называется! Во, — говорит, — сила! За один день выучить можно!

И давай что-то финтикать.

— Если бы, — говорит, — у нас этот язык изучали, я бы сразу пятерку отхватил. Ну вот, скажем, я говорю: «Яфинти и тыфинти». Это значит: «Я и ты». Или говорю: «Яфинти идуфинти играфинти в футболфинти!» Вы не знаете, что это значит? А в переводе на русский язык получается: «Я иду играть в футбол!..» Это древнейший язык, — говорит Васька. — Он еще до русского на земле существовал..

В общем-то язык всем понравился. А насчет того, что он на земле еще до русского существовал, никто не поверил. Тут Васька заврался, потому что перед каждым «финти» русское слово стоит.

Все ребята за переменку язык «финти» выучили, а девочек учить не стали. Пусть завидуют!

Домой мы с Васькой вместе пошли и всю дорогу на языке «финти» разговаривали. Когда в трамвае ехали, все вокруг думали, что мы иностранные туристы, и все время на нас смотрели. Я в трамвае Ваську говорю:

— Вафинти, нафинти взяфинти билефинти!

— Не нафинти, — говорит Васька. — Турифинти ефинти без билефинти!

Одна кондукторша разобралась.

«Ладно, — говорит, — вам болтать! Берите билеты!»

Пришлось взять.

А на другой день на первом уроке был немецкий язык. Нужно было дома слова на память выучить. Васька, конечно, ничего не делал. Прибежал в школу пораньше, разыскал Таню Щеглову, нашу круглую отличницу, и давай срочно языку «финти» обучать.

— Зачем это? — спрашиваю. — Язык-то секретный!

— Чудак ты! — отвечает Васька. — Сейчас урок немецкого языка. Меня Ольга Павловна обязательно вызовет. Танька мне на языке «финти» подсказывать будет, учительница не поймет, а я отвечу. Понял?

«Эх, ты, — думаю, — до чего хитер! Может, у них действительно что-нибудь выйдет?»

Тут как раз звонок прозвонил. Ольга Павловна сразу вошла в класс. Она молодая — первый год учительницей работает. В прошлом году сама еще в институте студенткой была, а в нашей школе старшей пионервожатой.

Проверила Зинаида Ивановна ребят по списку и сразу же говорит:

— Ну, Барсуков, иди отвечай!

Идет Васька к доске, а с Тани глаз не сводит, моргает ей.

— Ты домашнее задание выучил? — спрашивает Ольга Павловна.

— Да-а, — тянет Васька, а у самого голова «нег» говорит — так и ходит справа налево.

— Тогда скажи мне, что значит «дэр тыш».

— Дэр тыш... дэр тыш... — бормочет Васька и пялит глаза на Таньку.

А та, как назло, в парте роется и не видит Васькиных знаков. Тогда Васька давай шипеть на языке «финти»:

— Тафинти, чтофинти, знафинти дэр тышфинти?

У Ольги Павловны глаза большие, круглые стали, как у наших девчонок, а потом она платок ко рту приложила, вроде закашлялась. А Танька вертится, как стрекоза на булавке, и не смотрит на Ваську.

— Ну, так что же значит «дэр тыш»? — снова спрашивает Ольга Павловна.

А Васька:

— Дэр тыш... дэр тыш... в переводе значит, ну, это... — И снова давай шипеть: — Тафинти, чтофинти?.. Нуфинти!

Тут у Таньки все тетради из парты на пол вывалились, и она полезла доставать их. Вылезла и тычет пальцем в крышку парты. Всем ясно, что она ему «стол» говорит. А Васька понял так, что она ему намекает: мол, ты тупой, как доска, — и сам давай стучать пальцем в лоб: дескать, у самой голова пустая. Потом махнул рукой и говорит:

— Вы меня, Ольга Павловна, что-нибудь полегче спросите.

Ольга Павловна захлопнула журнал, улыбнулась, встала и отвечает ему на чистейшем языке «финти».

— Яфинти тебефинти стафинти двофинти, и са-
дифинти на мефинти.

Класс так и грохнул от смеха. Васька пошел на место и Таньке кулак показывает. Танька оборачивается и говорит:

— Ты, Васька, тупой, как дэр тыш, вот тебе и пару зафинтили.

С тех пор Ваську в классе «дэр тышем» зовут, а к языку «финти» у всех интерес пропал. Даже сам Васька перестал на нем разговаривать.

Говорящий АВТОМОБИЛЬ

У меня есть большой недостаток — не хватает выдержки. А может быть, у меня ее даже совсем нет. И, странное дело, когда начинаешь думать, кем ты будешь, когда вырастешь, какую профессию себе изберешь, то всюду, оказывается, нужна выдержка. Ну, я понимаю, фотографу без выдержки никак нельзя, без нее снимки не получаются. А зачем, скажем, она нужна инженеру или врачу? Так вот, представьте себе, что даже футболистом без нее не станешь.

Но особенно она важна работникам милиции. В этом я убедился сам.

В прошлом году я в Москве у дяди Сережи гостил. Он лейтенант милиции, в Московском ОРУДе служит. И не просто постовым или участковым, а инспектором-водителем говорящего автомобиля!

А вы знаете, что такое «говорящий автомобиль»? Если не видали, можете пожалеть. Это такая синяя «Победа» с красной полосой по всему кузову и двумя громкоговорителями на крыше. Они, словно две пушки, торчат. Так вот, дядя Сережа на такой машине ездит и руководит всем движением города Москвы. Без него, наверное, одни аварии на улицах были бы. А он останавливает свою говорящую машину на перекрестке и спокойно командует через громкоговорители:

— Гражданин в серой кепке, вернитесь на тротуар!

— Гражданка с двумя авоськами, не нарушайте правила!

— Такси, уйдите с осевой линии!

И все, как один, подчиняются.

А не будь его на посту, наскочил бы гражданин в серой кепке на гражданку с двумя авоськами, а на них — такси с осевой линии... И заварилась бы каша!..

В воскресенье утром будит меня дядя Сережа и говорит:

— Если хочешь со мной на дежурство ехать, вставай!

Я так торопился, что с трудом в рукава рубахи попал, один ботинок прямо на босу ногу надел.

Смотрит на меня дядя Сережа и говорит:

— Спокойно. Спокойно. В нашем деле главное — выдержка. Выдержка должна быть железная!

Ровно в 8.00 выехали мы в говорящем автомобиле на дежурство.

— Едем на самый ответственный участок, на площадь Дзержинского, — сказал дядя Сережа. — Мы туда как раз в часы «пик» попадем: все на работу торопятся — и люди и машины.

У меня сердце заколотилось так, будто вперегон-

ки с мотором побежало. Подъехали мы к площади и стали на перекрестке, против «Детского мира». Посмотрел на меня дядя строго и сказал:

— Сиди молчи. Включаю микрофон!

Сцепил я зубы, чтоб ни звука не проронить, прижался к сиденью и во все глаза смотрю. Народ потоком валит, машины одна за другой. Чуть ли не бодают друг дружку. Вдруг слышу сразу два дядиных голоса: один в машине, другой на площади.

— Внимание, граждане! Соблюдайте правила уличного движения! Переходите улицу только в указанном месте!..

— Гражданка в полосатой кофточке, не стойте на проезжей части. Это опасно для вашей жизни!

— Товарищ полковник на мотоцикле, прекратите двойной обгон!..

Посмотрел я на дядю: может быть, он шутит? Как это, лейтенант — и вдруг полковнику приказывает?! А дядя снова повторяет свое приказание. Тогда я справа от нас и увидел военного полковника на мотоцикле. Косит он с опаской глаза в нашу сторону, а сам тормозит и в затылок «Побед» становится: подчиняется дядиному приказу. Этого я никак не ожидал. Так вот, значит, какая власть у моего дяди! Полковник и тот подчиняется! Эх, жаль, никто из ребят не видит, в какой я машине сижу! А ведь приеду и расскажу — не поверят... Только я так подумал, вдруг, вижу, через площадь Тимка Тихонов идет. Тот самый, что в прошлом году полгода в нашем классе учился, а потом вдруг куда-то уехал. Я не удержался да как заору на всю Москву:

— Тимка! Гляди, в какой машине я сижу!

Тимка остановился, обернулся в нашу сторону, но тут дядя Сережа как подпрыгнет, как зашипит на меня:

— Тш-ш-ш! — одной рукой что-то выключил, а другой рот мне зажал. — Эх, и подвел ты меня! — говорит.

А вокруг нашей машины моментально народ начал собираться. Вдруг дверца открывается и заглядывает майор милиции.

— Что тут происходит, товарищ лейтенант? — спрашивает.

Дядя смутился и отвечает:

— Да вот, товарищ майор... — и кивнул в мою сторону.

— Безобразие! — сказал майор и начал отчитывать дядю.

Тут, я вижу, мой Тимка к машине продирается. Смотрю на него, а это, оказывается, никакой не Тимка, а просто похожий на него мальчишка. Тогда я майору и говорю:

— Товарищ майор, подождите минуточку, не ругайте дядю. Тут ошибка произошла: это вовсе не Тимка!.. Это я незнакомого парня за Тимку принял... Посмотрите сами! А дядя Сережа тут ни при чем. И я не виноват... Зачем он на Тимку похож?

Посмотрел на меня майор, улыбнулся, глаза у него сразу подобрели, и говорит:

— Да, теперь я вижу, кто виноват... Однако чтобы больше этого не повторялось... Меняйте точку, товарищ лейтенант. Здесь вам дежурство продолжать неудобно.

— Ясно, — ответил дядя Сережа.

И мы уехали.

Очень понравился мне этот майор милиции: строгий, но справедливый и добрый. В тот день я твердо решил: вырасту — пойду работать в милицию. Только сейчас главное — выдержку в себе выработать, железную выдержку. И если дядя Сережа меня еще когда-нибудь с собой в говорящий автомобиль возьмет, я ни звука не пророню. Даю слово...

Как я ездили в Сосновку

У меня в деревне Сосновке двоюродный брат живет. Его Тимофеем зовут, он тоже в пятом классе учится. Мы с ним однолетки, а он в два раза сильнее меня: одной рукой на обе лопатки кладет. Только я не об этом...

Очень я село люблю, живую природу: лес, луга, речку и даже огороды. Я ведь сам до семи лет в деревне прожил. Вот закрою глаза и все перед собой, как сейчас, вижу, даже запахи слышу: мят-

ный запах травы, медовый дух гречихи, горьковатый запах сосновой смолы, а от стада так парным молоком пахнет, что даже воздух вокруг теплым становится. Вот я вам рассказываю, а у меня чуть-чуть голова кружится, до того приятно. Вкусные запахи. Весь мир должен так пахнуть. Я, бывало, хожу по городу и приноживаюсь, запахи эти ищу, специально в овощные магазины заглядываю. Но там только солеными огурцами пахнет...

Ну, вот получаю я весной от Тимошки письмо.

«Здорово, Вовка! — пишет он. — И чего бы тебе не приехать к нам в Сосновку? Летом у нас, сам знаешь, как хорошо! На речке запруды поставили, плавай хоть стометровку. Караси клюют — прямо крючки заглатывают. Техники в колхоз столько было, что на территории РТС не помещается. А у нас в школе мастерские открыли, сами тракторы чиним! Хорошая компания собралась! Приезжай, расскажешь нам про всякие новинки, о запуске ракеты. Ты в городе живешь — больше знаешь. Ну, а насчет дороги не бойся. Четыре часа в поезде, а от вокзала до Сосновки теперь колхозный автобус курсирует: еще сорок пять минут — и готово. Так что ждем...»

Потом пишет, что взял на себя обязательство воспитать жеребенка, которого назвал Ракетой, потому что за ним не угнаться, до того резвый. Ну, и дальше про всякие хозяйские дела.

Прочитал я письмо, обрадовался и думаю: «А почему бы действительно не поехать? Одно лето без пионерского лагеря проживу. Зато с Тимошкой на сеновале спать буду, в орешник путешествовать, рыбу ловить...» Размечтался я, а тут и отец пришел. Спрашивает:

— Ну что, согласен?

Оказывается, и он письмо получил.

— Конечно, согласен, — говорю. — Только бы вы меня отпустили.

— Отпустим. Парень ты взрослый, пора тебе и головой и руками узнать, как хлеб добывают. Напишу дяде Семену, чтоб вместе с Тимошкой тебя в бригаду пристроил. Да и окрепнуть тебе не мешает. Не мускулы у тебя, а вата.

— Только я сам поеду, нечего меня, как посылку, туда везти, — заявил я.

— Конечно, сам. И билет сам возьмешь...

И вот второго июля в шесть часов утра взвалил я рюкзак на спину и пошел. Даже матери не разрешил до вокзала проводить. Что я, маленький? Очень нужны мне наставления возле вагона: «Смотри, сыночек, не простудись! Босиком не бегай! Пей молоко...»

...Взял я билет, зашел в вагон, пристроился у окна и поехал. Всю дорогу видами любовался. Вокруг все строится, строится. Станции новые, дома новые. Вдоль дороги лесозащитные полосы тянутся. На Украине зелень особого цвета: яркая, сочная, а солнце в небе, как сто пионерских горнов, — сияет и гремит. Небо глубокое, синее, с переливами. Хлеба на полях еще невысокие, щетинистые, словно ученики, под ежик стриженные. Уже колоски видны. Сейчас стебельки как будто на коленях стоят, маленькие. А пройдет немного времени, обогреет их солнце, напоят их дожди, и поднимутся они в полный рост. Вытянутся. Станут несметными рядами и, как добрые воины, отрапортуют: «Служим советскому народу!»

До чего красиво! Глаз не оторвать...

Я и не заметил, как доехал. Вышел на станцию, вдруг слышу мое имя кричат: «Вовка, Вовка!» — сразу несколько голосов. Я — вправо, влево, вдруг чьи-то руки сзади мою голову, как тисками, зажали. «Угадай, кто?» Конечно же Тимка! И не один — с ребятами. Оказывается, мама все-таки телеграмму дала, чтобы меня встречали.

Ну, перезнакомился я с ребятами, их четверо было: Вася, Никита, Павлик и маленький рыжий Михась, по прозвищу Механик.

Тимошка говорит:

— Еще четверо ехать хотели, да отец на машину не взял, сказал, места мало. А ты знаешь, Вовка, назад на открытой полуторке махнем, — отец тут запчасти для РТС получает!

Скоро и дядя Семен появился. Поздоровался со мной, обнял так, что у меня все косточки затрещали.

От его рубахи бензином и машинным маслом запахло. Потрепал он меня по голове и сказал:

— Айда, хлопцы, на машину!

За станцией уже стояла полуторка с какими-то ящиками. Дядя велел мне, как гостю, в кабину с водителем садиться, но я отказался. Хорошенькое дело: ребята в кузове, а я в кабине?

В общем поехали. Ребята, конечно, меня глазами щупают, изучают. Больше всего на резиновые кеды смотрят. Понравились они им. Потом песни петь стали, пионерские, комсомольские. Тут меня одно дело очень смутило, попал я в невыгодное положение. Оказывается, они знают слова всех песен, а я только по две-три строчки — и точка. А дальше, как рыба, — только губами машу. Между прочим, это у нас, у городских ребят, часто бывает по причине недобросовестности. А вот у них — нет.

Решил я сразу песни свернуть, разговор на другую тему перевести и показать им, что я тоже кое-что знаю, о чем они не ведают. Для этого стал я из рюкзака трубку, маску и ласты вытаскивать и говорю:

— Эту штуку лучше в руках держать. А то раздавится.

А Михась-механик преспокойно говорит:

— Ленинградский акваланг.

Этого я совсем не ожидал.

— Ты откуда знаешь про акваланг? — спрашиваю.

А он обиделся и отвечает:

— Что мы, на таинственном острове живем, что ли?

И Тимошка тут же вставил:

— Да он сам себе не хуже твоего сделал и ружье подводное смастерил!

Однако мой акваланг сразу по рукам пошел. Начали они его вертеть, разглядывать, маску примерять, пока не доехали.

Тетя Оля и бабушка Фрося меня возле хаты ждали.

— Ты гляди, как его вверх потянуло! Уже нашего Тимофея перегоняет! — всплеснула руками тетя Оля.

А бабушка говорит:

— Потом, потом на него насмотришься, нужно ребенку с дороги поесть!

Ну, и начали меня кормить. Одно съем — другое блюдо ставят. Другое поем — третье на столе. Я уже на втором блюде ремень на животе почувствовал.

Тимошка сидит рядом со мной, уплетает и все подмигивает.

— Ты чего моргаешь? — спрашиваю.

А он отвечает:

— Вообще-то у нас в доме самообслуживание. А в честь твоего приезда даже мне подают. Ничего! Завтра сами себе яичницу будем жарить.

Пока мы ели, ребята все в окна заглядывали, а когда вышли, то сразу всей компанией отправились на реку. Ох, и веселое купание было! И ныряли, и заплывы устраивали, и раков ловили — до посинения. Знала бы мама, сколько я в воде просидел — ух, и скандал устроила бы!

Подсушились мы немного на солнышке, и я сразу предложил в орешник пойти за орехами. Стою, жду, что ребята скажут, а они молчат и на Тимофея смотрят. Оказывается, он пообещал им, что я после купания проведу беседу о прилунении советской ракеты. Наговорил им такого, что я чуть ли не видел, как ее запускали, и с ее изобретателями знаком... А я, признаться, забыл, что он мне еще в письме писал: «Расскажешь нам про всякие новинки, о запуске ракет...»

«Эх, — подумал я, — зря не подготовился!» А потом решил: «Не беда, я все равно по радио слушал и, кажется, в «Пионерской правде» читал. Конечно, до села, наверно, не все доходит, вот они и хотят подробности знать. Как-нибудь сойдет».

Сели мы возле школьных мастерских. Ребят набегало человек двадцать, даже девчонки пришли. Сидят, смотрят на меня, как будто я сам с луны прилетел. Я даже оробел немного, а тут Тимошка начал меня представлять, как настоящего лектора. Откашлялся я и начал:

— Ну, и в общем, — говорю, — сперва наши ученые в космос спутники запускали. А потом начали ракеты пускать.

— Правильно, — уныло сказал кто-то из ребят.

А одна девчонка вдруг спросила:

— А что такое космос?

— Космос?.. Космос, — говорю, — это и есть космос. — А сам думаю: «И дернуло меня о нем говорить, если я сам толком не знаю, что это такое!»

Тут меня Тимофей выручил:

— Да тише, Ксанка, не задавай ерундовых вопросов! Космос — это вселенная, пространство, в котором и Солнце, и Луна, и звезды находятся.

— Правильно, — говорю.

Больше мне сказать ничего не осталось. А тут сразу вопросы посыпались, которых я никак услышать не ожидал: «Что такое программный механизм?», «Как устроен контейнер для радиоаппаратуры», «Как устроена сама ракета?»

Ну, думаю, засыпался. Они тут все лучше меня знают! Попробую ответить на последний вопрос — как ракета устроена. И тут, как назло, все технические названия у меня из головы вылетели.

— Ракета, — говорю, — штука очень сложная... Она прежде всего... это, — забыл самое главное слово и сказал: — четырехэтажная.

Ребята захихикали, а Михась-механик махнул безнадежно рукой и говорит:

— Тю-у! Сказал — «четырёхэтажная»! Четырехступенчатая! Вот она как называется...

Провалился я, как последний двоечник на экзамене, и на этом моя беседа об освоении космоса закончилась. Сказать бы мне тут, что я в этих вопросах плохо разбираюсь, и делу конец. Так нет, язык у меня без костей — вру дальше:

— Я, ребята, больше в наземных машинах разбираюсь.

— Так это же нам сейчас больше всего нужно! — обрадовался Тимошка. — Айда в мастерскую! Понимаешь, мы старый трактор ремонтируем и хотим без старшеклассников закончить. Да с мотором никак не справимся...

Пришли в мастерскую, где мотор разобранный стоял, и тут я окончательно был посрамлен. Оказывается, я даже не знал, что значит четырехтактный

двигатель, что такое кривошип и куда вставляются свечи зажигания. Один коленчатый вал сумел показать, да и то не знал, для чего он коленчатым сделан.

Вот тут-то я и почувствовал, что у меня даже уши покраснели. Тимошке за меня тоже стыдно стало. Он попытался что-то сказать в мое оправдание, да ребята расходиться стали.

Всю дорогу домой мы с Тимошкой молчали, за обедом у меня кусок в горло не лез, а тетя Оля меня все время за лоб хватала: «Не заболел ли, часом?»

Вечером ребята все-таки снова пришли. И молодцы же! Сделали вид, будто ничего такого не было. Тут уж я себя сумел на другом оправдать.

— Не думайте, — сказал я, — что у нас в городе все ребята плохо в технике разбираются. Это мой личный пробел, потому что я больше литературой и искусством увлекаюсь. Хотите, я вам что-нибудь расскажу?

— Хотим! Хотим! — закричали все хором.

Пошли мы все в лес, разожгли костер на поляне, и начал я им рассказывать. Сперва — как кинофильмы снимаются (я ведь сам в картине о правилах уличного движения снимался). Потом стихи на память читал, потом целые книжки пересказывал: «Судьбу барабанщика» Гайдара, «Дикую собаку Динго» Фраермана. Они-то сами их читали, но слушали тихо-тихо.

Потом Михась-механик сказал:

— Ты, — говорит, — как артист, читал. Так хорошо, прямо мы все это перед собой видели.

И ребята подтвердили.

Подружился я крепко с ними. Вместе и в поле работали. Тут я тоже не подкачал. Загорел я за лето, окреп. Мускулы у меня от работы вроде камешков стали. Я их каждый раз перед сном щупал и думал: «Теперь отец уж не скажет «вата».

До того хорошо было, что уезжать не хотелось. Ребята меня гурьбой на станцию провожали, обещали писать.

Ехал я в поезде и думал: «Теперь буду технику изучать. Потому что без техники, без умелых рук ни в городе, ни в деревне человеку делать нечего».

Святые СЛЕЗЫ

У нас в классе есть такая Оля Чубасова. Девочка как девочка, вот только болтуня страшная. Всюду она бывала, все она читала, все она знает. Соберет на перемене подружек и давай руками всплескивать: «Ой, девоньки, что я знаю!.. Ой, девоньки, что я видела!» Так вот эта самая Оля

однажды заявила, что ей ночью ангел приснился. Такой красивый, с белыми крыльями и большим пропеллером на спине. Девочки очень удивились, замолчали, а потом тревогу забили: «Почему ангел?», «Откуда ангел?» И правильно сделали, что тревогу забили, потому что там, где ангелы, там и до бога недалеко. А бога, ангелов и чертей на свете нет. Это все знают.

Собрали мы звено и начали выяснять, откуда к ней в сон ангел забрался.

Оля охала, пожимала плечами, а потом вдруг сказала:

— Знаете, ребята, это мне, наверное, просто вертолет приснился.

Все засмеялись, а я подумал: «Нет, тут что-то не так! Тут Оля чего-то не договорила. Оля, конечно, в бога не верит! Но почему же ей такие сны снятся?»

Дома я спросил у бабушки:

— Бабушка, ты в бога веришь?

— Господь с тобой! — сказала бабушка. — Как ты можешь задавать мне такие вопросы? Ты же знаешь, что я член партии с 1922 года!

Я потом пожалел, что спросил ее об этом, потому что моя бабушка действительно в бога не верит, наоборот, она очень активная бабушка. Она на каждых выборах в агитпункте дежурит, а я поддежуриваю ей: газеты раскладываю, объявления развешиваю, в общем бегаю по ее поручениям.

А вот во дворе у нас живет другая бабушка, Василиса Пахомовна. Так та в бога верит. Это точно. Я это еще тогда понял, когда она меня и Павку весной крашеными яйцами угошала. Дома у нее в углу фотография бога висит, а под ней коптилка горит. Сама Пахомовна, говорят, в каком-то соборе служит. К ней даже настоящие попы ходят, бородатые, в длинных юбках.

У Пахомовны-то я и решил все узнать. Прихожу в воскресенье утром, а у нее в гостях поп сидит, она его чаем поит.

— Ну, с чем пожаловал? — спрашивает Василиса Пахомовна.

— Я насчет бога к вам, — говорю. — Вы-то, наверное, знаете, есть он или нет его...

Посмотрела старушка на попа, а он блюдечко с чаем отодвинул и ко мне обращается:

— Похвально, отрок, что господом нашим интересуешься — А потом говорит Пахомовне: — Обязательно своди его, сестра Василиса, в наш собор, приобщи к вере господней. А для убеждения покажи ему животорную плачущую икону богоматери нашей!

«Этого еще не хватает! — подумал я. — Мне, пионеру, в церковь ходить!»

А Василиса Пахомовна говорит:

— Обязательно приобщим, обязательно... Ты, малец, во дворе меня подожди. Я сейчас соберусь и выйду. В собор пойдем.

Выскочил я от нее и тут же хотел сбежать. Но потом подумал: «Нет, отступать не годится. Я пионер и обязан разоблачать религию. А в бога никто меня верить не заставит. Пойду, и все! Чего мне бояться?»

Не прошло и минуты, выходит Пахомовна с попом.

— Идем, — говорят, — на такси сядем — скорее в соборе будем.

— Хорошо, — отвечаю. — Только я позади идти буду, чтобы вам не мешать. (Очень мне нужно, чтобы все видели, как я со святыми по городу расхаживаю!)

Тут поп говорит:

— Лучше впереди шагай: у тебя ноги молодые, быстрее ходят.

А я удираю и не собираюсь, и пошел вперед, и в такси первым вскочил...

Долго мы ехали, пока на окраине не очутились. Заехали во двор, что за собором, и вышли из машины. Василиса Пахомовна посмотрела на батюшку, а потом спрашивает у меня:

— Может, ты для начала благословение примешь?

— А оно не горькое? — спрашиваю. — В пилюлях или порошках?

— Бог с тобой! Что ты говоришь? — всплеснула руками Пахомовна. — До чего дитя темное!.. Тебя батюшка крестным знаменем осенит, перекрестит, понял?

— Э-э, нет! — замахал я руками. — Я не за этим сюда приехал. Вы мне сперва докажите, есть бог или нет, а там видно будет.

— Ладно, — говорит батюшка. — Веди его, сестра Василиса, к слезоточащей иконе, а потом уж ко мне приведешь.

Вошли мы в собор с какого-то черного хода. Прошагали через пустынный зал и попали в небольшую темную комнату. Пока глаза к мраку привыкли, я думал, что пусто в ней, а потом разглядел у стены кучку людей. Еще через минуту начал я различать на потолке и на стенах разные фигуры. Все они были с крыльями и летали или сидели на облаках, как на подушках. Это, конечно, святые были нарисованы. Тут и я подумал: «Вот насмотришься такого, и ночью тебе не только ангелы, но и черти приснятся». А Пахомовна держит меня за руку, крестится и говорит шепотом:

— Здесь она, богоматерь наша. Слезы проливает.

— Где? — спрашиваю я и чувствую, как у меня мурашки по спине забегали. Старушки стоят, что-то бормочут, а воздух вокруг нафталином пахнет.

Отстранила Пахомовна старушку, что передо мной стояла, и увидел я эту плачущую богоматерь. Оказывается, она не живая, а нарисованная, в раме. Глаза у нее большие, печальные, и из них через каждую минутку по слезинке выкатывается. Мне даже немного жалко ее стало. Потом я тихонько спросил у одной старушки:

— Бабушка, а бабушка! Как это делают, что у нее из глаз вода капает?

— Цыц, безбожник! — прошептала старушка. — Это чудо! Это святые слезы, а не вода!

«Но ведь откуда-то они берутся? Не с потолка же текут», — подумал я про себя. Однако вокруг иконы ничего такого не было. Стоял я, стоял, слушал, как старушки бормочут, и скучно мне стало. Вдруг ви-

жу — справа в стене дверь, каким-то ковриком завешена. «Дай, — думаю, — загляну туда. Может быть, там чудеса поинтересней?»

Пахомовна стоит на коленях, молится, обо мне забыла. Я тихонько к двери. Приподнял коврик — и туда.

Захожу, а там еще темнее, чем в комнате, где икона плачет. Начал я присматриваться и вижу, что у самой стены какая-то стеклянная банка висит, а в ней вода. «Может быть, здесь лаборатория какая-нибудь?» — думаю. И тут я увидел, что у банки внизу кран, а от него две резиновые трубки прямо в стенку уходят. Потрогал я кран рукой и чувствую, что он еле-еле откручен. Я страшно не люблю, когда что-нибудь не до конца сделано: взял да и открутил кран полностью. Трубки вздрогнули, выпрямились, и вода в банке стала быстро убавляться. Вот так лучше. Это работа!..

Вдруг, слышу, за стенкой шум поднялся. «Что бы это могло значить? Может, новое чудо? Может, икона заговорила?»

Выбежал я снова в комнату, где икона стоит, и вижу картину: у богоматери из глаз слезы фонтаном бьют, на метра два каждый, совсем как у клоуна в цирке. И лицо ее от этого даже веселей стало, как будто улыбается. А старушки — кто крестится, кто ругается, и все воду с платьев отряхивают.

Хотел я обратно побежать, воду закрутить, но тут почувствовал, что меня кто-то крепко за ухо взял. Обернулся, вижу — Пахомовна. Глаза злые, горят, а сама сквозь зубы цедит:

— Ах, ты, безбожник! Что натворил? Все твоим родителям расскажу, достанется тебе!..

Я уж не помню, как домой пришел. Сначала бежал и волновался, даже оглядывался, не бегут ли за мной, а потом смех меня начал разбирать. «Так вот, — думаю, — как попы чудеса делают!»

Дома я, конечно, бабушке все рассказал. Она мне на это:

— Ну, раз уж ты узнал, как святые слезы делают, так ты и ребятам об этом расскажи.

И недавно на сборе звена я делал доклад «Религия — опиум для народа» и разоблачал поповские чудеса. Когда о плачущей иконе говорил, так даже на доске схему нарисовал: банку с водой и резиновые трубки, по которым «святые слезы» в нарисованные глаза текут. Между прочим, Оля Чубасова с места мне чудеса разоблачать помогала.

Вот я и думаю: «Наверное, сама там побывала...»

Оля-мода

Вы, наверное, решили, что в нашем классе ни одной девчонки нет, потому что я все о ребятах рассказываю. Есть у нас девчонки! И, по-моему, даже больше, чем надо. А недавно из пятого «Б» к нам еще Оля Фост перевели. Для исправления. Не понимаю я учителей. Наш классный руководитель говорит, что худшего класса, чем наш, не придумаешь. Родители считают, что я в этом классе совсем разболтался, а ее перевели для исправления!

Таня Задиранова перед уроком географии ходила в учительскую за журналом и случайно подслушала, что Оля Фост в пятом «Б» всех девчонок испортила. Ну, наши девчонки сразу решили не поддаваться, даже внимания на нее не

обращать. И вот, представьте себе, на следующий день все они вокруг Олиной парты прямо хоровод затеяли. На каждой переменке толкутся, будто там медом помазано. Оказывается, Оля в школу принесла заграничный журнал «Кино», где всякие артисты сфотографированы и моды есть: платья, кофточки, туфли. В общем чепуха всякая.

— Ой, Оленька! Ой, куколка! — пищали девчонки. — Дай хоть одним глазом поглядеть!

Оля дала им журнал и сказала:

— Только не порвите!

Девчонки начали разглядывать фотографии киноартистов. Но они им не понравились.

— Ну и артисты! Какие-то прилизанные, старые.

И все сошлись на одном: что наш киноартист Рыбников, тот самый Рыбников, что в кинокартине «Высота» играет и поет: «Не кочегары мы, не плотники...», в тысячу раз лучше.

Оля ехидно улыбнулась и говорит девчонкам:

— Так и знала, что вы не туда смотрите. В журнале главное — моды! — И открыла журнал на последней странице.

Девчонки смотрят и молчат. Конечно, что они в модах понимают? Ничего! Оля — другое дело. Во-первых, она второй год в пятом классе учится, а во-вторых (мы все это заметили), всегда какие-то фасоны выдумывает, разные косыночки, брошки, финтифлюшки носит.

На большой переменке девчонки целую пресс-конференцию устроили по вопросам мод. И тут Оля им призналась, что собирается стать манекенщицей, то есть живым манекеном, который в Доме моделей по длинному столу ходит и разные платья показывает. Она говорила:

— Музыка играет, а ты ходишь, крутишься, и все тебе аплодируют, как артистке. Надо быть очень культурной, чтобы стать манекенщицей, потому что нужно уметь делать вежливые движения, улыбаться и поворачиваться на каблуках. Никакая география, и арифметика, и даже устная речь не нужны, потому что манекенщицы всегда молчат. Нужно иметь только одно общее образование.

— Как интересно! — запищала Нина Лопухова. Она всегда кричит «интересно», даже когда совсем неинтересно.

Девчонки на нее зашикали, и Оля продолжала:

— И теперь совсем немодно причесываться. Нужно ходить растрепанной...

— Знаю, знаю, — снова запищала Нинка. — Эта прическа называется «Я у мамы дурочка»!

Девчонки прыснули, а Оля сказала:

— Вовсе нет! Такая прическа называется «стиль».

В общем девчонки ничего не поняли, а Оля не успела им объяснить, потому что начался урок.

Павел Афанасьевич вызвал Олю к доске и спросил:

— Ну, как ты себя чувствуешь в новом классе?

— Я себя везде хорошо чувствую, — ответила Оля.

— Это очень хорошо, — сказал Павел Афанасьевич. — Рассказывай, что ты на сегодня приготовила.

— Ничего, — спокойно ответила Оля.

— Почему?

Оля взялась рукой за голову, закатила глаза и сказала:

— Потому что у меня травма.

Это слово мы уже тоже знали, потому что, когда Олину маму вызывали в школу и просили обратить внимание на поведение дочки, она всегда говорила: «У Оленьки травма: нервное потрясение и головные боли. И все это из-за того, что учителя от нее требуют больше, чем от других».

— Я понимаю, — сказал он. — Здесь обстановка для тебя новая. Но ведь у тебя и в пятом «Б» тоже всегда была какая-то травма. Садись, пожалуйста.

Оля ни капельки не смутилась и села на место, а мы все удивились ее нахальству. После урока она сообщила девочкам, что в субботу придет в школу в платье нового фасона, который она сама придумала, и что все они «так и ахнут».

В субботу все и случилось. Она действительно пришла в школу в новом наряде: в розовой прозрачной кофточке и в зеленой юбке. Кофточка была ши-

рока в плечах, а юбка почему-то в поясе делала ее очень толстой. Лакированные босоножки тоже были велики. Когда девочки ее окружили, она торжественно вынула из портфеля серую дамскую сумочку и сказала:

— Заграничная! — Сумочку она тут же спрятала в портфель.

Девочки ничего не сказали, только пожали плечами. Одна Нинка Лопухова, которая даже не видела сумочки, воскликнула:

— Какая прелесть!

Когда прозвенел звонок, в класс вместо Павла Афанасьевича пришла учительница физкультуры Ольга Васильевна.

— Павел Афанасьевич заболел, — сказала она. — У вас будет урок физкультуры. Стройтесь, пойдем в спортзал!

Оля немного заволновалась, но в строй встала и всю дорогу почему-то держалась руками за пояс.

Когда пришли в спортзал, Ольга Васильевна сказала:

— Будем заниматься на шведской стенке. Первое упражнение — преднос. — И показала, как надо делать.

Все страшно обрадовались и по очереди стали делать упражнения. Становились спиной к шведской стенке, брались руками за перекладину и поднимали ноги под прямым углом.

Когда дошла очередь до Оли, она заупрямилась и не захотела лезть на стенку. Тут Таня Задиранова подняла руку и сказала:

— У нее же травма!

— Помолчи! Знаю про эту травму.

Тогда кто-то из мальчишек ехидно сказал:

— Ей нельзя портить фигуру! Ей можно делать только вежливые движения — она будет манекенщицей!

Все засмеялись, а Ольга Васильевна, наверное, не расслышала.

— Не срывай урок, Оля! — строго сказала она.

И Оля, как приговоренная, пошла к стенке. Только она поднялась на носки и взялась за перекладину,

как босоножки свалились с ног. Они ведь были номера на три больше, чем надо! Но это полбеда. Вдруг юбка ее начала удлиняться и опустилась до полу. Оля покраснела, как красный перец, и в зале все притихли. Притихли для того, чтобы набрать побольше воздуха и захохотать. Но засмеяться никто не успел, потому что в зал вошла Олина мама. Она подбежала прямо к Оле.

— Где моя сумочка? — дрожащим голосом спросила она. — Там все документы! Там пропуск в министерство! Я из-за тебя на работу не пошла!.. Боже мой, зачем ты надела мою юбку?! И кофта моя! И туфли!

Дальше рассказывать нечего. В пятый «В» Олю переводить не стали... Потому что пятого «В» в нашей школе нет. К тому же Оля потеряла весь свой авторитет, и все стали называть ее Оля-мода. Вот и вся история. А дружить с ней девочки начали только тогда, когда учительница по домоводству объявила, что Оля хорошо шьет и что у нее хозяйственные способности.

Мой подшефный

ЖУК

Однажды на переменке подошла ко мне наша вожатая Валя и сказала:

— У тебя, Вова, уже целый месяц никаких поручений нет. Что ты думаешь? Ну, стал бы стенкором или ответственным за кроликов. Или хотя бы шефство над каким-нибудь малышом взял...

— Хорошо, подумаю, — ответил я.

Пошел я в класс, сел за парту и начал думать:

«Стенкором я уже был. С кроликами возни много, лучше уж с человеком дело иметь». Тут я вспомнил о своем соседе Валерке, фамилия которого Жук. Очень забавный парнишка. Сам черный, глазки маленькие, хитрые, и непоседа такой, точно у него внутри моторчик находится: ни минуты ему на месте стоять не дает. Ребята его во дворе так и зовут — Жуком. Он и не обижается. Только не любит, когда его беззубая Света по фамилии называет, потому что у нее вместо Жук Зук получается. Ее самое дразнят «Зила Зуцка, злая собацка».

У Валерки отец и мать работают, а он целыми днями по двору гоняет. Вот я и решил: возьму над ним шефство. Доброе дело сделаю, и самому весело будет.

Пошел я после уроков к Жукам и говорю:

— Если вы позволите, я над вашим Валеркой шефство возьму. Буду за него заступаться, сказки ему рассказывать, в кино водить. Я даже специальный план составлю, а наша вожатая утвердит. Так что вы не беспокойтесь. Это ведь лучше, чем по двору кошек гонять.

Отец посмотрел на меня и говорит:

— А ты сам дурных примеров ему подавать не будешь?

Валеркина мама покраснела и говорит:

— Что ты, Павел?! Это же сын Говорковых. Он даже, кажется, хороший ученик.

Я насчет своих отметок ничего не стал говорить, потому что у меня в этой четверти троек больше, чем надо, получилось. А что касается дурных примеров, тут я откровенно признался, что буду за собой следить, потому что сам знаю, как малыши легко их перенимают.

Мне предложили сесть, а Валерка сразу уцепился за мой рукав и начал на радостях прыгать и кричать:

— Будем шефствовать-путешествовать! Будем в кино ходить! Я давно в кино не был...

— Добро, — сказал отец. — Если ты, Вова, такой хороший парень, то, кроме спасибо, тебе за это ничего не скажем.

— Конечно, конечно, — засуетилась мама. — Ты нам окажешь большую услугу. — Она тут же достала из сумочки двадцать копеек и дала их мне. — Вот возьми. Если у тебя по плану будет культпоход в кино, то пусть и деньги будут.

Я взял деньги и сказал:

— Пожалуйста, я с удовольствием... Мне не трудно.

На другой день иду из школы домой и думаю, какие уроки раньше делать: алгебру или сочинение писать?.. Вдруг, смотрю, навстречу Жук летит.

— Вовка! Вовка! — кричит. — Правда, мы сегодня в кино пойдем?

— Почему сегодня? Я еще даже план не составил.

— По плану — кино! — говорит Жук. — Нам же мама деньги дала!..

И приготовился плакать. Мне его жалко стало. Он, бедный, один во дворе целый день скучает. «Ладно, — думаю, — раз он так просит, надо идти. Сейчас еще на детский сеанс успеем». Хотел я ему сказать, что согласен, да посмотрел на него, и тошно мне стало: грязный он, как поросенок, будто носом землю рыл.

— Вот что, — говорю, — если хочешь, чтобы мы в кино пошли, сбегай домой и умойся.

— Тогда мы опоздаем! — заупрямился Жук. — Я лучше здесь умоюсь. И показал на дворника, который из шланга двор поливал.

Не успел я Жука остановить, как он побежал прямо к струе, начал ловить руками воду и мазать по щекам. Всю грязь по лицу размазал.

«Так дело не пойдет, — решил я. — Надо самому его умыть: мне, как шефу, это положено». Подбежал я и тоже начал воду ловить. Тут кто-то дворника позвал, он отвернулся, шланг опустил, и нас окатило с головы до ног.

— Ну, что теперь будем делать? В таком виде идти нельзя, надо просохнуть.

— Ага, просохнуть! — захныкал Жук. — По дороге просохнем, по дороге даже скорей... — И давай тянуть со двора.

Вышли на улицу. Жук сразу повеселел. Начал

скакать, что-то выкрикивать, потом сам взял меня за руку и говорит:

— Ты меня, Вова, покрепче держи, потому что я все время на мостовую хочу сбежать.

Я ему руку так сдал, что он даже запищал.

А тут новое дело. Увидел Жук трамвай и кричит:

— Надо сесть в трамвай. Скорей доедем!

— Куда же тут ехать? Кинотеатр рядом.

— Все равно надо ехать! — уперся Жук. — Надо! Надо!

«Ладно, — думаю, — заодно и покатается. Запишу как мероприятие».

Стали в очередь, а Жук тянет вперед, к передней площадке, и кричит:

— Идем через переднюю! Тебя с ребенком пропустят. Даже папу со мной пускают!..

Нас действительно впустили.

— Стой здесь, — говорю ему.

— Нет, сядем! С детьми нужно сидеть!

Тут как раз нам места уступили. Пришлось сесть.

Кондукторша с конца вагона кричит:

— Граждане, кто вошел через переднюю площадку? Передавайте на билеты!

— Сиди и помалкивай, — моргаю ему. — Нам всего одну остановку ехать. — А сам в кармане деньги щупаю. Там ровно двадцать копеек. Если взять билеты — в кино не попадем.

— Возьми билеты! — закричал Жук. — У меня больше метра росту.

Вдруг какая-то тетушка стыдить меня начала:

— Ай-яй-яй! Сам без билета едешь и меньшого учишь!

Я, конечно, немедленно деньги передал. Тут как раз трамвай остановился. Жук кричит: «Приехали, приехали!» — и к дверям. Я его за руку.

— Стой, а сдачу! Сдачу! — кричу кондукторше.

Трамвай снова пошел. Жук руку выдернул и к дверям: чуть на ходу не соскочил. Меня аж в пот бросило.

Сошли на второй остановке. Два лишних квартала проехали. Обрато идем. «Ну, — думаю, — уж лучше

бы с кроликами возился, чем с таким Жуком дело иметь. Больше никогда с ним в трамвае не поеду».

Наконец пришли в кино. Я ему и говорю:

— Если на картину не попадем, не обижайся.
У нас денег только на один билет осталось.

— А нас на один пропустят. Я же маленький.

— Теперь-то ты маленьким стал. А знаешь, что на детские сеансы даже трехлетнему клопу билеты брать надо?..

Картина шла «В мире безмолвия», цветная, приключенческая, про глубины океана. Наши ребята смотрели, говорят, сильная вещь. «Эх, — думаю, — жалко будет, если не попадем». В общем встал я в очередь и, конечно, только один билет взял. Потом пошел на разведку, посмотреть, как контролерша пускает. Вижу, не очень придирается, но билеты у каждого спрашивает. Начал я строить планы: «Если билет в левую руку возьму, а Жука правой держать буду, будто он мой младший братишка, может, пропустит».

Взял я Валерку за руку и говорю:

— Пригнись и помалкивай.

— Хорошо, — шепотом отвечает Валерка. — А где наш билет?

— Тише, у меня.

— Дай его мне!

— Нельзя, не пустят!

— Отдай! — закричал Жук. — Это мой билет! Моя мама деньги давала! — И вырвал билет.

Не успел я оглянуться, как он уже контролерше его протянул. Та порвала его, Жука пропустила и ко мне обращается:

— Давай билет, чего смотришь?

— Я с ним, — говорю. — Мы вместе...

Посмотрела контролерша на меня сердито и срамит начала:

— И не стыдно? Такой здоровый, а к малышу примазываешься! Он вдвое меньше тебя и то с билетом идет!..

Мне очень стыдно стало. Я покраснел и говорю:

— У нас денег не хватило... Мы вместе, честное слово...

Вдруг из зала голос Жука раздался:

— Тетенька, он со мной! Он мой подшефный! Он маме обещал!..

Тут ребята сзади как нажали — я и влетел прямо в зал. Контролерше не до меня было, она у других билеты проверять стала. Догнал я Жука и со злости щелчок ему в лоб закатил. А он хоть бы что, смеется. Побежал в первый ряд и кричит:

— Вовка, сюда! Тут место есть!

Я подхожу, а там всего одно место. Слева девчонка сидит, а справа — какой-то верзила. Жук на свободное место сел и давай верзилу сталкивать.

— Вставай! — кричит. — Здесь Вовка сядет!

— Отстань, я раньше занял.

— Нет, встань! Надо маленьким уступать! — И лезет в драку, машет кулаками и кричит: — Я Вовке скажу! Он тебе задаст! Он за меня заступается... Вовка! Вовка!

Верзила как посмотрел на меня, так у меня мурашки по спине побежали. «Все равно, — думаю, — если драться придется, не отступлю, а то у Жука весь авторитет потеряю». К моему счастью, свет погасили. Схватил я Жука и потащил в пятый ряд — там места свободные были. «Довольно, — решил я, — завтра другое поручение себе возьму, а сегодня уж как-нибудь домучаюсь».

Кино началось. «Ну, — думаю, — Жук меня больше беспокоить не будет».

Очень интересные события пошли на экране. Люди, как рыбы, по дну океана плавают, с рыбами хороводы водят... Жук тоже шею вытянул, смотрит. Не прошло и минуты, чувствую, меня кто-то локтем в бок — толк, толк. Оказывается, это Жук в своих карманах роется.

— Сиди не вертись! — приказываю.

А он протягивает мне что-то блестящее и говорит:

— Вовка, смотри, у меня шарики есть! Настоящие, серебряные!

«Откуда, — думаю, — у него серебро может быть?» Хотел посмотреть, да в темноте промахнулся, выбил шарики из его руки. Жук как заревет:

— Отдай мои шарики! Я их от кровати отвинтил!
Меня отец ругать будет!

— Ладно, молчи, потом найдем!

— Не хочу потом, сейчас давай! — И полез под стулья искать.

Ну и пусть ищет! Не стану же я из-за него картину пропускать! И так много прозевал...

В передних рядах шум поднялся: ребята ерзают, ногами стучат. Какая-то женщина спрашивает:

— Чей это ребенок под стульями лазает?

Я говорю:

— Это мой ребенок. Он сейчас вылезет, только шарики найдет.

Во втором ряду какая-то девчонка закричала: «Не щипайся!» — и ногами на стул вскочила. Задние начали кричать: «Садись! Ничего не видно!»

Тут из-под стульев рев Жука слышался. Видно, кто-то его ногой ударил. Подошла билетерша и говорит:

— Сейчас же уберите ребенка, а то зажгу свет и выведу!

Пришлось мне под стулья лезть. До третьего ряда долез. Ребята ругаются, ногами толкают.

Нашел я, наконец, Жука и давай тащить его на место. А он кричит:

— Не пойду! Я только один шарик нашел!

Сверху паренек спрашивает:

— Чего он там ищет?

— Шарики, — говорю, — серебряные. Потерял.

— Я ему два дам, только пусть убирается отсюда поскорей.

И действительно, два шарика дает. Я их сейчас же Жуку сунул и тащу его на свои места. Наконец сели.

--- Теперь, — говорю Жуку, — замри. Иначе до- мой отправлю.

Он успокоился.

«Все, — думаю, — теперь ни за что с ним больше дела иметь не буду. Хватит, нашефствовался. Завтра же пойду к Вале и скажу: пусть любое поручение дает, самое тяжелое. На все пойду, только бы развязаться с Жуком».

Наверное, еще одна часть прошла. Уже показали, как черепашонки народились и в воду побежали, а Жук все молчит. Не похоже это что-то на моего Жука. Посмотрел. А он спит. Голову на грудь уронил и посапывает. У меня прямо гора с плеч свалилась. «Вот, — думаю, — повезло!» Всю картину до конца спокойно досмотрел.

Когда свет в зале зажгли и ребята зашумели, Жук проснулся.

— Где мы? — спрашивает.

— В кино, — говорю.

Он как заревет:

— А где картина? Хочу смотреть картину! — И слезами заливается.

С трудом его выволок из зала. Хотел ему сказать: «Ищи себе завтра другого шефа!» — но вдруг почувствовал, что мне его жалко. Он же все-таки маленький, глупый. И потом я сам виноват, что так получилось: я же с ним никакой воспитательной работы не провел.

— Успокойся, Валерка, — говорю. — Завтра снова пойдем эту картину смотреть.

Жук обрадовался, начал в ладоши хлопать, прыгать. А потом повис у меня на шее и поцеловал прямо в нос.

— Ты, — кричит, — хороший, добрый! — и все прижимается ко мне.

Хотел я ему сказать, что мы еще и в зоопарк с ним пойдем, да не смог: горло сдавило, и в глазах почему-то защипало. «Как же это я от Жука собирался отказываться?!» Опустил я руку в карман и нащупал четыре копейки — сдачу, что от трамвая осталась.

— Сельтерской с сиропом хочешь? — спросил я Жука.

— Хочу!

Взял я ему стакан с клубничным сиропом. Отпил Жук немного и мне протягивает.

— На, пей. Я тебе больше половины оставил.

— Сам пей. Не хочу, — говорю ему и думаю: «Добрый он. Будет у нас дружба».

И не ошибся.

День САМОУПРАВЛЕНИЯ

В нашем лагере в каждой смене бывает День самоуправления. Кто пионер, тот знает, что это значит. В такой день все ребята заменяют взрослых: становятся водителями, педагогами, врачами, поварами и даже начальниками лагеря. А все взрослые становятся пионерами — нулевым отрядом. Это очень важное и полезное мероприятие. В такой день видно, кто на что способен. А кроме того, очень весело.

Я хочу рассказать о нашем Дне самоуправления и какая должность была мне поручена.

Произошло все так. По специальному приказу были распределены должности. Коля Шибук из первого отряда назначен начальником лагеря, Валя Сомова, наш председатель совета дружины, — старшей пионервожатой, Женя Куц — дворником, Мая Сахарова — биологом, а все председатели совета отрядов стали вожатыми. В нулевом отряде, у взрослых, председателем стал Иван Филиппович, начальник лагеря, а Рая, старшая вожатая, просто звеньевой. Вчера на вечерней линейке был зачитан приказ, а сегодня чуть свет началось самоуправление.

Но самое смешное то, что нашего музвоспитателя Абрама Соломоновича назначили Ваней Уховым. А Ваня Ухов — это никто, просто пионер, причем самый отъявленный бузотер в лагере.

Абрам Соломонович маленький толстый и лысый. Он с самого утра начал бегать в трусиках по лагерю и мешать дворнику Жене Куцу подметать дорожки. Точно как Ваня...

И все-таки это тоже не самое смешное. Самое смешное произошло тогда, когда пришел я на распределение должностей. Я опоздал на вечернюю линейку, потому что мне в санчасти перевязывали ногу, которую я еще утром разбил. Навстречу мне выбежала Нинка Глаз и ехидно объявила: «Вовка, поздравляю, тебя назначили шефом!» Я сначала обрадовался, думал — начальником лагеря, оказывается, меня назначили шеф-поваром. Я никогда не мечтал о такой работе. Девчонки начали хихикать, шушукаться и пальцами на меня указывать. Я бы уж лучше согласился стать главврачом. Тогда бы я назначил в этот день уколы, и Нинке Глаз велел бы сделать сразу три: в руку, в спину и еще в одно место. Чтобы не ехидничала...

Ну, назначили так назначили. Я от поручений никогда не отказывался, поэтому решил делать все добросовестно.

Прямо с линейки пришлось идти в бухгалтерию составлять на завтрак меню. Прихожу, а там уже вертятся Толька Брикин и Зина Гладышева. Кроме

них, никого нет. Оказывается, Толька назначен главным бухгалтером, а Зина — кладовщицей. Толик сидит с важным видом за бухгалтерским столом и на счетах костяшки перебирает: шелкнет и кричит «дебет», «кредит», «сальдо», «але оп». Орет сам не знает что, потому что «сальдо» — это вовсе не сальто и нечего «але оп» кричать. Вообще у Брикина с алгеброй никогда не ладилось, всегда на троечках выезжал. А тут вам, пожалуйста, главный бухгалтер!.. Зина подходит ко мне, заламывает, как артистка, руки и говорит:

— Ой, Вовочка, что я буду делать? В складе замки не исправлены, а я материально ответственное лицо за все продукты!

«Ну и артистка! Знает же, что это игра и ни за что она не отвечает, а строит из себя какое-то чучело».

Я хотел ей это сказать, но тут как раз настоящий кладовщик, Захар Петрович, явился. Толька Брикин как вскочит из-за стола, как закричит:

— Захар Петрович, вы уже больше не кладовщик!..

Захар Петрович побледнел, а когда Зина сказала, что кладовщицей назначили ее, успокоился.

Потом пришли главный бухгалтер и повар. Нас попросили подождать, пока они все обсудят, а потом нам доложат.

Ничего особенно на День самоуправления готовить не собирались, только к обеду на третье решили впервые дать клубнику, потому что Захар Петрович сказал, что она у него больше лежать не может. Если клубнику не впишут в меню, то он должен будет составить акт и выбросить ее. Вписали. Потом предупредили, чтобы мы к шести утра были на местах, иначе завтрак и обед запоздают.

Я пошел проводить немного шеф-повара Павла Васильевича. По дороге он мне сказал, что за завтрашний день очень волнуется.

— Питание — это не шутка! А когда под руками лишние люди вертятся, то можно такое наварить, что сам есть не будешь. Меня же каждые полчаса будут таскать на всякие лекции и массовки... Ах, как будто не понимают, что все держится на питании... Роди-

тели чего требуют? — спросил он у меня и сам ответил: — Килограммы!

Я хотел ему сказать, что питание не самое главное, а важней всего воспитание и закалка, но промолчал, чтобы не обидеть его. Потом вежливо попрощался и сказал:

— Вы, Павел Васильевич, не волнуйтесь, я не опоздаю и буду вам очень помогать.

Когда я прибежал к своей палатке, то меня там ожидало человек пять лагерных обжор.

— Вовка, — требовали они. — Ты гляди, чтобы у нас полные порции были. И чтобы на добавки не скупились... По два раза давали!..

— Ладно, — сказал я. — По три порции каждому дам. Что мне, жалко, что ли?

Потом я долго не мог заснуть, вертелся и думал о том, какая тяжелая работа у шеф-повара Павла Васильевича и вообще у всех, кто на кухне трудится. Каждый день в шесть часов утра поднимаются и целый день у горячей плиты стоят... И мама тоже. Она, прежде чем на работу пойти, завтрак мне готовит, после работы обеды варит, сразу на два дня. А в выходной день на рынок идет и полные авоськи оттуда тащит... Как я раньше этого не понимал?! Очень тяжело маме. Вот завтра посмотрю, как все варится, научусь, а приеду домой, буду матери помогать...

Больше, кажется, я ни о чем ночью не думал, потому что, когда Зина меня утром разбудила, я снова о маме вспомнил.

— Как тебе не стыдно! — кричала Зина. — Из-за тебя вся работа на пищеблоке стоит! Ты что, забыл, что ты шеф?.. Я уже два часа продукты выдаю, а принимать некому.

Сначала я не понял, чего она от меня хочет, про какой-то пищеблок орет. Я ведь еще не знал, что это кухня в лагере так называют. Потом, когда увидел, что вокруг меня ребят нет, а из столовой шум доносится, сразу понял, что проспал. Оказывается, уже все с линейки на завтрак пошли, а про меня забыли, думали, что я давно на кухне работаю.

Пробежал я за палатками на хозяйственный двор, чтоб меня никто не видел, а оттуда уже на кухню

пробрался. Прихожу, а Павел Васильевич смотрит на меня с удивлением и спрашивает:

— Ты кто такой? Тебе что здесь нужно?

Ну, я ему напомнил, кто я и зачем пришел.

— А-а-а! — припомнил Павел Васильевич и забеспокоился. — Ох ты, беда моя! Тебя-то здесь и не хватало! И что за день такой? — А потом махнул рукой и говорит: — Ладно, иди получай халат, колпак и приходи сюда, к делу пристрою.

Получил я халат, колпак и пришел на кухню. Пришел, а Павел Васильевич снова меня не узнал. Потом вспомнил и говорит:

— Ты все равно опоздал, так пойдй погуляй, пока обед закладывать не начнем.

Вышел я в столовую. Ребята завтракают. Увидали меня и давай кричать:

— Молодец, Вовка! Ух, и макароны вкусные у тебя получились! И творог сегодня не кислый...

Я хотел им сказать, что завтрак без меня варился, да не успел: меня позвали к столу, где нулевой отряд сидел. То есть все взрослые.

— Товарищ шеф-повар, надо бы нашему отряду добавки дать. Видите, какие у нас пионеры большие? — сказал физрук и протянул пустую тарелку. Вожатые тоже стали требовать добавки. А Абрам Соломонович, тот, который теперь Ваней Уховым стал, начал по столу ложкой колотить и согнул ее. Подошла к нему Валя Сомова и, как старшая вожатая, потребовала, чтобы он вышел из-за стола. Все за него заступились, говорят: «Ваня не виноват: ложки такие, что сами от ветра гнутся». Это они как раз правду сказали: ложки у нас в лагере никудышные, тонкие, как бумага, а вилок вообще не дают, боясь, чтобы мы не покололись...

В общем пошел я на кухню и говорю Павлу Васильевичу:

— Нулевой отряд добавки просит.

Павел Васильевич сердито на меня посмотрел, а его помощница, тетя Феня, говорит:

— Пусть понесет им добавки. Ему для авторитета это нужно, — и навалила мне целую миску макарон с сыром.

Увидали ребята, что я вожатым добавку несу, и давай орать:

— А нам чего не несешь?

— Ты же обещал!

— Даешь добавку!..

Что же вы думаете, я им макарон не раздобыл? Четыре миски добавочных! Сам не знаю, что на ребят нашло! В другой день так от одной порции остается, а сегодня все под чистую подъели.

Не помню, кто первый крикнул: «Качать нашего шефа!» Ну, и начали меня ребята швырять под самый потолок. Бросают и выкрикивают:

— Благодарность ему вынести!

— На линейке отметить!

— Вызвать к спуску флага!..

Еле живого отпустили. Один рукав у халата наполовину отпорол, на колпак ногой кто-то наступил. Наконец разбежались. Тут я почувствовал, что сам есть хочу. Я ведь еще ничего не ел, только другим носил. Пришел на кухню и спрашиваю у тети Фени:

— Мне завтракать полагается?

— А разве ты не завтракал? — спрашивает.

— Нет еще, — говорю, — не успел.

— Господи, дитя-то голодное! — засуетилась тетя Феня. — А ведь в кастрюлях-то ничего вареного не осталось. Все на добавки роздали. Ты хоть хлебушка перекуси. Вот ведь работа у нас с тобой какая! Других кормишь, а самому перехватить некогда...

Поел я хлеба с чаем и жду, что мне делать прикажут. Вдруг вижу, Зинка тащит корзину с клубникой.

— Скорей, — кричит, — надо ее чистить! А то она вся раскисла!

Помог я ей корзину к зеленщицам дотащить. Заходим в зеленную, а там много корзин с клубникой. Ребята сидят и чистят ее. Хвостиков целую гору нащипали, а клубники почти не видно. Догадаться не трудно, куда она девалась: все у них на лице написано.

— Бессовестные! Бессовестные! — закричала Зинка. — У меня на складе больше ни одной корзины не осталось! Вы всю поели!

А краснолицые ей отвечают:

— Мы только гнилую едим. Ее же к столу подавать нельзя. Можешь сама попробовать...

В это время раздался голос Павла Васильевича:

— Всем по местам! Закладываем обед!

Я, конечно, немедленно побежал на кухню. Павел Васильевич посмотрел на меня и спрашивает:

— Чего тебе надо?

Я снова напомнил ему, что я шеф-повар.

— Ох, извини, забыл! Видишь, сколько тут мороки? — сказал раскрасневшийся от жары Павел Васильевич. — Ты стой в сторонке и смотри, учись. Если бы раньше пришел, я бы тебе все подробно рассказал, а теперь сам наблюдай. Вот это борщ...

Повар начал бросать в большой котел нарезанную капусту, свеклу и картошку.

— Борщ — главное блюдо в обеде! Гляди, сколько витаминов! — Он поднял черпаком целую гору нарезанных овощей.

Но на этом лекция закончилась. В кухонное окно заглянула Валя Сомова и обратилась к Павлу Васильевичу:

— Пионер Бирюков, почему вы не на беседе? Весь нулевой отряд в сборе, только вас нет. Сегодня Владимир Говорков шеф-повар, а не вы.

— Что еще там за беседа? — спросил Павел Васильевич, вытирая передником руки.

— Как раз по вашей части. Пионерка Света Гусакова будет рассказывать о китайской кулинарии. Она с отцом целый год в Китае прожила, ее отец тоже повар.

Павел Васильевич широко раскрыл глаза, потом посмотрел на будильник, что стоял на полочке, и сказал:

— Как же, как же! Обязательно надо послушать!.. Ну, а раз ты шеф-повар, — обратился он ко мне, — то вот тебе соль и через полчаса бросишь ее в борщ. — При этом он всыпал в белую кастрюльку почти целую пачку соли. — Гляди же, не забудь! — бросил он на ходу и уже с улицы снова крикнул: — Феня, погляди за борщом!

Возле плиты стоять было жарко. Плита на пищеблоке большая, напоминает машинное отделение на

пароходе, а шипение шкварок похоже на шум поршней. Я поставил кастрюльку с солью возле будильника, а сам отошел в сторонку, подальше от плиты.

Вдруг подошла повариха тетя Феня. В руках она держала тарелку, а на ней лежали большие кости, и от них шел очень вкусный пар.

— Вот это тебе за усердие, — сказала она. — Гляди, какие мослы! Здесь одних мозгов на нас двоих хватит. Иди в столовую погрызи, а я уж сама за всем присмотрю.

Я глянул на часы и спокойно пошел в столовую. Целых двадцать пять минут надо было ждать, чтобы сыпать соль в борщ.

На костях было много мяса. Ко мне присоединился Пашка Снегирев, и мы вдвоем обработали кости снаружи и внутри. Тетя Феня была права: мозга было много, и был он очень вкусным.

— Знаешь, как эти кости называются? — спросил я у Пашки.

— Кости, и все тут.

— Эх, ты! Это ж мослы! Понимаешь?

— Нет, — сказал Пашка. — А я и сам до сегодняшнего дня все забываю спросить, почему они мослами называются.

Долго мы с Пашкой болтали. Я ему рассказывал, как пищеблок устроен и почему пища вкусная бывает. Больше, конечно, выдумывал, потому что сам ничему не успел еще научиться.

О соли вспомнил только тогда, когда протрубил горн и отряды двинулись в столовую. Вскочил я, побежал на кухню, схватил с полочки соль и бросил ее в борщ. Хотел еще черпаком помешать, да, пока искал его, кастрюлю унесли к окошку, где выдача происходит, и стали разливать по тарелкам.

Тут как раз Павел Васильевич пришел.

— Ну, молодец докладчик! — говорит. — Очень интересно про китайскую кухню рассказала. Девчонка дело знает. Я бы еще слушал, да регламент у нее кончился... Ну, а у тебя как дела, шеф-повар?

— Все в порядке! — говорю я.

— Тогда гуляй, — сказал Павел Васильевич и выпроводил меня в столовую.

Дежурные уже борщ по столам разнесли, и разговоры утихли. Заработали ложки. Пошел я между столами и смотрю, как ребята едят. Хожу и думаю: «Сейчас опять хвалить начнут. Тут уж я им скажу, что борщ сам варил». Только ребята почему-то сопят и косо на меня смотрят. А кое-кто ложки бросил. За столами младших отрядов шум начался. Я подошел к Пашке Снегиреву и спрашиваю:

— Ты чего борщ не ешь? Мослов объелся, что ли?

— Сам ты объелся! Ты лучше свой борщ попробуй. А тогда спрашивай.

— Ну и попробую...

— Попробуй, попробуй! — раздалось со всех сторон.

Взял я у Пашки ложку и хлебнул борща из его тарелки. Проглотил и чувствую, что всего меня внутри обожгло — чистая соль. Я хотел улыбнуться, но меня, видно, здорово перекосило, потому что ребята смеяться начали.

— Ну что, вкусно?

— Лезь в тарелку — соль добывай!

— Знаменитый шеф-повар!

А настоящий Ваня Ухов подошел, хлопнул меня ладонью по затылку и крикнул:

— Пересол на спине!

Тут все заорали: «Пересол на спине!» — и давай меня дубасить. В это время в столовой появились Павел Васильевич и Феня.

— Что случилось? За что они тебя? — спрашивает Павел Васильевич.

— За то, что борщ соленый! — говорю.

— Как?! — возмутился Павел Васильевич. — А где вы были, Феня!

— Как это где! — обиделась тетя Феня. — Вы же мне велели за борщом присмотреть. Я солила и пробовала...

Тут мне все ясно стало. Выходит, пока я с Пашкой эти самые мослы грыз, тетя Феня борщ варила. Она же не знала, что Павел Васильевич это мне поручил. Вот мы вдвоем борщ и посолили.

А ребятам что? Они знают, что я сегодня шеф-повар, ну и давай меня за пересол благодарить по спине.

С третьим блюдом тоже чепуха вышла. Ребята на кухне так клубнику почистили, что ее только на три младших отряда хватило.

Павел Васильевич положение исправил. Он срочно из кладовой яблок выписал. И по две штуки тем дал, кому клубники не хватило.

После обеда время быстро к вечеру катится. В играх и массовках принимали участие все «пионеры» нулевого отряда. А на лагерном стадионе состоялась футбольная встреча: нулевой отряд с десятым играл, с самыми маленькими. Ну и смеху было!

На всех участках все благополучно прошло. В палатках и домиках чистота была образцовая, на территории ни один родитель не проник, и все ребята проявили себя как отличные вожатые, педагоги и хозяйственники. Вот только со мной эта неприятность случилась. Хотел мне за это Коля Шибук, как начальник лагеря, на вечерней линейке выговор закатить, но слова попросил Павел Васильевич и сказал, что Владимир Говорков не виноват, что вся вина на него одного ложится.

К торжественному спуску флага вызвали пионера нулевого отряда Ваню Ухова, то есть Абрама Соломоновича. Это всех удивило, потому что настоящего Ухова не за что было к мачте вызывать. Оказывается, Абрам Соломонович не смог долго бузить. Он по натуре человек спокойный и вежливый, без дела сидеть не мог, поэтому за время «тихого часа» он сочинил новую походную песню для нашего лагеря. И слова и музыку сам написал. За это его и вызвали к спуску флага. Нулевой отряд, уходя с линейки, пел эту песню. Там в припеве такие слова были:

Цвети, как весной,
Наш лагерь «Лесной»...

Ребятам очень понравилась новая песня, и вообще все остались Днем самоуправления довольны. Даже я.

У нас в пионерском лагере на хозяйственном дворе работал конь. Не очень старый, но очень тощий: все кости сосчитать можно. Этого коня нам подшефный колхоз на лето одолжил, потому что для тяжелых работ он уже не годился. А в лагере на нем всякую легкую поклажу возили: постельное белье, матрацы, койки, продукты и другую мелочь.

Заведовал конем комендант лагеря, дедушка Василий: он и ездил на нем и кормил его. Звали

коня Росинантом. Кто и когда ему такое прозвище дал, неизвестно, только он на него охотно откликался. Крикнешь несколько раз: «Росинант! Росинант!..» — покажешь ему хлебную корочку, и он сразу подойдет... Я книгу про Дон-Кихота читал и знаю, что доблестный рыцарь ездил в походы на своем коне Росинанте, а его оруженосец Санчо Панса — на осле, таком же толстом, как он сам...

Городские ребята часто бегали на хозяйственный двор, чтобы посмотреть на Росинанта, подарить ему хлебную горбушку или пару морковок. В городе теперь редко лошадь увидишь, их автомобили вытеснили.

Прибежал я как-то с Пашкой Снегиревым на хозяйственный двор, чтобы покормить Росинанта с рук сахаром. Я уж и не помню, где Пашка пять кусков сахару раздобыл. Прибежали. Смотрим, стоит Росинант, запряженный в телегу, голову опустил, а дедушки Василия нету. Кладовщик бегаёт вокруг, хлопает себя руками по бедрам и кричит:

— Вот чехарда! Вот чехарда! Василий заболел, некому в колхоз за картошкой ехать. У меня сейчас выдача продуктов, а на обед картошки нету... Беда, беда!..

Мы с Пашкой переглянулись и сказали кладовщику:

— Разрешите, мы поедем? Мы в колхоз каждую неделю ходим, дорогу знаем.

— Э-э-э, дорогу-то он и сам, без вас знает, — сказал кладовщик и хлопнул Росинанта по костистому крупу. — А вот вас-то кто из лагеряпустит?

Тут как раз подошла наша старшая вожатая Рая. Мы ей все подробно объяснили и сказали, что будем нести полную ответственность и за коня и за картошку.

— Нужно ехать, — сказала Рая. — Без картошки оставаться нельзя. Только кто ее вам в колхозе даст?

— Дадут, им дадут, — сказал кладовщик. — Я уже все оформил, только получить осталось. Им и погрузят, не беспокойтесь...

— А я не за них беспокоюсь, — сказала Рая. —

Они никуда не денутся. А вот сумеют ли с конем справиться? Успеют ли вернуться, чтобы картошка к обеду поспела?

Тут уж мы наперебой начали старшую жога-тую уговаривать:

— Справимся, не маленькие! Только бы нам позволили...

— Ладно, езжайте, но никуда с дороги не сворачивайте. Если за час картошки не привезете, все без обеда останутся. Поняли?

Мы страшно обрадовались. Пашка спрятал сахар в карман и говорит:

— Это на потом! Будем в дороге коня поощрять, чтоб лучше нас слушал.

Мы вскочили на телегу и вместе схватили вожжи.

— Я буду править! — заявил Пашка.

— Почему это ты?

— А потому, что, во-первых, сахар мой. А во-вторых, когда я у дедушки в деревне был, научился конем править... Вот если вожжи влево дернуть, он влево пойдет, если — вправо, он вправо пойдет.

Росинант посмотрел синим глазом на Пашку и утвердительно кивнул головой. Мне пришлось согласиться.

— Но, но! — крикнул Пашка и хлопнул коня вожжами по спине.

И мы тронулись.

— Вот выедем за территорию, заставлю его рысцой бежать, — сказал Пашка.

— Слушай, Пашка, — спросил я, — а почему Росинант все время голову опущенной держит?

— Кто его знает? Может, потому, что дедушка Василий заболел...

Как раз на этом слове Росинант остановился.

— Вот видишь! — говорит Пашка. — Все понимает!

Мы потом четыре раза хором «но» кричали, пока снова не двинулись с места. Но зато, когда выехали на дорогу, до самого колхоза ни разу не останавливались.

Пашка сидел, как заправский возчик, намотав вожжи на руку, а я, чтобы не было скучно, расска-

зывал ему о рыцарских подвигах Дон-Кихота. Рассказал ему, как он с мельницами воевал и как его одна мельница вместе с конем над землей крутила.

— Дурак он, твой Дон-Кихот, — сказал Пашка. — Разве можно так с конем обращаться?

Тут мы как раз к балке подъехали, дорога вниз под гору пошла, и Росинант побежал рысцой. Да он и не мог медленно идти, потому что телега все время ему на задние ноги наезжала. Пашка толкнул меня локтем в бок и говорит:

— Видишь, все слушал и все понял. Я ведь обещал, что поближе к колхозу переведу его на рысь, а он не стал дожидаться команды — сам побежал.

Я хотел Пашке сказать, что вовсе не поэтому, но вдруг услышал, что у Росинанта внутри что-то екать стало: «Ек-ек-ек-ек».

— Пашка, — говорю, — слышишь?

— Слышу.

— Что у него там внутри болтается?

— Не знаю.

— Ты лучше Росинанта придержи, а то оборвется у него в животе какая-нибудь печенка, тогда что будем делать?

Пашка побледнел и начал на себя вожжи тянуть. Горка становилась все круче, и Росинант перешел на галоп. Так мы до самого низу и мчались, и ничего не случилось. Я все боялся, что наш конь на части развалится, так его мотало в оглоблях. Когда мы выехали на ровную дорогу и Росинант опять поплелся, Пашка спросил меня:

— Ты что, испугался?

— Немножко, — говорю.

— А я ни чуточки — даже удовольствие получил, — говорит Пашка, а у самого лицо бледное и руки дрожат. — Хороший конь! Знаешь, Вовка, у меня такое подозрение, что эта лошадь когда-то в цирке выступала: здорово умная...

Разговор оборвался, потому что мы заехали на колхозный двор. С картошкой действительно все очень просто получилось. Не прошло и десяти минут, как на нашу телегу нагрузили шесть мешков картошки и целую гору белокачанной капусты. Колхоз-

ник, который все это нам погрузил, посмотрел на Росинанта, покачал головой и сказал:

— Вы, братцы, через горку не езжайте — конь не вытянет. Валяйте в объезд, это будет всего метров на двести больше. — И показал нам, по какой дороге ехать.

— Мы и сами через горку не поехали бы, — говорит Пашка. — Если еще раз придется под гору спускаться, у Росинанта все внутри оборвется.

— Чего, чего? — не понял колхозник.

— Екает у него все время что-то в животе, — объяснил Пашка. — Ек-ек-ек...

Тут дядюшка как расхохочется, как схватится руками за живот.

— Ох, — говорит, — уморили!.. Это же селезенка у коня екает! Это у каждого коня бывает...

Пашка ничего не сказал, посмотрел на меня и направил Росинанта к воротам.

Дорога проходила прямо через поле и была действительно ровная, без всяких балок и горбов. Росинант тянул не спеша, ну, а мы, конечно, пешком шли и ласковыми словами подбадривали его: «Но, милый... еще чуть-чуть... Тяни, родименький, нажми!» Мы ему даже целую головку капусты на ходу скормили.

Слева от дороги показались четыре лошади. Передние ноги у них были связаны. Они щипали траву, и никто их не пас. Росинант увидал их, поднял голову, наострил уши и весело заржал, вроде крикнул: «Здорово, братцы! Как поживаете?»

— Знакомые, наверное, — сказал Пашка. — Приветствует их.

Лошади не обратили на Росинанта никакого внимания.

— Ему, наверное, тоже погулять охота, — пустился Пашка в рассуждения.

А я возьми да спроси:

— А ты, Пашка, распрягать и запрягать умеешь?

— А как же? Я сколько раз дедушке помогал... Хочешь, докажу?

И Пашка начал заворачивать Росинанта с дороги в открытое поле. Росинант удивленно посмотрел

на Пашку, как будто спросил: «Зачем это?» — но все-таки подчинился.

— Сейчас увидишь, как это делается, я не был... Вот, учись. — Пашка начал развязывать ремни, которые были к оглоблям привязаны. Потом снял сбрую, всю, вплоть до уздечки.

— Видал? Это еще легко, а бывает сбруя-то сложнее...

— Молодец, — неуверенно сказал я, потому что внутри у меня началось какое-то беспокойство.

Пашка понял меня и говорит:

— Ты не волнуйся. Я и запрягу мигом, только пусть немного погуляет.

Росинант встряхнулся, как после купания, фыркнул и вышел из оглобеля. Сначала он понюхал траву возле телеги, а потом пошел туда, где четыре связанных коня паслись. Подошел к ним, заржал и вдруг хлоп на землю и давай на спине кататься и стонать. Я испугался и кричу Пашке:

— Ой, Пашка, у Росинанта припадок!

— Чудак ты! — говорит Пашка. — Это он так гуляет. Все животные так развлекаются, и собаки и кошки. Ему тут весело.

Росинант поднял голову и вопросительно глянул на Пашку.

— Гуляй, гуляй еще немного! У нас еще целых полчаса в запасе.

Росинант снова начал кататься, а потом, кряхтя, встал на ноги и даже пробежал один круг рысцей, вокруг коней.

— Хватит ему гулять! — говорю я. — А то на кухне картошку ожидают.

— Сейчас, — отвечает Пашка. — Сейчас его запрягу, вот только в оглобли загоню. — И побежал за конем.

Пашка к нему подходит, а конь от него, Пашка со стороны морды заходит, а он отворачивается. Тогда Пашка подобрал с земли какую-то палку и хотел хлестнуть Росинанта, но тот сразу отбежал.

— Вовка, на помощь! — закричал Пашка.

Я подбежал с другой стороны и как заору:

— А ну, марш в оглобли!

Росинант испугался и в галоп. Мы за ним, а он от нас. По всему полю бегаем, а к телеге подогнать не можем. Пашка несколько раз вплотную к нему подбегал, да ухватить не за что было, он ведь и уздечку снял. Рассердился Пашка, показал Росинанту палку и кричит ему:

— Ах ты, скотина дурная! Да ты же нам обед сорвешь!

И как бы вы думали, что сделал Росинант? Он оскалил зубы, задрал верхнюю губу и начал над Пашкой смеяться. Ну, словом, как человек! Пашка аж побелел от злости. Тут я вспомнил, что у него в кармане сахар лежит, и говорю тихонько, чтоб Росинант не слышал:

— Пашка, доставай сахар. Он за сахаром куда хочешь пойдет.

Пашка моментально вынул из кармана один кусочек сахару и показал Росинанту. Тот и с места не сдвинулся, но зато позволил Пашке к себе подойти. Сожрал сахар и смотрит. Пашка другой кусочек достает, только уже отступает к телеге. Росинант пошел. До телеги Пашка ему три куса скормил, а последние два положил на передок, где кучер сидит. Росинант вошел в оглобли, подобрал губами сахар — только хруст раздался.

— Ну, теперь все в порядке, — говорит Пашка.

— Какой же это порядок? — спрашиваю. — Ты что, хвостом вперед запрягать будешь?

— Э-э, дело пустяк, — отвечает Пашка. — Теперь только развернуть осталось... Но, но! Да поворачивайся скорее! — И толкает Росинанта в грудь, а тот возьми да и переступи через оглоблю.

— Вовка, скорей уздечку мне подавай, — кричит Пашка, — а то ухватить не за что!

Я тут же ему уздечку подал. Он хотел ее накинуть на Росинанта, а тот, как увидел уздечку, замотал головой и ушел в поле.

Ну что поделаешь? Пришлось нам снова за ним гоняться. Но разве за конем угонишься?.. Устали мы, сели на землю, Пашка говорит:

— Конечно, я один во всем виноват. Я так и скажу...

— Нет, это мы вместе виноваты, — сказал я. — Это я же спросил, умеешь ли ты распрягать... А вообще-то виноват, конечно, Росинант. Потому что у него никакого конского образования нет.

— Ладно. Что же нам теперь делать? — спрашивает Пашка.

— Не знаю, — говорю, — мы вдвоем телегу не утащим, хотя лагерь отсюда близко и дорога ровная... Вот если бы еще... — Тут я не закончил своей мысли, потому что увидел на дороге наших ребят — весь пятый отряд. Оказывается, они с биологом Марией Дмитриевной шли с водоема.

— Пашка, мы спасены! — сказал я. — Картошка будет в лагере!

— Ты что, думаешь, Мария Дмитриевна может Росинанта запрячь?

— Нет! — говорю. — Гляди, сколько ребят. Если мы все вместе возьмемся — как игрушку телегу покатым.

Подошла Мария Дмитриевна с отрядом. Мы ей все, как было, честно рассказали. Она рассмеялась и говорит:

— Выходит, вам дикого коня, мустанга, дали. А как же теперь его в лагерь загнать?

— Никак, — сказал Пашка. — Я его здесь посторожу, пока дедушка Василий или кладовщик придет.

Когда пятый отряд узнал, что будем телегу с картошкой в лагерь тащить, крик поднялся невероятный. Все начали впрягаться в телегу. На каждую оглоблю по десять человек получилось и еще десять сзади. Компания как потянула вперед, телега не поехала, а полетела.

Пашка остался в поле. Не успела телега проехать и двадцати метров, как послышалось победное ржание и топот. Это вдогонку за телегой бежал Росинант. Он и не собирался оставаться в поле, потому что не был диким мустангом. Он трусил позади телеги и коротко ржал, как будто сам подгонял ребят: «Но, веселей, братцы!.. Давай, давай! Походите-ка в моей шкуре...»

За Росинантом бежал Пашка, ну, а Мария Дмитриевна, конечно, шла последней.

Картошка в лагерь была доставлена вовремя, график питания не был нарушен. А Пашкина слава пронеслась по всем отрядам. Как его только не называли! И Дон-Кихотом, и укротителем мустангов, и цирковым наездником.

А вот мне почему-то грустно стало, обидно за лошадей. Столько веков они честно, безропотно плуги и телеги тащили, а теперь их машины заменили...

Куда же лошади денутся?

* * *

Вот и все, ребята, что я смог вам рассказать. Не подумайте только, что на этом заканчиваются все мои истории. Их у меня очень много. Потому что нет на свете мальчишки или девчонки, чтобы с ними не происходило каких-нибудь забавных приключений. Да вы и сами, наверное, знаете их немало.

Так что пока я с вами прощаюсь. А если случится нам снова встретиться, то прошу мне слово дать первому.

Знакомые сюрпризы

РАССКАЗЫ

В марте Вовка переехал в новую квартиру, в большой шестиэтажный дом. А в мае у Вовы появилась сестренка Наташа. Отсюда все и началось. В доме будто переворот произошел. Шум, гам, никто себе места не находит. Днем все спят, а ночью жгут свет, кормят Наташку, бегают на кухню за пеленками. Бабушка — так та прямо запуталась в пеленках и клеенках.

Каждый вечер приходят гости и приносят подарки. Они поздравляют маму и папу, разглядывают красное, как помидорина, Наташкино лицо и восхищаются: «Ах, какая красавица! Ах, какая прелесть!..»

«Там и смотреть-то не на что, — думает Вовка. — Тоже событие! Вон у Толи Мазина отец голубую «Волгу» купил, и то меньше шума было! А здесь только и знают: «Натуленька!.. Наташенька!.. Натусенька!..» — будто, кроме нее, никого на свете нет».

Вова нарочно зубы перестал чистить. Четвертый день не чистит, никто не замечает. Бабушка в тетради и не заглядывает. Отец только и знает, что кричит: «Не путайся под ногами!»

Ходит Вова по комнатам, опустив голову, и думает: «Никому я теперь не нужен. Никто меня теперь не любит, не жалеет. Вот возьму и уйду. Они и не заметят, что человека не хватает...»

Вова остановился перед зеркалом, посмотрел на свой растрепанный чуб, на чернильное пятно под носом и решил пойти в беспризорники. Бабушка о них ему много рассказывала. Она когда-то была комсомолкой и боролась с детской беспризорностью. Беспризорники были раздетые, грязные, голодные. Все их жалели. Сам Феликс Эдмундович Дзержинский заботился о них: строил для них детские дома и колонии.

«Уйду насовсем! Пусть меня тоже все жалеют. Тогда дома небось забегают! Даже про Наташку забудут...»

У Вовы, который стоял в зеркале, покраснели глаза, нос задергался, как плохо пришитая пуговица, и весь он стал каким-то жалким, несчастным.

«Уйду, и все! — окончательно решил Вова. — Пусть знают!»

Ночью он долго не мог уснуть, а когда уснул — приснилось ему, что он уже беспризорник; бродит по улицам, холодный, голодный. Люди его очень жалеют: качают головами, разводят руками, и у всех слезы на глазах.

Потом неизвестно откуда на красной машине приехали Дзержинский и бабушка с комсомольским

значком на старой вязаной кофточке. Феликс Эдмундович строго, как на портрете, смотрел на людей; а бабушка сидела рядом и держала в руках пеленки. Она все время вертела головой и делала вид, что не замечает Вову. Потом показала Дзержинскому на часы и сказала: «Мне пора идти пеленать Наташку». Сказала и исчезла. А Феликс Эдмундович взял его в свою машину, и они поехали.

Сначала машина быстро мчалась по улицам, а затем полетела в небо, прямо в облака, мягкие и теплые, как перина. Феликс Эдмундович ласково смотрел на беспризорного Вовку, гладил по голове, а потом похлопал по плечу и... поцеловал. У Вовы от радости так застучало сердце, что он проснулся. Оказывается, он сидел не в машине, а на перине, а вместо Дзержинского рядом сидела мама с Наташкой на руках. Мама целовала его, ласково тормошила и приговаривала:

— Вставай, лодырь! Вставай! Посмотри хоть на свою сестричку. Она у нас такая умненькая, красивенькая, мы ее за это все любим! — И положила рядом Наташку. Вова отвернулся и натянул одеяло поверх головы.

А мама продолжала:

— Ух, какие мы стали сердитые! Наташенька на нас будет обижаться...

— Еще я и виноват! — загудело под одеялом.

Когда мама унесла Наташку в другую комнату, Вова вскочил с постели и начал рыться в корзине со старой одеждой. Сперва он достал свои рваные штаны, которые даже бабушка не смогла починить, потом рубашу с двумя заплатами: одной на спине, другой на локте. Натянув все это на себя, он закрылся в умывальнике и пустил шумную струю воды, но умываться не стал. За столом он ел все, что ни давали. И даже макароны ел с хлебом. Две тарелки их съел. Это на всякий случай, если день-два голодать придется.

— Куда это ты так нарядился? — спросила бабушка, разглядывая его странный костюм. — Не иначе, как с мальчишками на рыбалку собрался...

Больше она ничего не сказала, потому что в ру-

ках держала горячий утюг, а в кухне ее ожидали пеленки.

Вова встал из-за стола, схватил новую кепку, но, подумав, зашвырнул ее на шкаф. Потом подбежал к двери и тут почему-то остановился. Тоска защемила сердце. Стало страшно, даже в животе похолодело. «Неужели больше сюда не вернусь?» Однако тут же отмахнулся от этой мысли и объявил неизвестно кому: «Сказал — значит всё!»

По лестнице он скатился почти кубарем, но посреди двора снова остановился и стукнул себя кулаком по лбу. «Эх, размазня я, размазня! А еще в беспризорники лезу! Вышел чистенький, как из бани, и думаю, что поверят. Бабушка же говорила, что они с ног до головы в саже были... Нужно немедленно сажу раздобывать!»

Вова оглянул двор, но вокруг все было чисто. Дом был новый, и строительный мусор давно вывезли. Вдруг он услышал позади себя чей-то бас:

— Старшему Шубину привет!

«Почему старшему?» — подумал Вова и обернулся.

Перед ним стоял дворник дядя Петро и улыбался в усы.

— Стало быть, с младшенькой сестрицей поздравить можно?

«И он про Наташку!» — зло подумал Вова и рванул напрямик:

— Где тут у вас сажа находится?

— Сажа, говоришь? — понимающе подмигнул дворник. — Э-э, считай, мил-человек, что сажи у нас не было, нет и не будет, поскольку я ответственный за санитарное состояние объекта. А если тебе красочка какая-нибудь нужна, то беги в седьмой подъезд, там маляры работу кончают, у них и разживешься.

В седьмом подъезде действительно работали маляры. Под лестницей Вова увидел три ящика с краской: там был желтый, красный и темно-зеленый порошок. «Вот черт, хоть бы серая была! — подумал он. — Придется темно-зеленой мазаться». И, став спиной к малярам, сперва натер зеленым порошком

руки, а потом щеки и нос. Теперь он был похож на карикатуру из «Мурзилки», но зеркала под руками не было, и он решил, что в таком виде может сойти за беспризорника.

Прикрыв ладонями лицо, Вова вышел на улицу. Сперва было как-то неловко, и он шагал вдоль стен, делая вид, что разглядывает их. Люди спешили по своим делам, и никто не собирался его жалеть, даже внимания не обращали.

«Так дело не пойдет, — решил Вова. — Нужно ходить посреди тротуара, против движения». И пошел. Но все, кто натыкался на него и наступал на ноги, только сердились и отталкивали в сторону. Целых два квартала прошагал он зря. Но вот возле магазина «Динамо», на витрину которого он загляделся, маленькая девочка с бантом на голове закричала:

— Мама, мама, смотри, клоун!

Вова начал искать глазами клоуна и тут только заметил, что все смотрят на него.

— Нет, доченька, это не клоун, — улыбаясь, сказала девочкана мама. — Это мальчик просто шутит.

— Я не шучу, я не клоун, — сказал Вова и, набравшись духу, выпалил: — Я — беспризорник!

Люди притихли и принялись внимательно его разглядывать. Вова попытался выжать из глаз слезы, но, когда из этого ничего не вышло, начал, заикаясь, говорить:

— У... у меня совсем никого нет... Совсем... Ни мамы, ни папы, ни... бабушки...

— Какой бедненький, бедненький, — сказала девочка с бантом. — На, возьми конфетку. — И протянула ему обсосанный леденец.

Вова безглаголиво взял его двумя пальцами и сказал спасибо.

— Подумайте только, какие вежливые беспризорники пошли! — пожав плечами, удивленно сказала полная дама.

А другая, протискиваясь вперед, заявила:

— Хоть бы посмотреть, какие они, эти беспризорники! Лет десять о них уже ничего не слышно.

Тут девочка начала дергать маму за юбку и плаксивым голосом канючить:

— Ма, ма, возьмем его себе! Он у нас будет с Тузиком на коврике спать.

Люди засмеялись, а Вова подумал: «Вот дрянная девчонка, все дело мне портит!»

Но дело испортила не она, а опоздавший мужчина. Не зная, о чем тут шла речь, он спросил через головы:

— А ты из какой школы?

Вова не ожидал такого вопроса, и, растерявшись, ответил:

— Из шестнадцатой, во второй класс перешел.

— Ну и чудеса! — всплеснула руками женщина, которой хотелось «хоть бы посмотреть на беспризорника», а симпатичный старичок в пенсне сказал:

— То-то, я вижу, беспризорники нынче особые пошли: образованные, зеленого цвета! — и мазнул Вову рукой по щеке. Краска осталась на его пальцах. Старичок покачал головой и начал протискиваться из круга.

«Эх, балда я, балда! — подумал Вова. — И зачем я про школу сказал?! Теперь больше никто не поверит».

Люди действительно начали расходиться, и на этом, все, наверное, кончилось бы, если бы не тощая высокая тетка с двумя полными авоськами в руках. Она зло крякнула и пробасила:

— Да что вы смотрите на него! Тут дело ясное — все они из одной шайки. Знаю я эти штучки: один толпу собирает, остальные у вас по карманам шарят!..

Все замолчали. Вовку словно холодной водой окатило. «Этого еще не хватало! — со страхом подумал он. — Сделают из меня вора, а потом оправдывают!» — И Вова почувствовал, как на лбу высупил холодный пот, а в животе зашевелились макароны. Теперь и слезы сами брызнули из глаз, и он заплакал навзрыд.

— Вот-вот, он вам и слезы и истерику закатит! Все они умеют! — продолжала тощая тетка с авоськами.

Вова закрыл лицо руками и вдруг над ухом услышал старушечий голос:

— Господи, жалости в людях нет! Бога не боятся Дитя, может, сутки хлебушка во рту не держало...

Вова приоткрыл один глаз. Перед ним стояла маленькая старушка и протягивала ему кусок булки с маслом.

— Ешь, милый, ешь! — приговаривала она, тыча горбушкой в рот.

Вова скосил глаза на толстый слой масла и почувствовал, что макароны уже подбираются к горлу. «Надо бежать!» — подумал он. Но было поздно. В круг вошел милиционер и, как все милиционеры, сказал:

— В чем дело, граждане? Что здесь происходит?

Тощая тетка обрадовалась и снова затараторила:

— Милиция во всем разберется! Ниточку потянет — клубок разматается. Всех их, голубчиков, переловят!..

Милиционер посмотрел на тощую тетку, потом на Вову и строго спросил:

— Ты чей будешь?

Вова очень пожалел, что затеял всю эту историю. Ему захотелось домой, к маме и бабушке. Он открыл рот, чтобы во всем сознаться, но старушка с булкой его опередила:

— Беспризорник он, мил-человек. Круглый сирота, приютить некому...

Старушка это не выдумала: ведь он сам заявил, что беспризорник. Если сейчас он скажет, что всех обманул, то люди рассердятся. И он заревел на всю улицу, выкрикивая: «Мама! Ма-ма!»

— Беспризорник?! — удивился милиционер, и на лице его появилась растерянная улыбка. — Вот это да!.. Интересно! Что же мне с тобой делать?.. Постой, постой! — спохватился он. — В шестом отделении, кажется, есть детская комната. Ну-ка, пошли!

Вова покорно пошел за милиционером и даже сам протянул ему руку. Вскоре показалось здание милиции. Милиционер завел Вову в комнату дежурного и доложил:

— Вот, товарищ старший лейтенант, беспризорника привел! — При этом он пожал плечами и улыбнулся.

Дежурный, разбирая какие-то бумаги и не глядя на Вовку, сказал:

— Сейчас займемся, — потом громко позвал: — Варвара Степановна! Варвара Степановна!

Из соседней комнаты быстро вышла маленькая юркая женщина и вместо «здравствуйте» на ходу сказала:

— Конечно, это мой контингент! Я как чувствовала, что сегодня кого-нибудь приведут.

Вову она почему-то назвала «контингентом» и шумела и суетилась так, как будто в милицию привели не одного, а по крайней мере сотню беспризорных.

— Согласно плану мы ребенка сперва обработаем, потом он примет пищу, а затем, по культурной линии, покажем ему кинофильм «Чапаев», — сказала Варвара Степановна.

Вова перестал что-либо понимать. Ему грозили какой-то «обработкой», а потом собирались почему-то показывать «Чапаева».

Но он примирился со всем и молчал.

«Обработкой» оказалось обычное купание под душем. Причем Варвара Степановна беспокоилась: не слишком ли горяча вода? Не холодна ли?

«Прием пищи» означало съесть сладкий пирог с маком и запить его киселем. Тоже не страшно.

А когда дело дошло до «Чапаева», то дежурный категорически запретил показывать кино одному человеку. Варвара Степановна протестовала. Она говорила, что ее контингенту положено кино, и она не виновата, что беспризорники нынче вывелись. Варвара Степановна своего добилась... И хотя Вовка раз десять смотрел Чапаева и знал картину наизусть, он опять с не меньшим удовольствием следил за событиями на экране.

И вот когда фильм подходил к концу и Чапай с Петькой отстреливались от беляков с чердака, в комнату вошел старшина милиции и коротко бросил в темноту:

— Пришли родители!

Вовка не знал, радоваться ему или плакать. Пока он думал, зажгли свет, и в комнату вошла мама, бабушка и дворник дядя Петро. Вовка заревел и бро-

сился к маме. Обнимая сына и прижимаясь к нему мокрыми щеками, мама говорила:

— Милый ты мой! Глупый ты мой! Да как же ты мог такое придумать? Мы уже с ног сбились...

Бабушка стояла рядом и краешком платка вытирала слезы. Дворник дядя Петро, почтительно сняв шляпу, стоял у дверей и повторял:

— Дело ясное! Дело ясное!

Когда все они выходили из милиции, Вова сердито посмотрел на бабушку и сказал:

— Это ты во всем виновата! Наговорила мне про беспризорников...

— Тюлень ты! — ответила бабушка. — Я тебе рассказывала про старые времена. Теперь у нас давно беспризорников нет...

Дома с Наташкой оставался папа. Когда пришли домой, он крепко обнял Вовку и поцеловал его прямо в нос. Одна Наташка не волновалась. Она голышом лежала на постели, болтала розовыми ногами и пускала пузыри своим беззубым ртом.

Вова посмотрел на нее и увидел, что у нее очень смешной чубик и большие красивые глаза. Он почувствовал, что любит ее и его тоже все любят и никто не собирался о нем забывать. Сначала он хотел об этом сказать родителям, но потом передумал и, сложив ловко пальцы, показал Наташке зайца.

Митрофан

с подушкой

На шестой день после открытия смены, когда третий отряд после завтрака ожидал на своей линейке вожатого, по лагерю прошел слух: «Прибыл новенький!» Вожатый Виталий подошел к своему отряду и, тяжело вздохнув, глядя куда-то в небо, сказал больше для себя:

— Ох, братцы, наградили нас, кажется, твердым орешком!

А вскоре показалась старшая вожатая. Она направлялась прямо к ним. За ней перекатывалась маленькая полная

женщина. Рядом шел рослый, плотный паренек с румянцем во все щеки. Все это никого не удивило бы, если бы у паренька к чемодану не была привязана большая подушка.

— Вот так так! — сказал Витя Борс. — У него небось в чемодане и зонтик, и калоши, и грелка припрятаны?

Девчонки прыснули и собрались в кучку, а Вадик Шишкин, дружок Вити, добавил:

— И соска, наверное...

Тут уж все расхохотались.

— Сейчас же замолчите! — с трудом сдерживая улыбку, сказала старшая вожатая и обратилась к Виталию: — Примите Митю Кухленко в отряд. А вы, ребята, запомните: Митя впервые в пионерском лагере. Поэтому наших обычаев еще не знает. Познакомьтесь с ним и подружитесь.

Митина мама в это время обследовала палатки.

— А где он будет жить? Покажите мне, где он будет жить! — взволнованным голосом спрашивала она.

— Вот здесь. Во второй палатке, — сказал Виталий и приподнял брезентовый клапан. — Две койки свободны. Пусть выбирает любую.

Это была единственная палатка, где были свободные места, потому что стояла она в ложбине и после дождя у ее входа образовывалась лужа. Сырость держалась день, а то и два. Тут на двух койках жили самые закаленные парни отряда — Вадик Шишкин и Витя Борс. Они никогда не простужались и в самые холодные дни бегали босиком.

Когда мама выбежала из палатки, глаза ее были полны ужаса.

— Как это можно? Как можно? — удивлялась она. — Ведь там хуже, чем в погребе! Это все равно, что в лесу под деревом жить. Что ж это?

— У нас других мест нет, — сказал Виталий. — Всюду занято. Да и другие палатки отсырели: ночью небольшой дождик прошел...

— Мой Митя больной ребенок. У него подозрение на ревматизм, — заломила руки мама.

— У нас в лагере отдыхают только здоровые де-

ти, — спокойно сказала старшая вожатая. — Для больных есть санатории.

— Но куда же я его сейчас устрой? Я ведь сегодня в четыре часа уезжаю. Была только одна путевка в ваш лагерь. Не может же Митенька один оставаться дома!

Но тут Митя решительно заявил:

— Никакой я не больной... Это все ты выдумываешь.

В разговор вмешался Коля Пухов, самый маленький в третьем отряде. Он тронул женщину за руку и сказал:

— Тетя, тетя, послушайте! У меня раньше тоже всякие подозрения были, а как в прошлом году из лагеря вернулся, сразу пропали.

— Помолчи, когда старшие говорят! — прикрикнул на него Виталий.

Но Митина мама заинтересовалась сообщением Коли Пухова.

— Пропали, говоришь? — спросила она.

— Совсем пропали, — сказал Коля. — Можете даже посмотреть. — И он для убедительности два раза повернулся перед ней.

Митина мама пожала плечами, еще раз посмотрела на Колю и сказала:

— Но ведь у Митеньки и с желудком не в порядке. И гланды у него... И плоскостопие... Да, да! Ему нельзя босиком бегать...

— А что ему можно? — спросил Вадик Шишкин.

— Да вот на первый случай у него в чемодане сухарики сдобные есть. А потом его на диету посадят... Я уже с врачом говорила...

Вдруг Зоя Дубова, она отчаянная девчонка, спросила:

— Да что он у вас, Митрофанушка, что ли? С подушкой в лагерь приехал!

— Митрофан с подушкой! Митрофан с подушкой! — подхватили ребята.

Митя побледнел, подошел к матери и тихо, но твердо сказал:

— Иди, пожалуйста! Ты на поезд опоздаешь!.. И подушку забирай! — Он вытащил из-под ремней

подушку и отдал ее матери. Потом занес чемодан во вторую палатку, выглянул оттуда и объявил:

— Здесь буду жить!

Мать всплеснула руками, посмотрела на часы, вытерла платком глаза и торопливо сказала:

— Митенька, родненький, береги себя! Я скоро тебя отсюда заберу... Я только в деревню к бабушке и обратно...

Последние слова она уже бросала на ходу. Она опаздывала на вокзал. Митя посмотрел ей вслед, потом перевел взгляд на отряд, что молча стоял возле палатки, и вдруг, широко улыбнувшись, произнес:

— Гы... Митрофан с подушкой!

В его голосе не было ни капельки обиды. Наоборот, ребята почувствовали даже какое-то одобрение.

И через секунду вместе с Митей смеялся весь отряд.

А на другой день одно происшествие подняло в глазах ребят Митин авторитет так, что даже Вадик Шишкин и Витя Борс стали его лучшими друзьями.

А случилось вот что. Когда отряд шел на прогулку в лес, ребятам невдалеке от лагеря повстречалась телега, груженная матрацами. Телега угодила колесом в расщепленный пень и не могла сдвинуться с места. Пока возчик понукал лошадей, Митя подошел сзади к телеге, подставил плечо и, упершись руками в колени, приподнялся. Колесо запищало и вышло из расщелины. У всего отряда вырвался громкий вздох облегчения: «У-ух, ты!» — как будто ребята сами приподнимали телегу.

Подошел физкультурник Захар Осипович, посмотрел на Митю, пощупал его руки и сказал:

— Хорошие у тебя, парень, пружины. Вот только малость жирком обросли... Надо больше спортом заниматься.

— Ага, надо, — смущенно ответил Митя.

И желудок у Мити оказался на редкость здоровым. Он первым поедал в столовой положенные порции и просил добавки. С лагерным режимом Митя свыкся быстро, словно он и в прошлом и в позапрошлом году здесь бывал. Он загорел, стал подвижным, подтянутым. Лишний жирок он быстро раструсил на

лагерном стадионе. Вот только босиком по шишкам ходить не научился! Ну, да это и старожилы не все умели... В общем стал Митя в лагере своим человеком и на восьмой день пребывания за ловкость и отличную сметку был назначен начальником штаба дальнего похода и большой игры, которая называлась «Международный пионерский слет».

В дальний поход четыре старших отряда вышли рано на заре. Поход был задуман с ночевкой, поэтому на ребятах были скатки из одеял. Отряды шли под барабанный бой, пели походные песни: «По долинам и по взгорьям», «Комсомольцы», «Учил Суворов».

Митя шел в голове колонны. На боку у него висел планшет, в котором лежала карта похода и план игры. За колонной ехала телега с продуктами и палатками.

Первый привал сделали у реки. Выкупались, позавтракали. Ели с таким аппетитом, что даже часть ужина прихватили. Решили ужин печеной картошкой добавлять: ее два мешка на телеге было.

В полдень пришли в Заречный бор и сделали второй привал. Девочки второго отряда на кострах сварили обед. Последний переход начали делать, когда солнце в ельник упало и оттуда уже с трудом сквозь стволы и сучья пробивалось навстречу идущим. До места игры и ночевки оставалось километра четыре. Вдруг позади раздался рокот мотора, и отряд, грузно переваливаясь на неровной лесной дороге, догнала полуторка. Полуторка остановилась, и из кабины выкатилась Митина мама.

— Остановитесь! Остановитесь! — закричала она и побежала за колонной.

— Приставить ногу! — скомандовал Виталий.

— Митина мама, Митина мама! — прокатилось по рядам.

На ней было цветастое праздничное платье и туфли на высоких каблуках. Спотыкаясь, она приближалась и, перебирая глазами в строю ребят, взволнованно спрашивала:

— Где мой Митя? Где мой Митя?

— Я здесь! Не волнуйся! — раздался спокойный бас, и красный от смущения Митя вышел из строя.

Мама бросилась обнимать и целовать Митю, но из-за толстой одеяльной скатки с трудом дотягивалась до его щек. Митя принял поцелуй как должное и даже немного нагнулся, чтобы маме было удобнее. Потом мама, отойдя на два шага, стала разглядывать Митю, как на выставке разглядывают картины художников.

— Боже! Да ты же похудел! Что тут с тобой сделали?!

— Ага! Ты сама говорила, что мне не мешает немножко похудеть, — широко улыбаясь, сказал Митя.

— Так ведь немножко! А ты вон как!

— Это он просто вырос, — уточнил Вадик Шишкин.

— Вырос?.. — неуверенно повторила мама и стала рядом, чтобы убедиться в этом. — Все равно, ты сейчас же вернешься домой! Я тут тебя больше не оставляю!..

Но Митя твердо сказал:

— Не поеду, и точка!

— Ты мне папин характер тут не показывай!

— Он никак не может уехать, — сказал маме Виталий. — Он у нас начальник штаба. Понимаете?

— Наш папа тоже был начальником штаба, — гордо заявила мама. — Но если я говорю, то...

— Не поеду! — перебил ее Митя.

— Ну хорошо, хорошо. Тогда я тоже с вами пойду. — Мама решительно сняла туфли на высоком каблуке и крикнула водителю: — Можете возвращаться...

Машина зафырчала, а ребята крикнули «ура» и даже захлопали в ладоши. Они одобряли Митину победу.

— Равняйся! — раздалась команда Виталия. — Шагом арш!

Когда колонна тронулась, Виталий подошел к Митиной маме и вежливо предложил:

— Может, вы на подводу сядете? А то все-таки босиком трудно... Устанете...

— Это я-то на подводу?! — сказала мама и сердито посмотрела на Виталия. А когда раздалась

дробь барабана, она взяла ногу — левой, правой! Левой, правой! — как вся колонна.

— Ты гляди, как твоя мамаша-то босиком отшагивает! — толкнул Митю Вадик Шишкин.

— А чего ей? — ответил Митя. — Она в деревне родилась. До двадцати лет босиком ходила... пока с папой не познакомилась и в город не переехала.

Мама шла рядом с Зоей Дубовой и с интересом оглядывала лес. С каждой минутой лицо ее становилось добрее. В левой руке она держала туфли, а правой то и дело касалась деревьев, как будто гладила их.

— Скоро места еще лучше будут. Березовая роща пойдет, — сказала ей Зоя.

Мама ласково посмотрела на нее и уверенно ответила:

— Нет! Таких мест, как у нас на Полтавщине, здесь не найдешь! — А потом вдруг неожиданно спросила: — А что, Митя у вас действительно начальник штаба?

— Конечно! — ответила Зоя. — Он у нас самый сильный в отряде. И вообще хорошо во всем разбирается. Он и план похода с Виталием составлял, и вместе ходили местность выбирать... У Мити, знаете, какой авторитет?

— Он у меня такой... Весь в отца... — подтвердила мама.

Вдруг из передних рядов донеслось:

— К болоту подходим! К болоту!..

— Что? Что? — заволновалась мама и побежала вперед, в голову колонны.

Она первой и дошла до болота. Собственно говоря, это было не болото, а просто внизу, в орешнике, протекал широкий ручей.

— Подождите, подождите! — засуетилась мама. — Я сейчас место поуже найду.

Она отдала Виталию свои туфли и, подобрав слегка юбку, пошла по берегу. Скоро слышался ее голос:

— Сюда! Сюда давайте! Ко мне!

Отряд повернул направо, и, пройдя метров двадцать, все увидели маму. Она уже стояла на проти-

воположном берегу и сталкивала с берега в ручей какой-то пенёк.

Когда колонна перешла через ручей и вступила в березовую рощу, кто-то из ребят сказал:

— Ну и мама! Настоящий следопыт!

— Мировая мама! — подтвердили другие.

Теперь мама уже все время шла в голове колонны. Солнце зашло, и на траве появилась роса. Когда вышли на поляну, Виталий скомандовал:

— Привал!

Ребята с шумом разбежались по сторонам и начали знакомиться с местностью. Слева, метрах в ста от поляны, проходила проселочная дорога. Справа, недалеко, был большой пруд, а впереди раскинулся поселок Горинка.

Горнист сыграл сбор, и участники похода построились. Митя вышел из строя, подошел к Виталию и, как начальник штаба, отрапортовал:

— Участники похода прибыли на место игры и ночевки. Все чувствуют себя хорошо. Больных нет. Рапорт сдан.

— Рапорт принят, — отсалютовав Мите, сказал Виталий. — Доложите участникам похода план игры.

Митя вынул из планшета карту и рассказал суть и задачу игры «Международный пионерский слет».

Мама стояла рядом с Митей, слушала и одобрительно кивала.

Не торопясь Митя читал условия игры:

— «После разбивки лагеря и ужина в радиусе трехсот метров от центра поляны будут расставлены пикеты: через каждые сто метров по два человека. Участники «слета» могут любыми средствами пробираться к месту сбора, то есть к костру, который будет разожжен в центре поляны. Идущие на «слет» могут применять любые средства маскировки, обманывать пикетчиков, но ни в коем случае не применять силы». После ужина штаб игры собирается здесь, — Митя указал на середину поляны. — Вопросы есть?

Вопросов не было, и Виталий распорядился:

— Палатки ставь!

Ребята моментально сняли с подводы палатки и приступили к их установке. Колья и колышки были

приготовлены заранее, и через полчаса четыре большие палатки стояли на краю поляны. За это время четвертый и пятый отряды натаскали из лесу целую гору хвороста и сложили его в центре.

Мама всё время волновалась и искала себе работу. То она помогала натягивать палатки, то укладывать хворост. Но все же работы ей не хватало. Несмотря на свою полноту, она оказалась на редкость подвижной женщиной. Зоя проявила находчивость. Она подошла к Виталию и сказала:

— А что, если Митина мама будет ответственной за питание? Я и Валя будем ее заместителями...

— Не плохая идея, — сказал Виталий. — Сейчас мы ей это поручим.

Он подошел к маме и официальным тоном произнес:

— Товарищ мама, штаб назначает вас начальником питания!

Лицо у мамы стало серьезным, она вытянула руки по швам и серьезно ответила:

— Слушаюсь!

Ну и закипела у нее работа! Мама бойко командовала своим штатом: резальщицами хлеба, кочегарами у костра, разносчицами. То и дело слышалась ее команда:

— Давай, давай! Пошевеливайтесь, милые!

А когда порции были аккуратно разложены и в золе начала потрескивать картошка, мама отрянула платье, поправила волосы, подошла к Мите и срывающимся от волнения голосом доложила:

— Товарищ начальник штаба, ужин подан! То есть готов!

Митя сначала растерялся, а потом пожал плечами и сказал:

— Вольно...

Ужин был вкусный и веселый. Уютно потрескивал костер, пахло печеной картошкой, и, наверное, поэтому возникла песня:

Здравствуй, милая картошка-тошка-тошка-тошка,
Пионеров идеал-ал-ал,
Тот не знает наслажденья-денья-денья-денья,
Кто картошки не едал-дал-дал...

Во время ужина Коля Пухов удивленно спросил Митину маму:

— А чего же вы сами не едите?

— Ничего, обойдусь! На меня не рассчитывали, — махнула рукой мама. — Только бы вам хватило...

И тут со всех сторон к маме протянулись руки с едой: кто колбасу предлагал, кто сыр, кто картошку для нее чистил.

— Ладно уж, — сказала мама и принялась за ужин. — Тут, на воздухе, у любого аппетит разыграется. Вон и Митя мой даже ест...

— Ой, умру! — давясь картошкой, сказала Зоя. — Да он у нас всегда рекорд по аппетиту ставит! По три добавки ужинает!

— Ну да! — удивилась мама и даже перестала жевать. — А ведь дома его просить надо...

— Так то дома, — развела руками Зоя. — А в лагере другое дело!

После ужина начались приготовления к игре. На месте «слета» выложили звезду из раскаленных углей. Работники штаба установили флажки в тех местах, где должны были стоять пикетчики, и по сигналу горна все участники игры нырнули в темноту во все стороны, чтобы оттуда пробираться через пикеты.

Посты пикетчиков выходили и на проселочную дорогу и к пруду. Но большинство из них стояли в лесу. Считалось, что ночью в лесу проникнуть в зону лагеря несложно, нужно только получше замаскироваться листьями и по-пластунски неслышно ползти. А вот пройти по берегу пруда и по проселочной дороге — дело сложное.

Митина мама ни минуты не могла сидеть без дела, потому что теперь ее назначили арбитром штаба игры, то есть судьей. Она должна была решать все вопросы, связанные с нарушением правил игры.

По второму сигналу горна началась игра. Все вокруг затихло, и только с проселочной дороги иногда доносился рокот машины или скрип телеги да изредка раздавались голоса с постов: это пикетчики обнаруживали «делегатов слета». Те «делегаты», что пробирались лесом, начали постепенно появляться

у костра. Они были обвешаны ветками, и в темноте их действительно можно было принять за куст.

Потом начали появляться «делегаты», пробравшиеся через пруд. Там пикет ходил по берегу, и поэтому несколько ребят первого отряда по-пластунски переползли мостик. Задержаны были только двое ребят, которые пытались пройти берегом.

А на проселочной дороге «делегатов» задерживали целыми группами. Как ни пыталась мама-арбитр оправдать и выручить «делегатов», ничего не получилось. Тогда она пошла за поворот дороги, где находилась большая группа ребят. Они не могли придумать способа, как пройти незамеченными, и выжидали. Мама велела им уйти поглубже в лес, а сама вышла на дорогу и начала действовать. Она остановила машину и, потолковав с водителем, велела «делегатам» забираться в кузов под брезент. Этот «десант» проник беспрепятственно.

Трех девочек мама уложила под сено в проезжавшую подводу, и те тоже благополучно пробрались. Затем она сама показала «делегатам» класс «проходки». И хотя ей, как судье, не нужно было маскироваться, она остановила колхозника, ехавшего верхом на лошади, попросила его пройтись пешком, а сама, надев его плащ, села верхом на лошадь. Коле Пухову она велела взять коня под уздцы и вести его вперед. У пикетчиков даже не возникло подозрений, когда они проезжали мимо. Случилось другое: пикетчики задержали колхозника, который одолжил Митиной маме лошадь. Его они приняли за переодетого пионера первого отряда.

Мамин опыт с успехом переняли другие. Не прошло и десяти минут, как в лагерь по дороге проникла Таня Шлыкова из четвертого отряда. Она одолжила у какой-то бабушки корову и большой платок и уверенно прошла мимо пикетчиков.

Коля Герасимчук из пятого отряда пристроился к какому-то дяденьке; взяв его за руку — вроде бы сын, — он прошел мимо пикетчиков. Колю пикетчики как раз узнали, подняли крик: «Вернись! Ты задержан!» Но с поста не ушли, потому что, если б ушли, прорвалась бы большая группа «делегатов».

В общем скоро на «слет» прибыли все, кроме задержанных. Пленники стояли группой, окруженные пикетчиками. Все же их было значительно меньше, чем прошедших благополучно. Игра закончилась.

Высоко вспыхнул костер, и началось веселье. Пели песни, танцевали, читали стихи. Руководила концертом Зоя Дубова. Вдруг Митя попросил слова. Зоя вышла в круг и, как настоящий конферансье, объявила:

— Уважаемая публика, сейчас перед вами выступит Митрофан с подушкой.

Все расхохотались и захлопали, а Митя сказал:

— Да нет!.. Я сам ничего не умею... Я хотел сказать, что моя мама хорошо поет украинские песни...

— Просим! Просим! — закричали все.

— Что вы, ребята? Это я раньше, когда в деревне жила, пела...

И все же ребята упростили маму. Голос у нее был небольшой, но чистый и переливчатый. В ночной тишине он летал, как незримая птица: то опустится низко, к самой траве, то взовьется ввысь и замрет у самых верхушек. Она пела песни одну за другой: «Ой, хмелю, мий хмелю...», «Распрягайте, хлопцы, кони», «Ой, ходыла по-над лугом» и другие.

И, хотя ребята все эти песни знали, слушали с большим удовольствием. Когда мама кончила петь, долго не смолкали аплодисменты.

Спать никому не хотелось. Но протрубил горн: «Спать, спать, по палаткам!» — и все ему подчинились.

Скоро на поляне стало тихо. Один вожатый Виталий остался у костра: он засыпал его землей, чтоб не возник пожар.

Девочки утащили Митину маму к себе в палатку, и она легла рядом с Зоей.

— Хорошо вам, девочки, живется! — вздохнув, сказала мама.

— Ага, — тихо ответила Зоя, — очень хорошо!

Вдруг мама спросила Зою:

— А почему ты его Митрофаном с подушкой назвала?

— Разве вы забыли, каким его привезли в лагерь?.. Толстым... С подушкой!

— Ах, вот почему... — И мама тихо засмеялась.

— Завтра вы Митю заберете домой? — шепотом спросила Зоя.

— Не заберу. Зачем же? Ему здесь хорошо...

Зоина рука легла на мягкое плечо Митиной мамы. Немного помолчав, она сказала:

— Митя хороший. Он умный и добрый. Можно, я в городе к вам в гости приду?

— Обязательно, девочка! — Мама натянула на Зоины плечи одеяло. — Приходи. Мы тебя будем ждать.

— Я приду, — уже сквозь сон пробормотала Зоя, — приду...

А над лесом плыла тишина. Сны бродили вокруг палаток. Напоенные силами солнца и земли, ребята дышали глубоко и ровно. Многим в эту ночь приснилось, что они куда-то летят: стремительно, быстро, так что дух захватывало.

Это значит ребята росли!

Храбрый Зайцев

В воскресенье, в десять часов утра, Володя Девятов шел к своему другу Мите Зайцеву. В двенадцать часов начнется общешкольная спартакиада, и он обещал пораньше зайти за Митей.

Сам Володя был ответственным пятого класса «А» за спортивную работу, а Зайцев держал первен-

ство по стометровке, прыжкам в длину и коню. Поэтому он даже немножечко зазнавался. Он, например, никогда ни за кем не заходил, всегда ждал, пока за ним зайдут.

Обычно Володя заставлял своего друга неготовым, а сегодня — вот так чудо! — Митя уже ожидал его на улице. Он стоял, небрежно облокотясь о косяк двери, и держал руки в карманах.

— Привет мастерам! — лихо бросил Девятков.

Зайцев ничего не ответил и даже сделал вид, что разглядывает тучки на небе.

— Ну как, сегодня в форме?

Зайцев опять промолчал. Потом медленно вытащил правую руку и побарабанил по карману пальцами. Раздался глухой стук. Володя посмотрел на карман. Карман распирала какая-то коробка.

— Коробка! — догадливо объявил Девятков.

— Коробка, — ехидно проронил Зайцев. Слово прозвучало так: дескать, что коробка — ты угадал, а вот что в ней — не знаешь.

— Знаю, даже «Золотой орешек».

Зайцев презрительно отвернулся. Девятков продолжал гадать:

— Ну, тогда коллекция насекомых...

— Сам ты насекомое! — рассердился Зайцев и, схватив Володю за руку, втащил в парадное. Там он слегка оттянул карман, и из него выглянул уголок белой коробки. Девятков пожал плечами: уголок еще ни о чем не говорил. Тогда Зайцев вытянул из кармана всю коробку и, сунув ее Володе под нос, сказал:

— «Казбек»! Понял?

— Ух ты! — удивился Девятков. Он не мог понять, зачем Мите понадобились папиросы. А Митя вдруг разговорился: — Я уже сегодня полпапиросы выкурил... В уборной. Дым из дверей пошел. Мать подумала, что пожар. Пришлось вот такой кусок папиросы выбросить, — он показал полпальца.

Володя не знал, что по этому поводу сказать, и спросил:

— А где ты достал? Это же дорогие...

— Отец двадцать коробок домой принес. Он всегда запас держит. Вот я и одолжил у него.

У Девятова в голове все время вертелась мысль о спартакиаде, и он никак не мог взять в толк, при чем здесь папиросы, поэтому снова задал глупый вопрос:

— А что ты с ними собираешься делать?

Зайцев смерил его презрительным взглядом и сказал:

— То, что все солидные люди делают, вот что!

— Солидные?

— Да, да. Ты не думай! Я уже затягиваться умею. Хочешь, и тебя научу?

Девятов не знал, хочет он или нет. Но, посмотрев по сторонам, сказал:

— Еще увидят.

— Чудак ты, не здесь же. Мы на крышу пойдем, там никто не увидит.

— На крышу?.. А не опоздаем?

— Да что ты! До спартакиады еще два часа! — уже на ходу рассуждал Зайцев.

По черному ходу они забрались на чердак. Потом нашли слуховое окно, ведущее на крышу. Подтянувшись на руках, они выползли на красное кровельное железо. Крыша была покатой, а железо на ней старое, вздутое. Когда они на четвереньках лезли наверх, железо грохотало, как сто больших барабанов: «Трум-трум-трум-бум! Трум!»

— Митя, ты потише, — шепотом попросил Володя.

— Чепуха! За нами никто не полезет... Храбрости у тебя, Володька, не хватает, вот что! — сказал Зайцев, когда оба уселись верхом на конек крыши. — Ты у меня учись!

Потом достал из кармана коробку, раскрыл ее и протянул Володе.

— Бери. Угощайся!

Девятов взял длинную папиросу и начал ее разглядывать. Зайцев зажал свою папиросу зубами, достал спички и спросил:

— Знаешь, как надо курить?

Чтобы не говорить «не знаю», Володя сказал:

— У меня папа не курит.

— Ладно, сейчас научу. Бери папиросу в рот и, когда она загорится, тяни в себя.

С этими словами он зажег спичку и поднес к Володиной папиросе. Володя набрал полный рот дыма, раздул щеки и сидит. Потом дым начал выползть из рта и полез в глаза.

— Тьфу! Тьфу! Горький! Глаза ест! — начал плевать Девятков.

— Эх, ты! Смотри на меня! — Зайцев затаился и моментально покраснел, глаза у него выкатились и забегали. Видно было, что ему очень надо кашлянуть, но сделать он этого не мог, не имел права. Наконец он выпустил дым и, отдышавшись, сказал:

— Это что! Вот я тебе сейчас высший класс покажу. Наберу в легкие дыма и скажу: «Пошла баба в лес, нарубила дров, затопила печь, пошел дым», — и выпущу весь дым, как из трубы.

Володя потягивал свою папиросу и морщился. Как-то стыдно было сразу выбросить ее: Митька дразниться начнет.

— Ну, смотри, — объявил Зайцев. Он затаился и затараторил: — Пошла баба в лес, нарубила дров... дров... кхи, кхи!..

Тут он сильно закашлялся и весь дым из него вышел.

— Это не считается, сейчас повторю сначала, — сказал Зайцев.

Но сколько ни повторял — фокус не получался. Как до «дров» дело доходило, так кашель его прямо на части разрывал.

— Это я сильно позавтракал, — оправдывался он. — Понимаешь, пища снизу подпирает — дым выталкивает.

Вдруг Зайцев начал пристально всматриваться в Володино лицо.

— Эх ты, слабак! У тебя уже лицо побледнело!

— Ты лучше на себя посмотри. Сам белый, как стена.

— Это тебе кажется. — Зайцев откинулся назад и хотел ладонями опереться о крышу, но руки подогнулись и локти гулко ударили о железо.

— Ой! Что-то крыша поехала...

— А по-моему, весь дом шатается, — сказал Девятков и привалился спиной к трубе.

— Конечно, наш дом очень старый... — слабым голосом проговорил Зайцев.

Девятков встал, держась за трубу, и раздавил свою папиросу ногой.

— Слушай, Митя, поднимайся! Мы же опоздаем! — попросил он. — Ты же в первом забеге идешь!..

— В первом? — простонал Зайцев. — Я немного полежу... Тошнит что-то. Все вокруг едет, едет... И зачем я эту кашу ел?!

— Ты встань, пройдет.

Но вместо того чтобы встать, Митя раскинул руки и закрыл глаза.

— Это все твой проклятый «Казбек» наделал! Мы из-за него опоздаем на соревнование! — закричал Девятков и попытался приподнять своего друга.

— Не могу! — застонал Зайцев. — Я должен тут полежать.

— Нельзя нам лежать! — решительно заявил Девятков. — Мы проиграем! Ну, встань, пожалуйста. Ну только попробуй!.. Ты же у нас храбрый.

Зайцев приподнял голову, посмотрел мутными глазами вниз и сказал:

— Уй, крыша крутая... Шатается...

— Все равно я тебя тут не оставлю! На руках, а до стадиона дотащу!

Девятков положил Зайцева ногами вперед, впрягся, как в оглобли, и потащил его вниз, к слуховому окну.

Зайцев тихо мычал, а Володя тащил и приговаривал:

— Ты должен сегодня бежать! Из-за тебя мы проиграем... Я ответственный за соревнование!..

Когда он подтащил Митю к чердачному окну, откуда неожиданно вылез на крышу сосед Зайцевых, Павел Иванович. У него в руках были клещи и молоток. Видимо, он собирался починять телевизионную антенну. Когда же увидел эту странную картину, засмеялся и спросил:

— Вы чего, братцы, на самый Казбек залезли?

Зайцев приподнял голову, схватился рукой за карман и спросил:

— А разве вы видали?

— Что же я, не вижу, где вы находитесь? — сказал Павел Иванович. — Э-э, Митя... Да ты не расшибся ли?

Володя хотел по-честному рассказать, что тут произошло, но прочитал в глазах Зайцева мольбу: «Молчи! Молчи!»

Девятов начал путано рассказывать о каше, которую Митя съел на завтрак. Но Павел Иванович его не слушал. Он спустил Митю в чердачное окно и понес домой.

Через пять минут Митя лежал в постели. Мама по телефону вызвала врача. «Я как чувствовала, что он заболел! — говорила она. — Даже кашу оставил, не ел! Ах, боже мой! Что же теперь будет?»

Девятов смотрел на стенку и молчал. Когда мама пошла провожать Павла Ивановича, Митя вытащил из кармана штанов пачку «Казбека», сунул ее в руки Володе и сказал:

— Выбрось эту дрянь!..

Девятов спрятал пачку, показал Мите кулак и, не сказав ни слова, ушел.

Сюрприз

Сегодня мамин день рождения. Витя приподнимает крышку и незаметно разглядывает тоненькую деревянную закладку для книг. Это подарок. Пять дней трудился он над ним: строгал, шлифовал. Узор помогла ему подобрать Валентина Андреевна, учительница рисования; прибор для выжигания одолжил Сережа, а сегодня утром, до уроков, Витя залил желобки зо-

лотой краской. Особенно удачно получились буквы в словах «дорогой маме».

Таня Левина на переменке долго вертела в руках закладку и сказала: «Это вещь!» А уж если Таня сказала «вещь!», то можете не сомневаться — вещь получилась. У Тани хороший вкус, даже редкий, — так сказала сама Валентина Андреевна. Уж на что Павка Голубев придира, и тот сказал: «Законная штука...»

Но Витю сейчас не радовал подарок. На прошлом уроке он получил двойку по арифметике. Жирную двойку, вписанную красным карандашом в дневник. Всю переменку просидел он за партой красный и злой. Друзья утешали его, кто как мог. Одни считали, что двойки он не заслужил, другие советовали пойти и упросить вычеркнуть ее, а тот же Павка Голубев сказал ему: «Зачем киснуть — ни первая, ни последняя».

Может, Павка и прав, но сегодня эта двойка очень некстати. Мама всегда говорит: «Для меня лучший подарок — твои хорошие отметки», — и каждый день заглядывает в дневник. А если отметки для нее подарок, то сегодня, в день своего рождения, она обязательно захочет узнать, что он получил.

«Что делать?! Что делать?! Сказать, что дневник пропал? Или забыл его в школе? Так почему именно сегодня? Стереть двойку? Будет заметно... А может, как-нибудь обойдется?»

Витя заложил закладку в дневник, туда, где была двойка, и спрятал его в портфель.

Неожиданно настроение исправила Таня Левина. Еще вчера он спрашивал у нее, как преподнести маме подарок. А сейчас она подбежала и кричит:

— Витька, идея!

— Что еще за идея? — вздохнув, спросил он.

— Нужно маме устроить сюрприз!

— Какой?

И Таня подробно ему объяснила, как сделать сюрприз. Нужно спрятать подарок подальше в потайное место, а на столе положить конверт с надписью «Сюрприз виновнику торжества». В конверте должна быть записка, в которой будет сказано: «Если вы хо-

тите получить сюрприз, то должны пойти направо, и в углу что-то найдете». А в углу положить записку и в ней сказать: «Становитесь лицом к стене, потом повернитесь на 180 градусов и пойдите прямо». А там — новую записку... И так несколько раз, пока «виновник торжества» не найдет спрятанный подарок.

— Молодец, Танька! Вот спасибо! — обрадовался Витя. — Ух, это здорово! Выйдет такая игра, и все удовольствия получат. — Витя мысленно начал строить планы, куда и как он упрячет подарок, а заодно думал о том, что во всей этой веселой кутерьме мама не станет спрашивать дневник.

Уроки кончились. На душе стало легко и весело. Витя побежал в киоск за конвертом для сюрприза. Купил конверт и тут же, не отходя от киоска, написал на нем большими буквами: «Сюрприз».

Возле дома он вспомнил о своем старом потайном месте. Во дворе за дощатым забором лежал старый бочонок, куда он не раз прятал свои городки. Сегодня от дверей черного хода к забору тянулась веревка с мокрым соседским бельем. Если идти вдоль этой веревки, то придешь прямо к потайному месту. По лестнице Витя бежал, прыгал сразу через три ступеньки.

Дома никого еще не было, но комната была праздничному убрана. На столе стояли цветы и большой пирог, накрытый газетой. Витя аккуратно отковырнул кусочек пирога, отправил его в рот и сразу взялся за дело.

Он написал три записки. Первую положил в конверт, заклеил его и оставил на столе. Вторую сложил треугольником и пошел к соседке Марии Михайловне.

— Можно? — спросил он, постучав в дверь.

— Войдите, — тихо сказала соседка.

Когда Витя вошел, Мария Михайловна на цыпочках подошла к нему и, приложив палец к губам, сказала:

— Тсс! Говори тихо, я Мишутку только что спать уложила.

Витя обстоятельно растолковал ей, в чем дело, и сказал, что вторую записку нужно спрятать у нес,

потому что в первой записке уже так написано. Он осмотрел комнату и, указав пальцем на шкаф, добавил:

— Лучше всего туда, на самый верх.

Мария Михайловна улыбнулась, пожала плечами и подставила к шкафу стул. Потом стала на него и положила треугольный конвертик на самый верх, на горку старых Мишуткиных игрушек.

— Спасибо, — сказал Витя. — Только, пожалуйста, пусть мама сама достанет.

— Хорошо, хорошо, — шепотом сказала Мария Михайловна и выпустила его в коридор.

С третьей запиской Витя хотел было бежать во двор, но вспомнил, что не взял самого главного — подарка. Он вернулся в свою комнату, достал из портфеля дневник с закладкой, взял его под мышку и побежал во двор.

«Прежде всего спрячу подарок», — решил он и помчался к забору, где лежал бочонок. Только он нагнулся над потайным местом, как услышал голос Левки Комарова, соседа с третьего этажа:

— Эй, Витька! Что ты там делаешь?

Недолго думая, Витя зашвырнул в бочонок дневник и сделал вид, что зашнуровывает ботинок.

— Ты что, сам не видишь? — спокойно сказал он.

— Айда в соседний двор! Там новую будку для голубей ставят! — кричал Левка.

Это было очень заманчиво. Но сначала надо было оставить третью записку.

— Ты иди, я сейчас догоню! — крикнул Витя в ответ. Затем он осмотрел веревку с бельем и, найдя самое высокое место, подтащил к нему ящик и табурет. Взобравшись на них, он бельевой прищепкой прикрепил записку к веревке.

Теперь все было закончено. До маминого прихода оставалось еще много времени, поэтому, оттащив ящик и табурет на место, Витя побежал в соседний двор, где устанавливали новую будку для голубей.

Это, конечно, было очень интересное дело, и длилось оно довольно долго. Так долго, что за это время успели прийти мама, папа и дядя Володя со своей женой тетей Лидой.

— Странно, почему Вити нет, — спросила мама. — Неужели он забыл, что сегодня день моего рождения?

— А это что? — спросил папа. Он взял в руки конверт и прочитал: «Сюрприз».

Мама разорвала конверт и быстро пробежала записку глазами.

— Милый ты мой! — воскликнула она. — Вы только подумайте, какой шутник! — И прочитала вслух условия, по которым следовало искать сюрприз.

— Мы тоже будем искать! — потребовала тетя Лида.

— Конечно, конечно! Все вместе, — согласилась мама. — Значит, сначала идем к нашей соседке...

Когда шумная компания прошла по коридору и остановилась в указанном месте, дверь распахнулась и ударила папу в лоб.

— Ах! — воскликнул папа.

— Ш-ш! — сердито зашипела Мария Михайловна. — Нельзя ли потише, у меня Мишутка спит.

— Ой, извините! — заволновалась мама. — А у нас вот это, — и она показала конверт.

— Ах да, я и забыла, — сказала Мария Михайловна. — Ну, что с вами поделаешь, идите. Только он велел, чтобы мама сама доставала.

Все подошли на цыпочках к шкафу, и мама взобралась на стул. Папа и дядя Володя поддерживали ее с двух сторон, потому что мама была очень маленького роста и, став на цыпочки, тянулась изо всех сил.

— Осторожно, осторожно! — командовал папа и толкал ее руку вверх.

Мама с трудом дотянулась до записки и взяла ее двумя пальцами. Но в эту минуту дядя Володя отпустил мамину руку, и, чтобы не упасть, она схватилась рукой за игрушки. Кубики и пирамиды с шумом посыпались вниз.

«Р-р-р!» — загремели они, и комната огласилась криком испуганного малыша.

— Что вы натворили! — возмутилась соседка. — Он теперь ни за что больше не уснет!

— Ах, как неудобно! — покраснела мама.

— Безобразник! — проворчал папа.

Когда все вышли из комнаты, мама нерешительно спросила:

— Что же теперь делать?

— Теперь надо искать во дворе какое-то белье! Как указано в записке, — уточнил дядя Володя.

— Конечно, конечно! — поддержала тетя Лида. — Это же очень интересно! Во дворе мы никого не разбудим! — И первая побежала вниз.

Третью записку на веревке обнаружили сразу, и только дядя Володя хотел ее снять, как тетя Лида запротестовала:

— Это против правил! Это против правил! Так нельзя! Записку должна снять именинница.

— Как же я достану? — спросила мама. — Тут высоко.

— А мы опустим веревку. Тащи, Володя! — приказала тетя Лида.

Папа стоял, подперев руками бока, и уже сердито смотрел на эту процедуру.

— Еще немного, еще чуточку! — просила мама.

Дядя Володя сделал еще одно усилие и... веревка с мокрым бельем рухнула вниз.

— Ну, я ему задам сюрпризы! — закричал папа, сиюсья поднять веревку с тяжелым бельем.

И тут с криком выбежала хозяйка белья. Мама дала ей честное слово, что перестирает все заново.

Полчаса боролись папа и дядя Володя с веревкой и мокрым бельем, пока не повесили все на место.

— Ну, теперь осталось только взять сюрприз, — сказал дядя Володя. — Это уже безопасно. Идемте к забору.

Когда разыскали бочонок, дядя Володя сказал:

— Доставайте, виновница торжества!

Мама осторожно просунула руку в бочонок, так осторожно, словно в нем сидели колючие ежи, и вытащила из него дневник с закладкой.

Как раз в это время появился Витя. Он бежал к забору и что-то радостно выкрикивал.

Но мама раскрыла дневник, где была закладка, и щеки ее вспыхнули, как красные огни светофора.

Витя подбежал и встал как вкопанный. Он опустил голову и тяжело вздохнул. Он понял свою ошибку.

Мама захлопнула дневник и, показав всем закладку, неожиданно сказала:

— Смотрите, какая прелесть! Какой чудесный подарок! И написано «Дорогой маме». — Она поцеловала ошеломленного Витю в обе щеки, погладила по голове и сказала: — Я тебе очень, очень благодарна!

Как Павка

РЫБУ ЛОВИЛ...

Павка уже два раза ходил рыбу удить, и оба раза ноль целых и ноль десятых — с пустым куканом возвращался.

Вчера Серега, который у мельницы живет, пять карасей и двух линьков поймал. У Володьки, папа которого тракторист, здорово верхоплавки клевали, а Семка рыжий, так тот даже щучку подсек.

Конечно, думал Павка, придут ни свет ни заря, лучшие места на пруду займут и тащат почем зря. А ему только

на лысом бережку место остается. Была бы там рыба, сами бы ловили. Они ребята местные, пруд как свои пять пальцев знают. А он человек приезжий, всего неделю у бабушки живет.

И Павка решил пойти в одиночку, чтобы всем доказать, что и он настоящий рыбак, а не какой-то там дачник. У него и леса капроновая, и удилище бамбуковое, и крючки всех размеров. В центральном магазине «Динамо» покупал. А у ребят палки да конский волос. Везет им просто, вот в чем секрет.

Сегодня он пойдет после обеда на вечерний клев. Ребята в это время в футбол будут гонять. Займет лучшее место и тогда непременно поймает. Килограмма два принесет, не меньше. Он даже два кукана приготовил, червей за коровником накопал. Там они толстые, жирные. Потом упросил бабушку горох отварить, ну и, конечно, мух наловил. Меню — что в ресторане. Как уж тут рыбе не клюнуть!

Вышел Павка, когда солнце на вторую половину неба перевалило. Жара стала спадать, и кузнечики в траве такой концерт завели, аж в ушах заколело.

Павка к пруду шел один, если не считать Дозора, бабушкиной собаки. Пес к нему с первого дня привязался, хотя Павка всячески насмехался над ним и дразнил.

— Какой же это Дозор? — говорил он бабушке. — Дозорами больших пограничных собак называют. А это что? Чучело собачье, да и только! Голова большая, ноги короткие, хвост начисто обрублен. Одно ухо висит, другое вроде на корточках присело. Шерсть короткая. По бокам носа две лохматые бородачки висят: забыл побриться. Не Дозор, а позор!

И, зная, свое уродство, пес подхалимом сделался: никакого характера нет, всякое оскорбление перенесет, только бы ребята от себя не гнали. Конечно, с бабушкой ему скучно — она старенькая, ей шестьдесят лет с хвостиком, а ему год без хвостика. Какая они компания?!

Скоро пруд показался. Тишь да гладь, одни тучки купаются. Павка сразу на Серегино место пошел. Оно счастливое. У самого берега ива стоит, косы

моет. В воде ряска, кувшинки плавают. Где рыбе быть, как не тут?

Павка даже купаться не стал, чтобы воды не тревожить. Разложил свое рыболовное хозяйство, самого жирного червяка наживил и закинул удочку.

Павка человек несуетливый, в колдовство и заговоры не верит, но так ему сегодня нужно хоть одну рыбешку поймать, что он про себя на всякий случай колдовать стал: «Колдуй, баба, колдуй, дед, колдуй, серенький медведь! Ловись, рыбка, большая и малая!»

И рыба в воде гуляла. Видно, много ее тут было. Малек под самым берегом юлил, сом со дна ил подымал, молодая рыбешка резвилась: то и дело выпрыгивала из воды, ныряла в воздух. «Плёк! Плёк!» — слышалось то там, то здесь, и над поверхностью, как серебряные ножи, сверкали рыбы бока. Все вокруг жило, дышало, шевелилось, и только Павкин поплавок как мертвый. Павка трижды червей менял, горох и мух на крючок вешал, поплевать не забывал, а результата никакого. Уже Дозор от скуки скулить начал. Повизжит, лапами переберет, обойдет вокруг Павки и снова сядет.

Час прошел, а может, два — неизвестно. На дальнем конце пруда солнце по пояс в воду зашло и всю ее в медно-красный цвет перекрасило. Стоит солнце в воде, по золотому брюху себя похлопывает, а вокруг паровые облачка поднимаются. В кустах зазвенел комар, над водой толкунцы появились, и под берегом лягушки свой разговор начали. Поворчат и прыгнут в воду: «Плюх, плюх!» Лягушка в воду прыгнет, круги по воде пустит, и закачается поплавок.

«Кажется, клевать начинает!» — заволновался Павка. Раза четыре лесу выдергивал, но все впустую.

А лягушки все громче и громче болтать стали. Сначала одна, потом другая, а там уж и хор подтянет. Трещат, словно дробь по воде рассыпают. На этом берегу затают — на другом подхватывают.

«Вот еще, концерт устроили! — рассердился Павка. — Рыба только клевать начала, а они пугают».

— Кыш! Кыш! — закричал он и бросил в ряску кусок земли. Вода хлюпнула, и лягушки замолкли. А через минуту еще сильнее завели. И не то, чтобы

просто кричали, — дразнятся. Поплавок закачается, а они хором: «Крюет! Крюет! Уж-же! Уж-же!»

Павка лесу выдернет, а они: «Червяк! Червяк!»

И червяка действительно нет.

«Сожрали! Сожрали!» — кричат лягушки.

Павка рассердился и давай в них камешки бросать. В одну попал, а все остальные, как младенцы, заплакали: «Увва! Увва!»

«Конечно, так не поймашь! — соображает Павка. — Такого крика не только рыба испугается... Вон Дозор и тот под куст залез... Надо сначала всех лягушек разогнать, а уж тогда ловить».

Набрал Павка в карман камней и пошел вдоль берега. Есть лягушка, нет лягушки — он камень швырнет. Дозор обрадовался и тоже давай лягушек гонять. Скачет, лает, в воду по грудь заходит. Павка шагов двадцать прошел, а Дозор уже на том краю пруда лает. Не выдержали лягушки такого натиска, замолчали. Сидят под кувшинками и ворчат.

Вернулся Павка на свое место, смотрит, а там Серега стоит, на пустые куканы смотрит.

— Ты только пришел? — спрашивает.

— Да нет! Я уже часа четыре сижу, — признался Павка.

— Где же твоя рыба?

— Как же! Так ты ее и поймашь, если лягушки кричат. Они всю рыбу мне разогнали.

— Лягушки?! — удивился Серега, пожал плечами и сел поблизости на том самом лысом бережку, где вчера Павка зря до обеда просидел.

Хотел Павка ему сказать, что там рыба вовсе не ловится, да передумал.

Закинул Серега удочку, швырнул горсть приманки в воду и начал насвистывать: «Капитан, капитан, подтянитесь...»

Павка только открыл рот, чтобы сказать: «Тише!» — а Серега — дерг, и вытащил окуня. Тут и у Павки поклевка началась.

— погоди, не тяни, пусть лучше возьмет! — советует Серега, а сам третью рыбу тащит.

Закинул на четвертую, воткнул удилице в землю, подошел к Павке и говорит:

— Да у тебя же рыба на крючке сидит! Тяни!

Павка удилище дерг, а оно в дугу.

— За корягу зацепил! — кричит Павка.

— Да нет же! Видишь, леса ходит? Ты осторожно... Это, наверно, сом!

Сереза выхватил у Павки удилище и давай водить. К берегу, к берегу...

— Отдай удочку! Это я поймал! — запрыгал Павка и выхватил удилище.

— Эх, жаль, сачка не захватил! — сокрушается Сереза. — Мы б его с воды взяли. Сомина, видно, знаменитая...

У Павки сердце прямо выпрыгивает. Ог волнения голос пропал, руки дрожат. Вот-вот удочку выронит. И вдруг над водой какая-то зеленая морда появилась.

— Сом! — захрипел Павка и выпустил удилище.

— Где?

Побежал Сереза, подхватил удилище и дернул. Вода как будто лопнула, и в воздух взлетело что-то круглое, зеленое. Сереза схватился за живот, повалился на землю и давай хохотать.

— Ох, и сом! Ох, и сом! Ой, не могу! Помогите!

— Так это же простая лягушка! — со слезами в голосе сказал Павка.

— Зато жирная какая! — Сереза отцепил лягушку и зашвырнул ее на середину пруда. — Эх ты, горерыболов! Давай-ка я тебе помогу! — сказал он и, наживив червяка, закинул Павкину удочку.

— Это они мне отомстили за то, что я их гонял... — сказал Павка.

Вскоре у Павки клюнуло, и он вытащил окуня. А потом и другого. Больше он не поймал. Когда шли домой, Сереза ему двух верхоплавок своих отдал и линька.

— Возьми, — говорит, — а то неловко: у тебя два кукана, а рыбы коту на закуску. Завтра вместе пойдем. Я тебя по-настоящему ловить научу.

— Обязательно пойдем! — сказал Павка. — А когда уезжать буду, оставляю тебе свою удочку... И моток капроновой лесы...

Отдохнули

Начались летние каникулы. Вова и Леня в пионерский лагерь поедут только через месяц, во вторую смену. Поэтому сегодня они пошли в соседский сад. Ну, там, где сами жильцы фонтан построили. А чтобы время с пользой провести, взяли с собой интересную книжку «Конструктор» и завтраки. Потому что на воздухе всегда аппетит разыгрывается.

Сели они на скамейку. Леня сказал:

— Здесь никто нам не помешает. Я тебе, Вовка, от дела отвлекаться не дам. Я, если за что-нибудь берусь, всегда до конца довожу. Чур, первый читаю! — И начал читать вслух.

Подошел черный лохматый пес и устался на них. Леня перестал читать и говорит:

— Смотри, какая умная собака. Сказку слушает.

— И вовсе не слушает, — ответил Вова. — Просто она на наши завтраки смотрит. У тебя с чем хлеб?

— С колбасой.

— Ага! И у меня.

Только они о колбасе заговорили, собака заскулила, голову набок склонила и смотрит, словно говорит: «Дайте мне, пожалуйста, кусочек колбаски».

— Вовка, она человеческий язык понимает. Ученая!

— Ага, если у нее хвост пистолетом торчит, значит охотничья.

— Она такая лохматая, что хвоста не видно, — сказал Леня.

— Это потому, что он у нее обрублен. Давай обойдем ее и с той стороны посмотрим, а то она все время мордой к нам стоит.

— Давай. Ты справа, а я слева. По-пластунски. Чтобы не испугать ее.

Ребята легли на траву и поползли. Собака сначала завертела головой, потом подбежала к скамейке. Видит, никого нет. Схватила один завтрак и бежать.

— Стой! Держи! — заорал Леня. — Она завтрак стащила! Вовка, заходи справа, гони ее к забору!..

И началась погоня. Бегали, бегали ребята, а собака возьми да под забор и полезь. Ребята стали думать: что теперь им делать?

Осмотрел Леня забор и говорит:

— Подсади меня, Вовка. Я перелезу — тебе руку подам.

— Хорошо, лезь! — сказал Вова и подставил Леньке спину.

Леня полез.

— Стой, не шатайся! Держи ногу! — командует.

Потом он спрыгнул, встал с той стороны забора на камень и кричит:

— Давай руку!

Вова ухватился и начал карабкаться. Только залез наверх, а забор начал трещать и валиться прямо на Лёню. Лёня как закричит:

— Ой, не могу! Ой, отпускаю! — и отскочил в сторону.

Раздался треск, и Вова вместе с забором свалился на землю.

Подбежал Лёня и говорит:

— Вставай! Ничего страшного...

— Ага! Тебе ничего! А у меня колено побито и нос... Хоть бы встать помог.

Лёня начал поднимать Вову, а поднять не может.

— Кто это тебя там держит?

— Не знаю.

Посмотрел Лёня и говорит:

— Ничего страшного! Это ты за гвоздь зацепился — штаны порвал!

Вовка как закричит, как вскочит — штаны затрещали и отпустились.

— Тебе все ничего! А как я теперь домой пойду?

— Рукой придержишь. Ничего страшного... И вообще хватит дурака валять. У нас дело есть: мы пришли сюда отдыхать...

Тут снова появился пес. Стоит у скамейки, обливается. Вовка молчит, а Лёня обрадовался.

— Видишь? Видишь? Я говорил, что ученый — назад пришел. Сейчас будет стойку делать.

— Какую стойку? Нос книзу, лапы вверх? Как акробат в цирке? — удивился Вова и даже про штаны забыл.

— Да нет! Охотничью стойку. Только одну переднюю лапу поднимет! Смотри, уже поднял!

Пес действительно поднял одну лапу, потом другую и прыг на скамейку. Схватил второй завтрак и бежать.

— Вовка, чего стоишь? Собака твой завтрак стащила! — закричал Лёня. — Догоняй.

— Как же я побегу? Колено разбито, штаны порваны...

А пес с завтраком в зубах забежал за фонтан и поглядывает, будто дразнит: «Не поймаете меня! Не поймаете!»

— Вот я тебе!.. — погрозил Ленья. — Теперь от меня не уйдешь! — И, пригнувшись, побежал за псом.

А тот вскочил на барьер фонтана и пошел по кругу. Совсем как в цирке. Ленья хитрый: сделал вид, что не обращает на него никакого внимания, а потом как бросится. Пес увильнул, Ленья не удержался и бултых в фонтан — одни ноги торчат. Потом ноги исчезли, и появился весь Ленья. Мокрый, плачет, а слезы на землю ручьями текут. Мало этого, еще и за голову держится — ушиб.

Сели дружки рядом и вздыхают. Прибежал Коля из соседнего двора, увидел их, обрадовался.

— Вот хорошо, что нашел вас! — говорит. — Мы сейчас в футбол будем играть, а одного вратаря и нападающего не хватает. Пошли!

— Мы не можем, — вздохнув, сказал Ленья.

— Почему?

— Понимаешь, мы тут отдыхали и... и очень устали.

СОДЕРЖАНИЕ

Пятая палатка

Повесть

Палатка, в которой...	5
Со мной что-то происходит	10
Новые события, новые дела	16
Нет худа без добра	23
Звезды на соснах	33
Захар и Зинка мутят воду	38
Искусство требует жертв	47
Штаб-мастерская действует	54
Попробуйте сказать «и»	58
Валерий висит на волоске	62
Мы с Маей друзья	71
Здесь будет игра	74
Венька жмет благородную руку	82
Ничего не попишешь — палатки	88
Будут, не будут...	94
Костер! Костер!	99
Приготовиться к старту!	111
Неожиданный визиг	116
Ракета летит в космос	123
Пора в путь-дорогу	126

Это — я

Рассказы

Картошка	134
Скворец-молодец	137
Язык «финти»	140
Говорящий автомобиль	144
Как я ездил в Сосновку	148
Святые слезы	155

Оля-мода	161
Мой подшефный Жук	166
День самоуправления	174
Росинант	184

Знакомые сюрпризы

Р а с с к а з ы

Беспризорник	195
Митрофан с подушкой	204
Храбрый Зайцев	217
Сюрприз	223
Как Павка рыбу ловил...	230
Отдохнули	235

Художник И. Пчелко

Чеповецкий Ефим Петрович

ТВЕРДЫЕ ОРЕШКИ. Повести и рассказы
для среднего и школьного возраста. М., «Моло-
дая гвардия», 1963.
240 стр., с илл.

Р2
Ч-44

Редактор Л. Хотилова
Худож. редактор В. Плешко
Техн. редактор Н. Михайловская

А02062. Подп. к печати 23/III 1963 г.
Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 7,5(12,3).
Уч.-изд. л: 11,8: Тираж 115 000 экз. Заказ 2123.
Цена 50 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая
гвардия». Москва, А-30, Сушцевская, 21.

50 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ